

18+

ЛИНА КОРОТАЕВА

НОЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЭСТЕЛЬ

Лина Коротаева

Ной. Книга третья. Эстель

<https://litres.ru/74504262>

ISBN 9785007131070

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Ной выносил вердикты в состоянии гнева, и они были страшны. Он никогда не менял своих решений, за что его боялись и прозвали «кракеном» и «спрутом». Его приговоры, словно щупальца, намертво обхватывали тех, против кого они были направлены, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Когда Ной говорил, что сделает, он непременно это делал, и эта его решительность превращалась в причину для глубокого страха. Любая ошибка «врага» могла привести к необратимым последствиям, выхода из которых не было.

Ной

Книга третья. Эстель

Лина Коротаева

© Лина Коротаева, 2026

ISBN 978-5-0071-3107-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-5337-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме...

**Все имена, места и события — вымышленные. Любое сходство с реальными — случайность. Автор не ставил целью кого-либо обидеть.*

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.» (Екклесиаст 1:9)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛАКШЕРИ

Мы направлялись к моей вилле у океана в составе внушительного кортежа, напоминавшего президентскую делега-

цию. Кристиан усадил меня в мою синюю «бэху», так и не отпуская из своих рук, и пристегнул ремень, едва коснувшись губами моих губ. Впереди, в черном BMW, ехал Саша в роли главы семейства, с телохранителем рядом. За нами, разрезая тишину воем сирен, двигались две полицейские машины, расчищая нам путь. Мы с Кристианом следовали за ними. Далее — эскорт Ноя из шести черных внедорожников, а замыкала всю колонну еще одна полицейская машина. Нам уступали дорогу. Водители спешно сворачивали к обочинам, их взгляды выражали смесь страха и недоумения, пытаюсь угадать, кто же этот столь важный господин, удостоивший их своим стремительным проездом.

Я всю дорогу ехала, положив голову на плечо Кристиана, периодически вытирая влажной салфеткой щеки на его лице, и сокрушаясь, что какой-то идиот умудрился посягнуть на красивое лицо моего мальчика своими грязными руками. Крис сидел с молчаливым лицом, лишь поглядывая по зеркалам испуганными глазами. В воздухе стояло абсолютное напряжение даже при том, что все ехали в машинах, потрясённые последней ситуацией. К этому напряжению добавилось ещё и присутствие полиции, отчего все были предельно осторожны и испуганы. Одна я, успокоившись в объятиях Кристиана, ничуть не переживала и почти расслабилась, но ужасно хотела спать. В салоне я нашла случайную шпильку, которая у меня когда-то выпала, и скрепила волосы в пучок, чтобы волосы не лезли в лицо.

«Странно, почему впереди всей колонны едет Саша, а не я!» — улыбнулась я, но не расстроилась, предоставив ему возможность почувствовать себя главным.

— Крис, я сейчас буду долго спать, поэтому никого на виллу не пускай! На вилле останется только мама Алла и нянечка. Включи систему. Саше тоже там нечего делать, пока я буду в отключке. Новый пароль они всё равно не знают. Я проснусь и всем сама позвоню. Хорошо? Я ужасно хочу спать, Крис, прямо засыпаю на ходу. Ещё и голова кружится!

— пожаловалась я ему.

— Да, Маринка, никто не зайдёт, пока ты не разрешишь!

— ответил Кристиан, поглядывая на меня. Наш кортеж остановился на просторной стоянке виллы. Все высыпали из машин и создали невероятное столпотворение, осматриваясь вокруг. Полицейские, чьи лица отражали смесь изумления и восхищения, оглядывали элитную и, без сомнения, самую дорогую виллу на побережье океана в пригороде NSY. Вряд ли им доводилось бывать в столь роскошных апартаментах во время службы, но в их глазах уже горело нетерпение. Все ждали, когда я выйду из машины, и поглядывали в нашу сторону. Я держала театральную паузу, ожидая рук Кристиана, который уже понял, что ему надо вновь нести меня на руках, а я тем самым показывала всем, что я тут главная и никто другой. К нам тут же подбежал взволнованный Борис.

— Мариночка! Что случилось? Я не могу зайти к Аллочке! Вы сменили пароли?

— Папочка, сейчас ты зайдёшь с нами и расскажешь полиции, как живут мои малыши. Покажи им всё, хорошо? Они хотят посмотреть. У меня кружится голова, и я ничего не соображаю, потому что на меня напали в кафе и чуть не убили, понимаешь? — дрожащим, плачущим голосом ответила я. Борис тут же на ходу начал щупать мой пульс, пока Кристиан нёс меня к вилле, и все с опаской и волнением поглядывали на нас. Борис взял на себя весь разговор с полицией, сопровождая нас и отстраняя Сашу и Ноя рукой. Он знал, как общаться с полицией, показав им свои документы и обозначив свой статус женского врача, заодно, и детского.

— А вы не заходите! — показала я рукой на Сашу и Ноя, держась одной рукой за шею Кристиана. — У меня новый пароль! Я выплусь и позвоню вам! Потом решу — пускать вас или нет. Я сама всё расскажу полиции. Можете продолжать веселиться с девочками и разбирать их подарки. Неси меня, Кристиан! — с раздражением ответила я мужчинам, на что офицер полиции хмыкнул, улыбнувшись, и вошёл внутрь вместе с нами. Кристиан закрыл дверь перед Ноем и Сашей, продолжая держать меня на руках. В их глазах стояло полная растерянность и недоумение, но я уже не обращала на них внимание.

— Бахилы! — крикнула я Борису, и он, растерявшись, договаривался с офицерами, которые, понимая, что поднимаются к детям, исполняли все его инструкции. Борис показал им лестницу на второй этаж. Тут же стояла испуганная ма-

ма Алла, закрывая рот руками, увидев полицию и меня на руках у Кристиана, а Борис успокаивал её, прижав к себе и на ухо объясняя причины появления полиции в доме. Офицеры были предельно спокойны, вежливы и учтивы. Они с нескрываемым восхищением разглядывали интерьер виллы, запрокидывая головы, чтобы рассмотреть потолочную лепнину, и уделяя особое внимание настенным инсталляциям и предметам обстановки. Один из офицеров шёпотом пару раз произнёс: «Bay!», проходя мимо огромной хрустальной люстры, свисающей с потолка двойной высоты. Гостиная с панорамными окнами, выходящими на океан, надолго задерживала их взгляды, заставляя выворачивать головы на сто восемьдесят градусов.

Когда мы поднялись по мраморной лестнице, офицеры застыли, словно пораженные молнией. Их «Bay!» прозвучало ещё громче. Первое, что им бросилось в глаза — это длинный коридор с дверьми. За одной из дверей — комната, стилизованная под джунгли, с плюшевыми лианами, свисающими с потолка, и рисунками экзотических животных на стенах. Это была ещё не до конца обустроенная детская. В моих планах было сделать из этой комнаты игровую зону, когда детки начнут ползать и ходить. Что-то вроде интерактивного музея морских обитателей, с проекторами, создающими эффект плавания под водой, и водопадами. Всё очень интерактивное и развивающее. На стенах располагались сенсорные панели, превращавшие их в интерактивные холсты. Дети

могли бы рисовать, играть в развивающие игры, учить азбуку или просто оставлять друг другу забавные сообщения. По комнате были расставлены умные игрушки, реагирующие на речь и действия детей. Они могли рассказывать сказки, петь песни, учить новым словам или просто поддерживать беседу, становясь настоящими друзьями для малышей.

Я открывала следующие двери и показывала офицерам будущие детские. Они осматривали всё вокруг, как в музее, открыв рты от удивления и восторга. За другой дверью с табличкой «Александр» была целая миниатюрная гоночная трасса с машинками на радиоуправлении и огромным плакатом с изображением Феррари. Это была отдельная спальня для Сашеньки, которая ещё не была доведена до ума из-за отсутствия детской мебели в ней. Я остановилась у одной из комнат. На табличке было выгравировано имя моей доченьки — «Кира». Осторожно приоткрыла дверь, и все заглянули внутрь. Это была настоящая сказка, только современная. Стены были выкрашены в мягкие пастельные тона, одна из них украшена огромным изображением сказочных персонажей из «Ледяного сердца»: Олафа, принцессы Анны и принца Ханса, как будто парящего в облаках. В углу комнаты — небольшой подиум, на котором расположилась настоящая сцена с микрофоном и музыкальными инструментами. Пол накрывал бежевый ковёр с высоким мягким ворсом. Детская Киры была уже готова, потому что она всю уже ползала, в отличие от своего ленивого братика. Я иногда

её приносила в эту комнату, и она уже пыталась вставать на ножки, рассматривая стены и яркие рисунки на них.

В самой детской, где спали дети, уже нас ждал Борис в белом халате и со стетоскопом на шее. В ней находились две кровати, накрытые балдахинами из тончайшего шелка, а вокруг — море плюшевых игрушек: от огромных медведей до крошечных морских котиков. Целый арсенал погремушек, игрушек, книг, одежды — всё, что только можно пожелать. Дополняли картину умильные детские комодики, выполненные в виде любимых персонажей мультфильмов. Вместительные шкафчики с резными ручками хранили горы одежды.

У окон, оборудованных системой «умный дом», висели шторы из мягкой ткани, плавно регулирующие уровень освещения и создающие идеальную атмосферу для сна и игр. При необходимости опускались жалюзи с дистанционным управлением, превращая комнату в уютное убежище от яркого солнца. Система климат-контроля автоматически поддерживала оптимальную температуру и влажность, создавая комфортный и здоровый микроклимат для детей. Ночник-проектор, встроенный в потолок, проецировал на стены созвездия и сказочные сюжеты, а встроенная звуковая система тихо наигрывала колыбельные. Система ароматизации воздуха распыляла в комнате натуральные эфирные масла с успокаивающим и расслабляющим эффектом, создавая атмосферу уюта и гармонии.

Встроенная звуковая система могла воспроизводить успокаивающий белый шум, звуки природы или тихие колыбельные, помогая детям заснуть крепким и здоровым сном. И, конечно, система безопасности, интегрированная в «умный дом», следила за каждым движением и звуком в комнате, помимо моей «скрытой» камеры. Как только дети просыпались и издавали звуки, датчики отправляли уведомление на мой телефон, нянечке или Саше. И всё это только для двух маленьких деток, живущих на вилле у самого океана.

Офицеры молча переглядывались: возможно, они чувствовали то же самое: «Вау?» Борис в своей манере начал рассказывать им распорядок дня детей; часы кормления и молочные смеси, показывая питание в баночках; одежду и градусники для купания; дневники наблюдения за здоровьем; сертификаты прививок и ещё кучу документов о здоровье детей. Девушка в форме записывала что-то себе в планшет, иногда делая снимки предметов и мебели. На строгих лицах мужчин вдруг заиграли улыбки и умиление в глазах.

Офицеры вышли, предложив показать им спальню их матери.

— Вот здесь! — открыла я им двери своей спальни, — только у меня не прибрано. Я не успела утром всё привести в порядок! — предупредила, улыбаясь им.

Офицеры зашли внутрь и остолбенели, увидев обзорное окно, которое сразу выходило в воду. Девушка в форме, улы-

баясь широкой улыбкой, попросила разрешения подойти поближе и разглядеть, как такое может быть, если океан сразу за стеклом. Мои пятикомнатные «хоромы» поразили их не менее, чем детские. Они вращались вокруг, рассматривая всё сразу с нескрываемым удивлением. Они ходили как по музею, когда я им показывала комнату, где располагались: домашний кинотеатр, кабинет с библиотекой, санузел с джакузи и СПА-салон в придачу, мини-кухня, двухкомнатная гардеробная, спальня с кроватью размером со стадион и бытовой лифт.

Спустившись вниз, девушка в форме сделала пару снимков внутри виллы на первом этаже: санузлов, гостиной и самой виллы на выходе. В глазах девушки я заметила восхищение и толику зависти, смешанную с сожалением. Я подписала ещё парочку документов главному офицеру, который успел заглянуть с любопытством мне в глаза, и они поспешно вышли.

— Теперь я понимаю, зачем ей нужна живая ручная рыба! — негромко сказал один офицер другому, и они все посмеялись, оглядываясь на Кристиана.

Кристиан включил сигнализацию на весь периметр частной территории, и мы все разошлись по комнатам. Из окна спальни я видела, как Саша с Ноем стояли на палубе яхты и ругались между собой, махая руками. Ной пальцем тыкал Саше в лоб, ругая его, видимо, за то, что тот разрешил показать мне открытки и подарки от его поклонниц.

«Теперь можете поубивать друг друга! Я разрешаю!» — подумала я, улыбаясь, и нырнула под одеяло.

АДВОКАТ

Проснувшись на следующий день в обед в абсолютной тишине, не понимая, сколько времени я проспала, сразу включила телефон и увидела массу сообщений и звонков, в том числе от неизвестных номеров.

— Ой, я потом всё разберу и отвечу! Я хочу пить и много! Молока! Кокосового! — посмеялась я и пошла к холодильнику. Посмотрев в окно, я увидела, что яхта Ноя по-прежнему стояла у пирса и на ней никого не было. Напившись молока, я опять прыгнула под одеяло, включив онлайн-камеру в детской. Всё было тихо и спокойно. Мама Алла сидела в кресле и что-то вязала крючком, поглядывая на кровати. Напротив неё сидела няня-Клава и читала журнал.

— Крис, поднимись ко мне! — позвонила я ему. Он быстро открыл дверь, словно стоял за ней. — Крис, иди поцелуй меня! — я протянула к нему руки из-под одеяла, приглашая к себе. Кристиан улыбнулся, но остановился.

— Маринка, ты же знаешь, что я не смогу потом остановиться после твоего поцелуя! — засмутился он, ехидно поглядывая на меня.

— О боже, Крис, почему вы, мужчины, такие идиоты? — плюхнулась я опять под одеяло. — Почему нельзя просто обнять, поцеловать, погладить и всё, а надо обязательно

всё максимально усложнять и заканчивать чем-то большим? Неужели вы не можете без этого? Сядь в кресло! — Крис засмеялся и сел напротив меня в кресло, приготовившись слушать.

— Что там, Крис, рассказывай? — укрывшись одеялом с головой, спросила я.

— Ной вечером поставил Саше фингал под глазом! Не дрались, но у Саши сейчас синяк! — со смехом сказал он.

— Почему я не удивлена? Так ему и надо! — пробубнила я под одеялом.

— Кстати, главное! — вспомнил Кристиан. — Приезжал адвокат Мэтью и хотел с тобой поговорить, но не дождался и уехал. Будет звонить тебе!

— Что ему надо? Разве Мэтью ещё не посадили в тюрьму? — удивилась я, откинув одеяло.

— Видимо, отпустили под залог и хотят договориться с тобой!

— О боже! Я не хочу сегодня никого видеть, Крис! Ещё и дождь на улице! — потянулась я, разглядывая в окно беспокойный океан.

В моём телефоне творился настоящий хаос. Звонки от Ноя шли нескончаемым потоком. Потом звуковые сообщения от Саши, в которых он злым голосом отчитывал меня за вчерашние события, делая акцент на то, что я непутёвая мать, жена, которая опять изменила ему, опозорила его перед полицией и мужиками, безответственный генеральный

директор, сорвавший сделку, и не нарисовала ему эскизы «умных домов», а уехала неизвестно куда, и вообще «грязная» женщина. На что я написала: «Отвали! Достал уже!» — и удалила его в архив. Последнее голосовое сообщение от Саши просто убило своим идиотизмом, отчего у меня снова испортилось настроение:

«Какого хрена ты посадила Мэтью? Я тебе о нём всё рассказал! Подумаешь, за ногу схватил и волосы потрогал! Твои ноги и волосы уже кто только не хватал и не трогал в Штатах! Твоя „рыба“ и все твои любовники тебя больше хватают, таскают, тискают в кустах и ничего — на свободе до сих пор! А тут в позу встала что ли? Что ты полиции наговорила про него? Он хороший мужик! Он тебе виллу, фитнес просто так подарил! Могла бы с ним поговорить и всё! Это сложно? Теперь из-за тебя ему дадут срок! Ты вообще соображаешь, что натворила? Как теперь его отмазать? Слов нет!» — бесился Саша злующим голосом, а я представляла, что он, наверняка, смотрел на себя в зеркало и, видя синяк под глазом, записывал мне звуковое.

Я знала, что он очень трепетно относится к своей внешности, а фингал под глазом его сразу усмирит, но ему нужно было на ком-то сорвать злость, как это всегда было с ним, и именно меня он выбрал «жертвой» вместо того, чтобы разобраться с Ноем по-мужски. Я знала, что он будет «выносить всем мозг», пока фингал не пройдёт, пребывая все дни в плохом настроении.

Иво написал несколько милых сообщений без всяких претензий, сообщив мне, что всё равно любит. Он прислал мои любимые жёлтые, пышные хризантемы и коробку свежайших эклеров, сделанных по особому заказу с «птичьим молоком» и варёной сгущёнкой, как я люблю. Я пила кофе с эклерами и набрала Ноя.

— Ной, это я! Я проснулась! — проговорила я с полным ртом, зная, что он не успокоится, пока не дозвонится до меня.

— Марина, Мариночка, любовь моя! Это ты? С тобой всё хорошо? Я места себе не находил. Я... Я так виноват перед тобой, ты не представляешь! — Он тяжело вздохнул, пытаюсь совладать с собой. — Я... Я такой дурак, Марина! Ты была права во всём. Я только сейчас это понял, когда чуть не потерял тебя! Все эти открытки... эти дурацкие подарки... Я сжёг их все, понимаешь? Все до единой! А коробки... да что коробки! Я выбросил в океан, не вскрывая их! Посмотри, они до сих пор плавают, наверное, или их выбросило волной к рыбакам! Выбросил от злости, от ревности, от собственной глупости. Я думал, так я докажу тебе, что ты только моя. А на самом деле... я чуть не уничтожил самое дорогое, что у меня есть, — в его голосе сквозили неподдельное раскаяние и отчаяние. — Марина, я хочу к тебе. Сейчас же. Я хочу увидеть тебя, обнять, попросить прощения... Я понимаю, что это, наверное, слишком много сейчас, но..., — он замолчал, собираясь с духом. — Я не знаю, сможешь ли ты

меня когда-нибудь простить... Но я клянусь, я стану другим человеком, если ты дашь мне шанс. Я буду дорожить тобой, как зеницей ока. В следующий раз я запрещаю всякие доставки! Меня просто не было, и их доставили без меня. Я бы всё отменил, вот и всё! Но ты же знаешь испанца! — он снова вздохнул. — Я понимаю, ты можешь не хотеть меня видеть... Но я должен был тебе это сказать. Я должен был, чтобы ты знала... Я люблю тебя, Марина. Безумно люблю. Меня опять всего ломает без тебя! — помолчав немного, Ной закончил с ноткой тоски в голосе, — к сожалению, сегодня никак не смогу освободиться раньше. Дела, которые нельзя отложить. У меня Франция и Турция сидят в офисе, но обещаю, вечером я буду у тебя. Если ты меня, конечно, захочешь видеть. Пожалуйста, скажи, что захочешь... Мариночка?

— Ной, работай себе спокойно! Я дома весь день. Я только села завтракать, представляешь? Вечером будет видно. Я тебе звоню, чтобы успокоить тебя! Всё хорошо! Целую, пока! — отключилась я. — «Странно, ничего не сказал про Мэтью и не отчитал, как его преосвященство — „Аз есмь“ Александр! Ну да ладно. Надо себя привести в порядок!»

— Да, я слушаю! — ответила я неизвестному номеру спустя час.

— Это адвокат Мэтью К., — представился голос, обладатель которого явно был в годах. — Я приезжал к вам, но вы отдыхали! Я бы хотел, вернее, мы с Мэтью, хотели бы уладить конфликт и поговорить с вами. Мэтью очень настаивает

на личной встрече с вами сегодня без физических контактов, естественно. Всё будет предельно сдержанно и тактично по отношению к вам, пожалуйста! Я очень вас прошу!

— Сегодня? Он на свободе? Что он хочет? Я его боюсь! Я не готова его принять после вчерашнего! Я с трудом пришла в себя после нападения вашего Мэтью! — была удивлена я наглости адвоката.

— Да, сегодня, в любое удобное для вас время. Это крайне срочно! Мы готовы подъехать. Я очень прошу вас уделить ему несколько минут. Он желает поговорить с вами не о своём наказании, а о чём-то личном. Он давно искал возможности встретиться с вами, но обстоятельства складывались так, что вы всегда были в окружении. На рауте он немного растерялся и теперь настаивает на личной беседе. Это, если угодно, его крик души! Он осознает, что будет наказан по закону, и принимает это, но тема его разговора иная. Его с трудом, благодаря нашей команде, выпустили под залог, но это временно. Всё очень серьёзно, Марина Алексеевна, поймите! Он не причинит вам вреда, я буду рядом!

— О личном? О чём, о боже? Он мне всё сказал на рауте о своём личном. Рассказал подробно, что обо мне думает. Он унизил меня при всех! Я была под особым впечатлением, когда он предложил мне провести с ним ночь при муже или купить меня у него на два-три часа! О каком личном ещё можно говорить с ним? Я даже слушать не хочу! — возмутилась я, с содроганием вспоминая последние события.

— Я понимаю! Он хочет попросить у вас прощения! Он погорячился! Понимаете, ему сейчас сложно. У него большие проблемы в личной жизни, поэтому он обрушился на вас! Он не со зла! Тема его беседы с вами — это его личная трагедия, о которой он хочет только вам сообщить. Помогите ему! Он мне не говорит, о чём хочет поговорить с вами, но он готов отсидеть срок, лишь бы вы его выслушали и помогли ему. Это возможно? — не унимался адвокат, настаивая на личной встрече с Мэтью.

— Хм, странно как-то! Чем я могу помочь мультимиллионеру? Мы даже с ним не знакомы! Удивительно просто! Хорошо, приезжайте к шести вечера. Я вас приму в гостиной у себя на вилле, — скрепя сердце согласилась я, не ожидая такого поворота событий.

— Спасибо большое, спасибо! Мы приедем! Мэтью будет рад! — отключился адвокат.

«О боже! О личном? Я так и знала, что у него есть своя тайна, а подарки — это лишь знаки! Я угадала! Хорошо, послушаю, что он хочет, и заодно лучше присмотрюсь к нему, если, конечно, смогу. Он тоже не из простых! Трагедия? Что там ещё за трагедия у миллионера? У миллионеров есть трагедии, и они тоже плачут? Ха-ха! Надо изловчиться и закрыть его шрам на подбородке, этот портал в подсознание, только так я смогу его „прочитать“, но как это сделать? Надо что-нибудь придумать!» — подумала я и пошла дальше приводить себя в порядок.

МЭТЮ

«О боже, что там опять творится?» — посмотрела я в окно и увидела целое скопление машин у виллы, похожее на «сходку братков».

Ещё не было шести вечера, но суета вокруг виллы уже шла полным ходом. Пристальнее рассмотрев скопление мужчин, я увидела Рената, который был главным среди охранников Ноя и всеми командовал. Шесть кроссоверов с телохранителями ждали Ноя.

«Если Ренат тут, значит, сейчас прилетит Ной! Откуда Ной знает о встрече? Хоть бы не устроили тут драку с перестрелками! Хорошо, что у меня новая система охраны, и никто не войдёт, пока я не разрешу! Если что, сразу подъедет полиция, если уже не подъехала!» — продолжала наблюдать я из окна за массовой. Охранники высыпали из машин, выстроившись в живую стену. Ренат командовал, что-то махая им руками. Напротив стояли три чёрных внедорожника с незнакомыми номерами. Люди в чёрном, скорее всего охрана Мэтью, человек восемь, стояли около своих машин, явно ожидая хозяина. Невдалеке стоял Саша на своём броневике с двумя телохранителями. Подъехал Борис и подошел к Саше, рассказывая ему что-то, показывая руками на виллу и на «боевиков».

Я привела себя в порядок, особо не расфуфыриваясь перед гостями, надев длинное домашнее платье по типу хала-

та и распустила волосы. Волосы я как следует «пролечила», поэтому решила дать им отдохнуть, лишь хорошо их расчесала и придала блеск. Нанесла минимум макияжа и парфюм. Одевшись по-домашнему в шёлковое струящееся сиреневое платье, я выглядела вполне привлекательно. На ногах были домашние туфельки с помпонами из белого пуха. Лифчики я практически не носила, только в особых ситуациях, если нужна была форма под платье. Моя грудь оставалась прежней и держала форму, абсолютно не нуждаясь в поддержке «упряжью», поэтому я радовалась этому факту и не напрягала себя тесными лямками. И потом, я знала, что моя грудь, едва прикрытая тонкой тканью, служит мощным отвлекающим фактором. Обычно, пока мужчины заняты разглядыванием груди, я получала возможность оценить их полностью, вплоть до содержимого их брюк.

Я была готова и нравилась себе, когда, глядя в окно, увидела, как тихо, почти крадучись, подъезжал огромный чёрный внедорожник на больших колёсах. За внедорожником ещё пристроились два чёрных мерседеса, и вертолёт Ноя заходил на посадку. Я сразу поняла, что едет Мэтью.

«Почему я не удивлена выбору его машины? Это, естественно, что-то дикое и звериное! Конечно же, Hummer H2 — внушительный и агрессивный, с огромными колесами. Не машина, а бронированный мамонт! О боже!» — рассматривала я с интересом весь кортеж «дикого животного» по имени Мэтью. — «Огромный, угловатый, точно вырублен топо-

ром из цельного куска стали. Мощные бамперы, как челюсти бульдога, готовы снести любую преграду, даже муху не пропустят. Это какие-то бронеплиты, а не бамперы. Никакого пластика, только толстый стальной профиль, усиленный кенгурятником, точно он собирается таранить танк. Сразу видно, что Мэтью не боится ни бордюров, ни кочек — да вообще ничего! Ох и самец! На крыше, будто глаз циклопа, навис световой прибор, от которого слепнет всё живое, даже солнце позавидует. Сверху еще дополнительно установлена люстра из диодных балок, каждая размером с кирпич! Кажется, он ими мог бы плавить металл на расстоянии. А колеса... боже мой! Эти монструозные „катки“ с зубастым протектором! Кажется, что они могут переехать что угодно — от легковушки до небольшого дерева. Он не едет, а рвёт асфальт в клочья, оставляя за собой лишь хаос и восхищение. И диски, выкрашенные в черный матовый цвет, только подчеркивают эту brutальную мощь. Он же на них не ездит, он ими давит все живое! Он просто создан для апокалипсиса. И, конечно же, только Мэтью мог выбрать такую машину. Другую машину я бы и не представила! Господи, за что мне это всё? Сидела бы в своей Барселоне и нюхала одуванчики! Нет, чёрт понёс к Санечке! Вот дура! — пребывала я в страхе от увиденного, не зная, что меня ждёт дальше. — Значит, он любит покорять любое бездорожье и, конечно же, доминировать. В сочетании с кожаным стилем — абсолютная brutальность и бескомпромиссная мощь. Сексуально, конечно!

Ох и самец! Такого дерзкого, неуправляемого животного у меня ещё не было! Шекспира он точно не читает! Если бы он приехал на танке с копьём, мечом или арбалетом, я бы тоже не удивилась!»

Охранники Ноя и Мэтью встречали боссов, хаотично бегая в разные стороны и передавая друг другу что-то по радиации. Они все как один держали руки во внутренних карманах пиджаков, будто занимали оборону перед штурмом или разборкой.

«Все собрались для моей встречи с Мэтью! Как феерично, боже! Зачем они все здесь? Брать штурмом виллу или разнимать нас с Мэтью? Зачем, о господи?» — улыбалась я от этого всего, глядя в окно. — «Мужчины, конечно, удивительные существа!»

— Мариночка, что там за люди? — спросила меня мама Алла.

— Мамочка, это Борис приехал! Сейчас я его впущу. Он будет с тобой. Позвони ему. Пусть проходит! — распорядилась я, готовясь морально к встрече.

Из Hummer вышел Мэтью в безупречном чёрном костюме и галстук с адвокатом, пожилым мужчиной. Мэтью был строг и галантен, осматриваясь вокруг. Адвокат ему всё время что-то говорил, тряся руками перед лицом. Тот молчал. Из салона Мэтью вытащил огромную корзину бордовых роз и корзину с какими-то цветными упаковками и фруктами. Адвокат вытащил большую коробку с тортом, которую нёс

в руках.

Ной крутился вокруг больше всех и сильно волновался, увидев, как Мэтью с корзинами направляется к воротам виллы. Он сперва кинулся к Мэтью, но остановился и убежал на яхту, потом вернулся к охранникам и снова побежал к вилле. Ной больше всех создавал хаос и неразбериху, придавая этой встрече оттенок балагана. Его резкие выкрики и непредсказуемые движения рассеивали и без того зыбкое внимание собравшихся. Казалось, он наслаждался всеобщим замешательством, как дирижер, играющий на нервах публики перед началом серьезного выступления. Кристиан пустил внутрь только Бориса, адвоката и Мэтью. Сашу и Ноя я не пустила в виллу, предупредив заранее об этом Кристиана. Саша стоял около ворот и потягивал сигару, спокойно наблюдая за всей суетой, будучи на подстраховке у Кристиана. Тот был предельно строг, сдержан и подготовлен, скорее всего, вооружён, поэтому держался надменно со всеми и лишь изредка переговаривался с Ренатом по телефону. Он ни с кем не разговаривал, а лишь показывал знаки руками, чётко отслеживая ситуацию. Он работал и охранял меня, и мне было с ним спокойнее, чем с Ноем или Сашей.

Гости расположились на первом этаже в гостиной и ждали меня. Борис сразу поднялся к детям. Кристиан подготовил стол: вино, чай, лёгкие закуски и сладости. Я держала паузу, прихорашиваясь у себя. Прошло десять минут, и я открыла дверь спальни, подслушивая разговор внизу. Мужчи-

ны сидели в креслах. Адвокат присел на край кресла, направив корпус вперёд, Мэтью вальяжно расположился в кресле и слегка дёргал ногой, поддерживая голову рукой и немного наклонившись в сторону.

— Мэтью, я очень прошу! Спокойно, хорошо? Иначе сядешь! У тебя серьёзная статья. Тебя с трудом отпустили под залог благодаря связям. Я еле её уговорил о встрече. Она не хотела соглашаться и даже слышать о тебе. Будь благоразумен на этот раз! — уговаривал его адвокат, а Мэтью лишь молча кивал ему.

Они увидели, что я спускаюсь, и встали, рассматривая меня снизу. Адвокат сразу расплылся в широкой улыбке. В глазах Мэтью разыгрался игривый и довольный блеск. Он был восхищён, увидев меня, и облегчённо выдохнул. Я увидела в его глазах отблеск азарта, как будто я была долгожданным сюрпризом, кульминацией тщательно спланированной игры. Этот взгляд заставил меня немного съёжиться, ощутить себя одновременно уязвимой и невероятно желанной. Я чувствовала, как кровь приливает к щекам, но старалась сохранять невозмутимый вид. Адвокат тем временем уже что-то оживленно говорил, его голос лился потоком лести и профессионализма. Это был седовласый мужчина. Его волосы были аккуратно зачёсаны назад и подчёркивали высокий лоб, добавляя ему вид почтенного мудреца. Чёрный костюм сидел безупречно, выдавая его высокий статус и внимание к деталям. В целом он производил впечатление человека, знающего

го себе цену и привыкшего добиваться своего.

Мой взгляд вновь встретился со взглядом Мэтью. Мы ещё не включили свои механизмы воздействия на подсознание, а лишь внимательно разглядывали друг друга. На его губах играла едва заметная улыбка, полная обещаний и скрытых смыслов. Он внимательно следил за моей реакцией. Я невольно залюбовалась им: высокий, статный, с сильным подбородком, дерзким, выступающим шрамом и пронзительным, глубоким взглядом. Он был воплощением силы и уверенности. Шрам на его подбородке выглядел не просто как случайный порез, а как выжженная метка, точно молния оставила свой след на крепком дереве: неровные края, слегка втянутые внутрь, рассказывали историю о быстром, грубом заживлении, без излишней заботы и сантиментов. Мне показалось, что его плечи были настолько широки, что я невольно подумала, как на них держится если не мир, то уж точно благополучие доброй половины города.

«О боже, вот это плечи! Теннисист, как сказал Саша: узкие бёдра, мощные ноги и безумно огромный торс! Такой скрутит, и вякнуть не успеешь! Надо взять себя в руки. Я здесь не для того, чтобы восхищаться Мэтью или поддаваться чарам адвоката. У меня есть своя цель, и я не позволю ему отвлечь меня на этот раз!» — собравшись с духом, я сделала шаг вперед, твердо намереваясь взять ситуацию под свой контроль.

— Добрый день, — произнесла я, стараясь, чтобы мой го-

лос звучал ровно и уверенно. В ответ Мэтью одарил меня еще одной улыбкой, на этот раз более открытой и искренней. И почему-то эта маленькая перемена в его выражении лица заставила меня почувствовать себя немного увереннее.

ТЕТ-А-ТЕТ

Адвокат, рассказывая о всех предстоящих сложностях и проблемах, предложил нам договориться и мне отозвать заявление в обмен на всё, что я захочу. Мэтью сидел молча и продолжал разглядывать меня. На самом деле мы не слушали адвоката, мы изучали наши возможности и углубились друг в друга мысленно, как будто принимались и прицеливались, как на охоте. Я понимала, что нам нужно поговорить наедине с Мэтью, и адвокат только мешал. Он говорил много лишнего, невпопад и только препятствовал налаживанию нашего контакта.

— Подумайте, Марина Алексеевна, ведь можно решить всё миром! Не стоит усложнять жизнь ни себе, ни Мэтью. Мы готовы предложить вам разумную компенсацию в обмен на отзыв заявления... Я уверяю вас, необязательно выносить это в публичную плоскость. Такой процесс ударит по репутации всех сторон. Уверен, конфиденциальное соглашение будет разумнее и для вас, и для Мэтью. Я понимаю ваши чувства, но, поверьте моему опыту, подобные дела редко заканчиваются так, как ожидают истцы. Судебные тяжбы могут затянуться, повлечь большие издержки и в итоге не при...

— Я хочу предложить Мэтью более уединённую обстановку. Извините, но нам надо поговорить без посторонних, один на один! — прервала я адвоката. Это было так внезапно для них, что Мэтью, казалось, вздрогнул от неожиданности и немного ожил, как будто сам хотел предложить мне этот вариант общения. В его глазах вспыхнуло откровенное восхищение моим предложением.

Адвокат сразу ретировался и согласился, помахав предупредительными жестами Мэтью и похлопав ему глазами. Я встала и кивнула головой, показывая Мэтью, куда идти. Мы направились с ним в комнату для гостей, которая находилась на первом этаже. Это была совсем небольшая уютная комната с диваном, креслом и столиком. Небольшое окно с видом на океан, мини-бар и полки с книгами создавали домашнюю непринуждённость и располагали к тесному общению. Камер там не было, и я знала об этом. Мэтью сел в кресло, а я пристроилась на диване напротив него, скрестив ноги.

Сперва мы просто молча смотрели друг на друга, не решаясь начать диалог. Он, по сути, нам был не нужен, потому что мы немного изучили и «покопались» в мозгах друг у друга ещё в кафе.

— Марина, сколько тебе дать денег? Скажи! Сколько ты хочешь? — почти тихо и неуверенно первым начал Мэтью, оглядывая комнату.

— Мэтью, ты же приехал не за тем, чтобы предложить мне денег, просить об отзыве дела или умолять о прощении. Ска-

жи честно! Не бойся, тут нет прослушки. Можешь говорить открыто! — предупредила я, видя страх в его глазах.

— Я... Я могу! Марина! Да! — сглотнул он, немного растерявшись. — Я прошу прощения за резкий тон на вечере, но я не ожидал, что увижу ту, которую так долго искал и о которой слышан. Я не мог тебя найти! Я никак не ожидал увидеть тебя с Ноем на рауте. Я был потрясён. Ты мне нужна! Нужна как женщина и как..., — осёкся он и опустил голову, собираясь с мыслями и подбирая нужные слова. — Только ты мне можешь сейчас помочь! Мне нужна твоя помощь! Я хотел, чтобы ты меня заметила, поэтому я...

— Я поняла это. Что случилось, Мэтью? — спокойно спросила я у него, не дав ему договорить. Он опустил голову, не зная, как начать, качая головой из стороны в сторону, словно пытаясь вытряхнуть тяжелые мысли, держась руками за неё. Он, казалось, был подавлен, плечи его поникли, выдавая всю тяжесть бремени, что он нёс. В глубоком отчаянии он силился найти хоть какую-то опору, хоть проблеск надежды. Тихий стон вырвался из его груди, словно крик о помощи, который никто не услышит. Он тяжело задышал и, казалось, морально сломался и замер.

— Мэтью, расскажи мне о своей тайне. Кто этот мальчик в горах? Он твой сын? Что с ним? Почему я должна тебе помочь? Светлана его мать? — сразу выложила я, как на духу, свои предположения, понимая, что ему сложно говорить, и кому-то надо начать первым. Он обомлел, сразу услышав от

меня вещи, которые тщательно скрывал. Его глаза на мгновение расширились, и сквозь маску сдержанности промелькнуло удивление, граничащее с испугом. Он непроизвольно дернулся, словно от внезапного удара, и на мгновение сжал губы в тонкую линию. Внезапный, непроизвольный рывок пронзил его тело, словно удар током. Это был лишь мимолетный сбой, крошечная трещина в его безупречном самообладании, мгновенно замаскированная, но я успела ее заметить. Броня Мэтью дрогнула, и я уже была внутри.

— Можешь мне довериться, Мэтью! Иди сядь ко мне, и мы пошепчемся! — протянула я ему свою руку. — Иди сюда, садись! Давай, мой хороший! Я тебя успокою! — показала я рукой на диван рядом с собой, не отрывая глаз от него. Он тут же послушно подскочил, выполняя мою команду. И я поняла, что из животного монстра он вдруг превратился в ребёнка, которого надо утешить, выслушать и дать ему выплакаться. Иногда это так работает с сильными мужчинами, увы! Мы сидели близко, чувствуя тепло друг друга. Я обняла его, положив свою голову ему на грудь, а он едва смог прикоснуться ко мне дрожащими руками. Его сердце стучало как молот. У него дрогнули веки, когда я взяла в ладони его лицо и посмотрела ему в глаза. Он весь дрожал, отчего мне самой стало немного не по себе, ощутив легкую вибрацию в его пальцах, когда они едва коснулись моей талии. Казалось, он ошоломел в моих руках.

— Тише, тише, Мэтью, — прошептала я, чувствуя, как он

весь дрожит. — Я здесь. Я с тобой. Все хорошо! — гладила я его волосы лёгкими движениями пальцев. Он прижался ко мне, как к спасательному кругу.

— Я... я не знаю, как сказать! — пробормотал он. Его голос срывался и переходил в шёпот.

— Тебе не нужно ничего говорить прямо сейчас, Мэтью, — ответила я, продолжая нежно поглаживать его лицо ладонью. — Просто дыши. Просто позволь мне быть рядом. Я никуда не денусь. Я с тобой! Ты сейчас со мной! — успокаивала я его и почувствовала, как дрожь постепенно утихает. Несколько минут мы просто сидели так, в тишине, пока он приходил в себя. Наконец, он отстранился, посмотрев на меня покрасневшими глазами.

— Я должен! Мне сложно..., — прошептал он, называя меня уже по-другому, — меня это убивает, Мара!

— Мэтью, расскажи мне, — тихо шептала я ему на ухо, включая все свои механизмы, поглаживая его волосы и шею, едва дотрагиваясь губами до мочки уха. Мои глаза впились иглами в его зрачки, и я уже понимала, что полностью проникла в его подсознание. — Не бойся меня, Мэтью! Я слушаю тебя! Скажи только мне! Говори! — провела я пальцем по его шраму на подбородке и тем самым прикрыла его портал.

Я заглянула в его глаза так глубоко, что сразу увидела там, как бушевала целая стихия: не просто печаль или страх, а настоящий ураган боли, вины и какого-то запредельного

ужаса. В самой глубине зрачков мелькнули кадры, обрывки каких-то чудовищных событий. Я увидела отблески пламени, тени, дергающиеся в конвульсиях, и женское искаженное криком лицо, с отчаянием глядящее на мечущегося рядом мальчика. Мальчик, лет пяти, пытался дотянуться до нее, но она его отталкивала от себя. Его толкала в спину ещё чья-то грубая рука, облаченная в черную кожу... И тут же картинка исчезла, оставив лишь пепел ужаса на сетчатке глаза. Мэтью моргнул, словно отгоняя наваждение, и перевел на меня стеклянный, уже опустевший взгляд. Я поняла, что ввела его в состояние транса. Он сидел, как под гипнозом, с каменным телом и мраморным лицом, и пересказывал мне сюжет, который я представляла в своём воображении давно, и не ошиблась ни на одну деталь в этой загадочной цепочке событий. Он начал рассказывать. Тихо, спокойно и последовательно.

Всё было банально просто: вечеринка, виски рекой, доступные женщины, беспорядочные половые связи. И посреди всего этого хаоса — мимолетное опьянение вседозволенностью, ощущение, что правила существуют для кого-то другого. Где легко теряешь грань, когда вокруг только похоть и веселье, когда каждый готов забыть о морали и будущем ради одной ночи удовольствия. А потом наступает утро, и приходится собирать осколки разбитых иллюзий, пытаюсь вспомнить, что вчера казалось таким невинным.

— Там был я, Саня, Ной, которые ещё держались. Другие

уже лежали и что-то мычали. Саня и Ной были самые крепкие из всех нас. Мы пили виски и нюхали дурь по очереди, но, казалось, они пили больше всех и умудрялись держаться, а мы не могли их перепить, отчего все смеялись над собой и спорили с ними, делая ставки. «Пролодная» уже была готова. Мы так между собой называли Свету, которая соблазняла нас танцами, и уже была голая и доступная. Она танцевала на столике, предлагая себя любому из нас. Она всегда меня называла Матвеем и хохотала над этим именем, когда появлялась на раутах или на яхтах. Там были другие мужики, которых ты, возможно, даже знаешь, но у них не получалось с ней от сильного опьянения. Они падали на пол и засыпали прямо под нашими ногами, — тихо, почти шёпотом, продолжал Мэтью, держа мою руку в своей большой ладони.

— Мы лишь втроем остались с ней, самые стойкие... и! Я с трудом запомнил. Помню только, что вижу её лицо, лежа на ней, а дальше туман, тени и её громкий хохот над ухом. Помню, как уже лежал на полу, с трудом открывал глаза и видел, как всё происходило с Саней и Ноем. Для нас это был настоящий кураж! Она с каждым из нас троих... Потом... ещё и... ещё... Менялись силуэты, тени мелькали перед глазами. Я вставал, падал и снова вставал. «Пролодная» на коленях уже на столике... Саня, Ной... они... потом опять я... Это выглядело как соревнование между нами — кто сильнее, кто выдержит, кто не сдастся первым! И я чувствовал, как силы покидают меня, но её энергия, точно ток, пронизывает

всё моё существо. Мир сузился до этого момента, до её глаз, горящих каким-то диким, первобытным огнём. Её безумный хохот! Я теряю счёт времени, теряю себя и не в силах сопротивляться... Я отрубился и, едва приоткрыв глаза, увидел, как Ной, качаясь, ушёл вниз. Саня оказался самым стойким и выиграл пари, потом, довольный, громко смеялся, показывая нам всем палец! Дальше — ничего не помню. Я очнулся уже дома! Мара! — всхлипнул Мэтью, как потерянный ребёнок, опустился на пол и уткнулся в мои ноги, обнимая их. Я замерла, слушая его откровения, и ком тошноты подходил всё выше и выше. У меня сразу закружилась голова, и я «отпустила» его, убрав пальцы от его шрама и возвращая в реальность. Меня начало опять мутить и пробивать дрожь.

— Прости меня, Мара! Я не должен был тебе это рассказывать! — продолжал он держать меня за ноги, опустившись на колени ещё ниже.

— А потом? — едва я смогла выдавить из себя, тяжело глотая сухой комок в горле.

— Потом я не помню! Голова как стальной шар, головокружение, непонимание реальности. Всех развезли свои люди. Утром всегда было сложно, но нас откачивали врачи, и мы возвращались к себе. Все тут же забывали, что было, либо не помнили, либо не хотели вспоминать. Света исчезла и уехала к мужу на некоторое время. Все про неё забыли. Чуть больше года назад она снова появилась. Тебя ещё никто не знал. Привезла маленького мальчика, уверяя, что этот ребё-

нок от Ноя. Ной был в бешенстве. Мы думали, он придушит её где-нибудь по-тихому. Она его боялась больше всех. Хотела его «раздеть», но с ним было не так просто, как ей казалось. Он с ней судился, грозился посадить и отправить в Мексику, сделал ДНК, но ребёнок оказался не его. Он ещё больше разозлился. Его адвокаты уже готовили дело о диффамации. Ей грозил срок. Был громкий скандал. Её муж едва договорился с ним. Потом она добралась до испанца Сани. В него она вцепилась самой мёртвой хваткой, видимо, из-за его стабильности в бизнесе. Он особо не выделялся, не был чересчур богатым, не имел влияния и связей, но мог её обеспечить, и она была готова разойтись с мужем из-за него, или даже уже разошлась на тот момент. Поговаривали, что у них были очень серьёзные планы, и Саня, походу, влюбился. Мы его отговаривали с Ноем:

— Саня, открой глаза! Да ну её нафиг? Она через всех прошла! Она же наша общая «проходная»! Ты что? Найдёшь лучше! — говорил я ему, но он был как околдован любовным туманом. Тогда Ной пошёл в атаку, ругался с его отцом и потребовал, чтобы Саня сдал ДНК, но он ни в какую. Ещё и с её ребёнком сошёлся где-то, и чуть ли не считал своим. Мы были в шоке. Ной даже подрался с ним в баре на этой почве. Мы их разнимали с мужиками. Отец Сани, видимо, настоял, и испанец вдруг неожиданно тоже сдал ДНК. Ребёнок оказался не его. Все успокоились и опять забыли о ней. Они разошлись, — продолжал Мэтью, с испугом поглядывая

на меня.

— Потом она снова появилась на вечеринках. Я её видел пару раз, но избегал, хотя она меня искала и высматривала. Когда я узнал, что Саню избили, накачали дурью, он сломался и слёг, а её закрыли из-за распространения дури, я сразу всё понял. Вскоре мне пришло уведомление, хотя я был против теста, но кто-то выкрал мои предметы ухода в офисе: расчёску, стакан, столовые приборы, которыми я пользовался, и даже использованные салфетки с ватными палочками. Сделали в тайне тест и показали мне результаты ДНК. Я увидел и обомлел: 99.96%. Не поверил. Думал, шантаж. Она была уже под следствием, а ребёнок всё время жил у её подруги. Я дважды делал тест в Европе и Москве в разных лабораториях уже сам со своими специалистами, и ребёнок уже был при мне — снова 99.96%! — остановился Мэтью, тяжело дыша.

— Мэт, давай выпьем вина! Возьми в баре. Нам надо прийти в себя, и продолжим! — предложила я. Мэтью выпил бокал красного вина залпом и налил ещё, а я смотрела на него и думала, представляя всё это. Слезы предательски бежали по щекам. Я с трудом отпила вино, так как меня продолжала пробивать дрожь, и зубы предательски цокали о бокал. Света была катализатором всего этого хаоса, той искрой, что разожгла костер страстей и ошибок. На той злополучной вечеринке, в тумане виски и похоти, она оказалась той самой «доступной женщиной», чья доступность сыграв-

ла роковую роль. Но последствия той ночи оказались куда трагичнее, чем просто мимолётное сожаление. Света родила ребёнка, маленького, беззащитного, ставшего немым свидетелем взрослых игр. Отчим, узнав о ребенке, без сожаления отказался от него, сбросив всю ответственность на Свету. Мать же, погрязшая в наркотическом дурмане, не нашла в себе сил принять маленького сына. Её арестовали за распространение наркотиков, и теперь ей грозит пожизненное заключение, оставляя ребенка сиротой при живых родителях. Маленький мальчик, обреченный на скитания по приютам и приемным семьям, стал живым напоминанием о совершенной глупости и безрассудстве. Он заплатил самую высокую цену за один вечер, наполненный ложью и развратом.

— Почему я, Мэтью? — слёзы текли у меня по щекам. — Я не понимаю!

— Марина, он такой маленький! Он совсем кроха! Он ростом мне по колено, Марина! Он постоянно плачет и боится меня! — говорил Мэтью, снова уткнувшись мне в ноги. Его спина дрожала от всхлипов. Я гладила его, с трудом сдерживая собственные слезы. Меня охватили отвращение, страх и боль.

— Ему нужна мать! — продолжал Мэтью. — Он ещё не такой большой и не понимает. Он сможет забыть ту, которой он был не нужен, которая отказалась от него. Эту похотливую и ничтожную мать! Марина, он мой единственный сын. Я не дам ему ничего, кроме грубости и жестокости. Он меня

ненавидит! Я не умею с ним, но он мой! Понимаешь? Я не знаю, как быть с детьми. У меня их не было. Я сам всю жизнь без родителей! Пусть он будет с тобой. Ты его воспитаешь! У тебя дети! Я вас обеспечу! Потом я его заберу, если он примет меня! Мне уже сорок лет, и вряд ли у меня ещё будут дети. Он сейчас в Канаде, с моими пожилыми знакомыми, один в лесу, совсем один. Ему там плохо! Он будет кочевать по foster family до совершеннолетия, если ни с кем не уживётся! Но у него есть его отец, хоть и такой никчёмный, как я! Я никуда его не отдам, даже если он меня не примет. Я не откажусь от него, Марина! Его заберут службы, если я сяду, и всё рухнет! Я сам скитался по семьям и сбегал не раз, я знаю, что это такое! Я такого насмотрелся, никому не пожелаешь, поэтому и стал таким! Помоги мне! Всё рушится, Марина! У меня нет никого из родственников! У него тоже никого нет, если меня посадят! Отчим отказался от него, разведясь с его матерью. Там, в кафе, я перегнул палку с тобой, пребывая в ступоре оттого, что ты совсем рядом со мной. Я не верил своим глазам, что сейчас увижу тебя близко и буду с тобой разговаривать. Иво был рядом, я не знал, как себя вести и что можно сказать. Прости меня! Я не ожидал, что ты вызовешь полицию и дашь мне отпор! Я был уверен, что увезу тебя на разговор! Прости, Мара! — плакал Мэтью, всхлипывая у моих ног.

— Я его видела, Мэт! — тихо ответила я.

— Как? Когда? Марина? — удивился он, посмотрев на

меня со слезами в глазах.

— Давно, ещё на отдыхе с Сашей, до моего брака с ним. Светлана приезжала к нему, а я лишь видела их издалека. Я помню, она привезла совсем маленького мальчика, около трёх лет, которому я подарила красивую ракушку и играла с ним в мячик. Саша тоже с ним немного возился и носил на руках. Почему я, Мэтью? Почему? Есть же центры, нянечки, педагоги и психологи. Мэтью? — не могла понять я его решение.

— Я долго тебя искал! С Саней мы друзья. Он как-то невзначай сообщил, что женился, и я даже не придал этому значения. После его скандала со Светой, который наделал много шума, трудно было поверить в его брак. Потом он показал тебя всем. Я видел вас на рауте вместе под руку и несколько раз проходил мимо. Мне показалось, что ты даже посмотрела на меня. Не мог поверить, где, как и когда он мог найти такую красивую, совсем молодую девушку. Думал, что он всех разыгрывает, как он это любит, — рассказывал Мэтью, потягивая вино.

— Потом на выставке у Ноя ты сидела в лоджии, уже без Сани, а с молодым мужчиной, и опять я ничего не понял. Этот мужчина очень похож на того, что вчера был с тобой в кафе. Там, на выставке, на тебе была маска. Потом Ной водил тебя, как богиню по залам, а я был потрясён и ошеломлён твоей красотой. Почему Ной? Где Саня? Твоя охрана полностью изолировала тебя, а люди тянули к тебе руки, как к

настоящей богине. Ты была без нижнего белья, и я не верил своим глазам. Ничего не мог понять, как? Лишь видел сбоку часть груди, отчего меня охватило чувство полного изумления от твоего откровенного образа, — смотрел Мэтью на меня и продолжал рассказывать.

— Ты раздавала яблоки как символ мира, и все как обезумели вокруг тебя! Казалось, там, на выставке, ты спустилась к людям с небес. Я смог даже едва дотронуться до твоего платья, и у меня по телу пробежала мощная вибрация. Это было точно взрыв внутри меня, будто пробудили резким, живительным разрядом. Я был совершенно ошеломлен этим ощущением невероятного облегчения и теплоты. Такого со мной ещё не было никогда. Ты вся светилась светом, проходя мимо меня, и я уже не смог тебя забыть. Я стал наводить справки по всем каналам. Я присылал тебе цветы и оставлял свой телефон в надежде, что ты позвонишь, но ты не отвечала, — говорил Мэтью и сжимал мои руки ещё сильнее.

— О тебе много говорили как о фее и спасительнице человеческих душ, целительнице. Ходили слухи, что ты видишь в людях то, чего они боятся показывать и прячут. Ты их сканируешь! И даже писали об этом в газетах. Мне казалось, только ты моё спасение! С тобой Ноя точно подменили: он избегал друзей, встреч и звонков. Потом я узнал, что он уже живёт с тобой, а не с Саней, что подарил свою фамилию, и ходили слухи, что ты беременна от Ноя. Он не отходил от

тебя ни на шаг и прятал от всех. Никто не знал, как до тебя добраться. Я начал активный поиск и сам пытался отыскать тебя, надеясь, что вдруг найду, но тебя всегда так надёжно прятали, что это, казалось, невозможным. Ещё Иво спутал все карты, когда рассказал нам в баре, что у Ноя появилась симпатичная стажёрка Марина или секретарша, которая разговаривала с ним о вещах, о которых совсем никто не знал — о его поездке на Байкал. Рассказывал, что ты смеялась над ним, и он влюблён в тебя так, что сам не понял, как попался. Я ничего не понимал. Всего один раз мои парни отследили Ноя с тобой в его ресторане. Я кинулся туда в надежде увидеть тебя снова, но опоздал. Сказали, что вы только что уехали. Потом ты совсем исчезла. Саня не подпускал к себе, перестал общаться и тоже уехал куда-то. Ной ушёл в запой и всё закрыл. Казалось, всё рухнуло после твоего исчезновения. Все пребывали в недоумении, и никто не знал, где ты. Я читал, следил, что ты вроде как в Европе. Я прошерстил всю Барселону. Некоторые знали тебя, но не видели. Я нашёл твоего управляющего, которого, видимо, сильно напугал, и он убежал, сказав напоследок, что ты в Штатах вышла замуж за сэра Алекса. Ты исчезла, как туман. Ной искал тебя здесь, я там — в Европе. Мы с ним оба тебя искали, подключая даже другие кланы, — с упоением продолжал Мэтью свой длинный рассказ, вытирая пот со лба.

— Мы ещё с Ноем тесно общались на тот момент. Потом он окончательно сник, когда поиски не приносили никаких

результатов. Отменил все рауты, выставки, рождественские торжества. Звонил мне, как обезумевший, и приглашал на свои похороны, плакал, умирал каждый день и говорил о суициде. Поговаривали, что он сошёл с ума. С ним всюду был его брат Райан. Я никак не мог поверить в то, что Ной мог так влюбиться и страдать. На него это было не похоже. Кто угодно, но, чтобы Ной — это не укладывалось ни у кого в голове! И вот ты вдруг появилась. Я читал все газеты до дыр и искал по всем клиникам, но нигде не находил. Ты объявилась сразу с двумя детьми! Я был поражён, у меня появилась надежда. Как? Откуда? Сразу с двумя? Настоящая мать и богиня! — целовал мне руки Мэтью, продолжая эмоционально рассказывать.

— И вдруг я увидел тебя с Ноем на рауте и опешил! Я не мог поверить в это чудо! Ты ли это? Как? И он молчал! Я видел, как он в тебя вцепился и даже не смотрел на меня, зная, что я ему помогал в поисках! Я понял, что Ной не подпустит никого к тебе после всего, через что прошёл, или лучше убьёт, чем кто-либо дотронется до тебя. Это было видно по нему! Я его знаю! А мне надо было обратить твоё внимание на себя, но как, ведь мы даже не знакомы! Я решил тебя выкрасть, заманить, уговорить или исхитриться, не зная, что мне делать. Поэтому я пошёл на самое жестокое и подлое: оскорбить тебя при всех, предложить сделку, купить тебя и тем самым раздавить Ноя, зная его слабые места. Только так это с ним работает: сразу поддых и на лопатки. Я видел твои

глаза, и уже тогда понимал, ты мне никогда не простишь и не сдашься. Я испугался тебя, но не хотел отступать. Думал всю ночь. Сын постоянно стоял перед глазами, — продолжал Мэтью, целуя мои руки.

— Парни выследили тебя с Иво! Я знал, что ты меня прочитаешь, если я буду настойчив, и не смогу ничего рассказать. Я вцепился в тебя, понимая, что совершаю преступление, и не знал, как донести до тебя свою просьбу! Я уже тогда в кафе понял, что Ной убьёт меня, но я стал сопротивляться и пугать его, чтобы спутать ему карты, улыбаясь ему в лицо. Я пошёл на всё, чтобы познакомиться с тобой и стать твоим другом. Там, в кафе, когда меня скрутили, наши глаза наконец встретились, и я понял, что ты проникла в мою суть. Твои глаза вдруг дрогнули, и я это увидел. Я увидел твоё сожаление. Я увидел, что ты поняла меня и жалеешь, что так со мной поступила. В этот миг между нами повисла тишина, наполненная невысказанными словами. Казалось, что время замерло. Ты отвернулась, но я понял, что внутри тебя бушевала буря сомнений. Ты пыталась скрыть это, но тщетно. И в этой слабости, в этом мгновении уязвимости, я впервые почувствовал, что мы оба потерялись, — посмотрел Мэтью мне в глаза.

— Через шесть часов адвокаты меня вытащили из участка. Я не спал всю ночь, вспоминая твои глаза, в которых увидел столько жалости ко мне и сожаление о случившемся, но это была часть игры. Нашей игры. Я вдруг понял, что ты рас-

каиваешься и готова выслушать или даже всё рассказать мне, что увидела. Я ждал, и ты рассказала! Это удивительно! Мне казалось, ты меня всё время зовёшь! Марина, я тут, я пришёл! Ты утончённая, ты совершенство, ты символ материнства! Только ты сможешь дать моему сыну то, чего он никогда не увидит, Марина! Ты сможешь стать для него настоящей матерью, которой у него никогда не будет. Я знаю, это огромная просьба, возможно, даже невозможная, но я вижу в тебе силу и доброту, которые так необходимы этому маленькому человечку, моему единственному сыну! Ты — его единственный шанс на счастливое будущее. Пожалуйста, подумай об этом... Ради него! — не унимался Мэтью, продолжая всхлипывать, как ребёнок.

— Хорошо, хорошо, Мэтью! Нам надо ещё всё обсудить, но я готова принять твоего ребёнка, хотя бы на время. Он вырастет, и ты будешь его отцом. Не скрывай от него, что ты его отец. Он должен знать это! Саша и Ной тоже должны знать об этом, потому что они сами были участниками ваших приключений, — продолжала я гладить волосы Мэтью. — Мне сейчас тяжело, понимаешь? Я услышала всё это, и мне надо подумать и принять. Мне сложно, Мэтью! — он не отпускал мои руки и немного успокоился, но начал их жадно целовать. Затем его губы опустились к моим щиколоткам, и он целовал их с такой преданностью, словно я была не просто женщиной, а чем-то, что он долго искал и наконец обрёл, чем-то, что требовало его абсолютного поклонения.

Я подняла его с колен, вновь взяла его лицо в свои руки и прикоснулась к его губам. Наш поцелуй начался нежно, с робкого касания губ, словно пробуждение ото сна. Мэтью целовал с осторожностью, будто боялся разбить что-то хрупкое. Я ответила на поцелуй, позволяя себе утонуть в этом моменте близости и тепла. Постепенно нежность переросла в страсть, губы стали требовательнее, а поцелуй глубже. И вот тогда я почувствовала небольшой, твёрдый рубец на его губе. Он словно царапнул, лёгким, мимолетным ощущением, когда наши языки соприкоснулись. Это было неожиданно, скорее, необычно. Поцелуй не прервался, но это мимолетное ощущение вернуло меня в реальность. Граница между простым влечением и чем-то большим стала тоньше. Мы чуть не перешли её, но шрам стал напоминанием о том, что впереди нас ждёт не только страсть, но и узнавание друг друга со всеми нашими несовершенствами.

— Нет, Марина, я не могу так! Я не прощу себе, если напугаю тебя! Моё тело всё в шрамах! Я не могу! — вдруг отпрянул он, когда я расстегнула верхнюю пуговицу на его рубашке.

— Глупый Мэтью! — улыбнулась я. — Я хотела только посмотреть и ничего больше! Ты сам скажешь, когда можно, Мэтью! — шепнула я ему, проводя кончиком языка по его мочке уха. — Я вытащу тебя! Давай я тебя обниму! Когда мне отозвать заявление? Завтра? Я позвоню в полицию. Хорошо? — прижала я его лицо к своей груди, продолжая гла-

дить его волосы.

— Марина, я, по-моему, влюбился в тебя, или я не понимаю, что со мной! Я что-то чувствую! Мне хорошо с тобой! Я утонул в тебе, и мне не хочется расставаться с тобой! Я уже не помню, когда любил женщину и любил ли вообще! Одна тьма и пустота! Бездна! — шептал Мэтью, приходя в себя. Его пальцы дрожали, так прикасаясь ко мне, что казалось, будто они вот-вот рассыплются на мелкие осколки.

— Давай выпьем ещё вина, Мэт! За нас, за нашу дружбу и нашу ответственность перед ребёнком, который ни в чём не виноват! — предложила я ему тост, чтобы наконец успокоиться обоим и начать дальше думать, что делать. — Мы уже с тобой разговариваем почти четыре часа, ничего? Там твоя охрана и адвокат!

— Пусть ждут! Мне легко с тобой, и я не хочу уходить! Теперь я понимаю твоих поклонников. Завидую Сане и Ною! Они всегда с тобой! И ты мне подарила шанс! Мне стало сразу легко! Я буду чаще видеть тебя! — наконец улыбнулся Мэтью. И эта улыбка преобразила его. Морщинки вокруг глаз разгладились, а в самих глазах зажглись искорки. Его губы, обычно поджатые в строгую линию, расслабились, обнажив ровный ряд белых зубов. В этот момент он показался мне не просто привлекательным, а ослепительно красивым. В его улыбке было что-то обезоруживающее, что-то такое, что заставляло забыть обо всех его недостатках и увидеть в нём не холодного бизнесмена, а мужчину, способного на ис-

кренные чувства. Даже грубый шрам, пересекавший его подбородок, обычно придающий его лицу суровость, сейчас, в лучах этой улыбки, казался лишь отметиной мужественности, добавляющей ему шарма.

— Мэт, лучше не влюбляйся! Ты будешь ревновать и быстро разлюбишь меня, как Ной и Саня! Мы будем друзьями, хорошо? — засмеялась я. — Пошли, я покажу тебе моих детей!

Я держала его за руку, и мы вышли из комнаты. Адвокат тихо дремал в кресле после вина, и мы не стали его тормошить. На втором этаже виллы я показала Мэтью будущие детские и рассказала о планах их обновления.

— Смотри, Мэт! Мы можем здесь обустроить детскую для мальчиков, как для двух братьев. Пять лет разницы, не такая уж и большая разница, — говорила я Мэту, показывая ему второй этаж виллы. Он осматривал всё предельно внимательно, как будто записывал в голове все детали. Мы зашли к моим детям в комнату. Мама Алла насторожилась, увидев незнакомое лицо.

— Мэтью, познакомься, это моя мамочка! Мамочка, это Мэтью. У него есть сын пяти лет! — мама кивнула ему головой. — Мэтью, посмотри сюда. Они спят, видишь?

— Марина! Марина! — увидел детей Мэтью, и его голос дрогнул. — Они такие маленькие! — шепнул Мэтью и широко заулыбался, приобняв меня.

Мы спустились вниз, держась за руки, и я чувствовала,

как его ладонь чуть поддрагивает от волнения. Мэтью, сильный и уверенный, сейчас, глядя на моих детей, словно превратился в мальчишку, впервые увидевшего чудо.

— Давай я построю им детскую площадку с детским бассейном? — предложил он.

— Хорошо, Мэт. Я тоже думала об этом. Сейчас лето, и детки скоро будут ползать, а потом ходить!

— Я перепишу на тебя свою резиденцию в городе, чтобы ты приезжала туда с детьми. Что ещё? Что тебе нужно? Я всё..., — терялся Мэтью, комкая в пальцах край пиджака.

— Потом, Мэт, всё потом...

— Я люблю тебя! — коротко подытожил Мэтью, целуя мою руку, и вышел из виллы почти в одиннадцать вечера.

Несмотря на поздний вечер, телохранители с обеих сторон замерли в ожидании, внимательно следя за каждым движением. У входа толпились мужчины: они переговаривались вполголоса и курили, не сводя глаз с дверей. Когда Мэтью широко распахнул дверь, толпа замерла, изучая его реакцию.

Ной, окружённый охраной, стоял наготове. Он дерзко смотрел исподлобья, ожидая подвоха или внезапного нападения. Мэтью перехватил его взгляд, но не подал виду, и шагнул к Саше. Тот, в свою очередь, первым протянул руку обидчику своей жены. Мужчины быстро пожали друг другу руки, Саша дружески хлопнул Мэтью по плечу, и тот сразу же скользнул в свой Хаммер с тонированными стёклами.

Машина зарычала, но не тронулась с места. Лишь спустя

десять секунд чёрное окно медленно опустилось. Мэтью высунулся наружу и, подняв голову, посмотрел прямо вверх — туда, где я наблюдала за процессией. Наши взгляды встретились. Он задержался на мгновение, затем резко закрыл окно. Хаммер, взревев двигателем, сорвался с места на бешеной скорости, а следом за ним рванули три кроссовера охраны.

В ПОЛИЦИИ

— Он очень строгий и непримиримый! — объяснял нам всем адвокат Мэтью. — Он может совсем нам не помочь! Он знает русский, поэтому его все тут боятся! Он вообще не отпускает дела, за которые сразу основательно берётся, поэтому ничего не гарантирую! Вам нужно быть готовыми к любому развитию событий! Мэтью, я тебя очень прошу! Ты сядешь, если..., — глядя на него, очень тихо пробормотал адвокат и вышел. Мы ждали офицера-детектива в просторном кабинете, собравшись по отзыву моего заявления по поводу домогательств Мэтью. Не обошлось одним лишь моим присутствием и Мэтью. Детектив собрал тех, к кому у него были вопросы по этому делу, устраивая нам «мини-допрос с пристрастием». Мне надо было выкрутиться любой ценой и вытащить Мэтью, и я была готова на всё, и даже прикинуться идиоткой на время, потому что колесо правосудия уже закрутилось.

— Чтобы все молчали, пока я буду разговаривать с ним! Только отвечайте на его вопросы и всё. Поняли? Саша, убе-

ри свою тупую улыбку, пока я тебе второй фингал не поставила! И чтоб не ржали как кони! Ной, к тебе относится! Рот ему закрывайте! Лучше все в пол смотрите! Не вздумайте смотреть ему в глаза, иначе всё испортите! Понятно? Тихо, идёт кто-то! Садитесь и не шевелитесь! — дала я указания всем своим мужчинам, поглядывая на дверь, за которой слышались громкие шаги. В участке стояла спертая атмосфера напряжения. Ной, Крис, Иво, Саша и Мэтью сидели, будто приговоренные, на жестких стульях вдоль стены.

Я специально надела черное платье: простое, сексуально облегающее мою фигуру, элегантное, длиной чуть ниже колен. Но в этой простоте скрывалась дьявольская хитрость. Зная, что в кресле платье неминуемо поднимется и обнажит ноги, я нарочито грациозно села на самый краешек кресла, слегка выпятив грудь вперед. Скрестила ноги набок, давая платью возможность подняться еще выше, открывая взгляду стройные молодые ноги в чулках. Я рассчитывала периодически натягивать платье на колени и тем самым привлекать к ним взгляд офицера. С мужчинами это всегда работало: они всегда хотят видеть то, что женщина обычно прячет. На голове соорудила небрежный пучок, делая акцент на расслабленность, и скрепила волосы всего лишь двумя шпильками, а в руках держала большой ситцевый носовой платочек, взятый у мамы, чтобы вытирать сухие слёзы. Мне нужно было включить максимально дурочку и всячески соблазнить офицера, ну или заколдовать его, если не получится соблазнить.

В комнату вошел детектив лет тридцати пяти лет: не красавец, но вполне с симпатичной и привлекательной внешностью. Черный безупречный костюм подчеркивал его спортивную фигуру. Белая рубашка, контрастируя с темным цветом, оттеняла скулы и мощный подбородок. Черный классический галстук без излишеств говорил о его приверженности к порядку и дисциплине. Обручальное кольцо на его пальце блеснуло в свете лампы, добавляя в его образ нотку респектабельности и неприступности. Он не выглядел злым, скорее уставшим и равнодушным, но во взгляде читался опыт и знание человеческой природы.

Сделав шаг в мою сторону, он невольно опустил взгляд и задержал его на моих ногах, едва прикрытых подолом черного платья. Его взгляд скользнул вверх, оценивая грудь, выгодно подчеркнутую вырезом. Этот взгляд был коротким, почти незаметным, но я ощутила его всей кожей. Он был профессионалом, но в то же время оставался мужчиной, и я собиралась этим воспользоваться. Офицер не был похож на провинциального копа, которого можно было бы легко оболгать или напугать. Он был волком в овечьей шкуре, и я понимала, что мой спектакль должен быть безупречным, если я хочу добиться своего.

Он остановился, окинув взглядом всю нашу компанию, точно оценивая каждого. Его взгляд снова задержался на мне чуть дольше, чем следовало, и я почувствовала, как по коже пробежал холодок.

«Мда, крепкий орешек! Я помню, как ты зыркал на меня, когда я показывала тебе виллу, но я сегодня твой щелкунчик, зайчик мой!» — подумала я, оценивая свою очередную жертву, надев на глаза томную поволоку и игривость. Он сел напротив меня, положив руки на стол. Я сидела напротив, стараясь сохранить видимость спокойствия. Кресло стояло на некотором расстоянии от его стола, поэтому он видел меня всю как на ладони, и я понимала это. Мои руки нервно вцепились в платочек, комкая его в кулачке, выдавая волнение, которое я умышленно показывала.

Сразу после того, как я устроилась, детектив ещё раз окинул меня изучающим взглядом. Это был не просто взгляд, а словно сканирование. Он скользил по моему лицу, задерживаясь на глазах, потом опускался ниже, отмечая положение рук и позу. Я чувствовала себя под микроскопом, будто он пытался прочитать мои мысли или выудить скрытые эмоции. В его взгляде читалась смесь профессионального любопытства и скрытого подозрения, заставляя меня чувствовать себя все более незащищенной. Я понимала, что сейчас начинается настоящая игра. И я должна была выиграть. Свобода Мэтью и судьба ребёнка зависели от меня. И тот факт, что этот детектив с обручальным кольцом казался одновременно и притягательным, и опасным, делал игру еще более захватывающей.

— Так, начинаем! Я правда только начал изучать дело, но вы, Марина Алексеевна, решили неожиданно отозвать своё

заявление, а у меня, как ни странно, возникли вот какие вопросы по поводу, например, скрытых камер в кафе и всего остального, очень непонятного на мой взгляд. Есть вопросы ко всем, поэтому я собрал вас здесь всех вместе. Первое, начнём сперва по камерам. Я увидел, что вы, — обратился он ко мне, — целовались вон с тем мужчиной, Иво Р., — посмотрел он в протокол, прочитав инициалы, — а потом к вам подсел Мэтью К. Мэм, почему вы целовались с Иво Р., и рядом сидел Мэтью? Он на вас смотрел? Мешал вам?

Я ответила не сразу, выдержав паузу, крепко сжимая платочек в кулаке и опустив глаза.

— Понимаете? Я с ним не целовалась. Мы с ним просто ели эклеры, — подняла я глаза на офицера. — Он хотел попробовать мой кусочек с клубникой, который я почти уже проглотила, но он решил его поймать и перехватить у меня во рту, и тоже попробовать, — ответила я, покусывая верхнюю губу, чтобы скрыть улыбку. — Да, это выглядит глупо, — включила я актрису, — но мы так просто игрались, но не целовались! Так не целуются. Поверьте мне! Целуются по-другому! Мы просто баловались, ну как вам ещё объяснить? Вы меня смущаете этими вопросами, офицер! — опустила я глаза и прикоснулась платочком к носику.

— А Мэтью! — посмотрела я на него, сжимая платочек, — он приехал, когда мы уже доедали эклеры. Ему просто не досталось. Они кончились, поэтому он начал меня больно хватать за ногу и показывать язык. Он такой всегда! Потом

я вызвала полицию, и всё. Ничего такого. Я просто сильно разволновалась и испугалась в тот момент. Мы с Мэтью поссорились. И всё! — посмотрела я в глаза офицеру с надеждой на понимание, опуская край платья на колени и поглаживая их руками, отчего он бросил свой взгляд на мои ноги, а потом на меня. Мэтью расплылся в улыбке вместе с Сашей, переглядываясь друг с другом.

Слегка повернув голову, я оглядела мужчин. Лицо Иво пылало румянцем, словно его только что окатили кипятком, но это был не гнев, а явное смущение. Его щеки горели, выдавая бурю чувств внутри. Обычно приветливые глаза сейчас были полны нежности и какой-то робкой, почти детской надежды. Он старался смотреть в другую сторону, но исподтишка бросал на меня быстрые взгляды, словно боялся, что я замечу его тайное восхищение. Его руки беспокойно сжимали колени, выдавая нервозность. Красный цвет на шее говорил скорее о том, что он едва сдерживает тепло, которое разливается по всему телу от одного моего присутствия, а не о готовности взорваться. Мне стало ясно: то, что я сейчас говорила или делала, вызывало в нем совсем другие чувства, которые он пытался скрыть под маской смущения и влюбленности.

Ной, обычно веселый и беззаботный, источал холодную ревность. Его губы были плотно сжаты в тонкую линию, а взгляд был прикован ко мне с такой силой, будто он пытался пронзить меня насквозь, но у него не получалось, и он

смотрел на меня преданными глазами. Саша и Мэтью сидели, слегка откинувшись назад, с полуулыбками, играющими на губах. Их лица были почти нечитаемыми, но я чувствовала, что оба наблюдают за происходящим с интересом. В их взглядах не было ни поддержки, ни осуждения, лишь отстраненное любопытство, как будто они наблюдали за захватывающим представлением на сцене. Возможно, они получали какое-то извращенное удовольствие, наблюдая за тем, как я выкручиваюсь из этой неловкой ситуации, наслаждаясь моим замешательством. Их улыбки, хоть и слабые, казались сейчас самыми зловещими, особенно у Саши, у которого в глазах, казалось, засел ревнивый бесёнок. И только Кристиан, казалось, жил в каком-то своем мире. Его глаза сияли каким-то безумным весельем, устремленным на пустую стену. В его взгляде не было страха, не было раскаяния, лишь какое-то безразличное любопытство к происходящему. Такое контрастное поведение на фоне всеобщей подавленности только усиливало напряжение в комнате, создавая ощущение, что именно этот человек знает какой-то секрет, который может перевернуть все с ног на голову.

— Хм, хорошо! — детектив покрутил галстук, ослабив его и расстегнув верхнюю пуговицу. Он слегка покраснел. — То есть, вы Мэтью знали до этого?

— Да, нас познакомил Ной. Вон он там сидит! — показала я пальцем на Ноя, который сразу встрепенулся. — Понимаете, они обсуждали сделки, а я стояла и слушала. Я не пони-

мала, о чём они говорят, мне было неинтересно, и я скучала, поэтому Мэтью назвал меня развратной аморальной женщиной. Он обозвал меня любовницей. Ной сделал ему замечание, а Мэтью сказал, что не будет драться из-за бабы. И всё! Ничего такого. Мы потом все пошли домой, — закончила я и протёрла платочком область шеи, показывая духоту в помещении и обмахивая себя им. Прядь волос упала на лицо, и я стала сдувать её, томно поглядывая на детектива глубоким взглядом.

— Я не знаю, почему Мэтью меня так назвал? Я ему ничего плохого не сделала, а потом он приехал в кафе и начал сильно сжимать мою руку. Он хотел меня увезти в магазин за платьем, но я сопротивлялась и вызвала вас. Он разозлился и стал мне мстить. Офицер, я ему куплю эклеров. Мэтью, ты хочешь эклеров? — посмотрела я на Мэтью и вновь начала натягивать платье на колени, наклонившись как можно больше вперёд, чтобы офицер заглянул мне в область груди.

— Да, Мариночка, хочу, с орешками! — ехидно ответил Мэт, едва сдерживая смех. Ной закашлялся.

— Вот, видите! Он не агрессивный. Он дружелюбный. Он напишет вам объяснительную. Мэтью, садись, пиши! — посмотрела я на него, прижимая платочек к груди.

— Нет. Не надо ему ничего писать. Ещё вопрос к вам, Марина Алексеевна. Почему вы проводите время не с мужем, а с другими мужчинами? — строго поглядел офицер на Сашу, а потом на меня глазами обвинителя. У Саши заходили жел-

ваки, и он опустил голову, продолжая слушать мои оправдания.

— Потому что мой муж меня не любит, офицер! — посмотрела я на Сашу и приложила платочек к губам. — Представляете? Я ему совсем не нравлюсь, как другим, — убрала я платочек и провела по губам языком. — Муж мне постоянно изменяет с другими женщинами! Когда я приехала к нему на работу, у него на коленях сидела женщина, которую вы потом поймали, — выдохнула я. — На танцах он мне тоже изменяет. Все женщины поправляют ему галстуки, лезут под рубашку и целуют его в губы, — всхлипнула я. — На лодке он держал женщину-лыжницу у себя на коленях и гладил ей узкие бёдра, потом поил коктейлем на моих глазах. — Саша переглянулся с Ноем. Оба опустили голову. — Я увидела его измену и распахнулась, потом убежала к Кристиану в его квартиру в нищем квартале. Эти женщины иногда раздевают его при мне, расстёгивают ему брюки и пишут любовные открытки. Они уговаривают его и хотят с ним... о боже, офицер? Я должна вам это рассказывать прямо всё подробно? — впилась я глазами в детектива. — Он доступный для всех женщин, понимаете? Он всех хочет, кроме меня! Вот так я живу, офицер! Я не знаю, как это называется у мужчин! А мне обидно, поэтому мои друзья меня иногда утешают. Я же могу с друзьями проводить время? — я закончила свою тираду, ожидая реакцию офицера.

В первую секунду на лице офицера мелькнула едва замет-

ная улыбка, но он тут же взял себя в руки, профессионально маскируя эмоции. Его губы слегка дрогнули, а в глазах промелькнула искорка сочувствия, но он тут же придал своему лицу строгое и бесстрастное выражение. Он откашлялся и слегка наклонил голову, демонстрируя внимание и серьезность. Было видно, что ему сложно сохранять невозмутимость. Он явно испытывал сочувствие к моей ситуации, умиляясь мной, но его долг требовал сохранять нейтралитет и не проявлять явных признаков сочувствия. Его профессиональная выдержка была впечатляющей, но я все же заметила едва уловимые признаки того, что мои слова задели его.

«Давай, мой зайчик, поверь мне! Я же вижу, что я тебе уже нравлюсь!» — размышляла я, накручивая прядь волос на пальчик и покачивая ножкой.

Жара в душном участке ощущалась почти физически. Мужчины, как провинившиеся школьники, сидели, опустив головы, их лица покраснели, а рубашки предательски прилипли к спине. Они сняли пиджаки. Тяжелое дыхание, перемежающееся нервными вздохами, наполняло комнату, создавая гнетущую атмосферу. Каждый из них: Ной, Иво, Саша и Мэт, выглядел сломленным, подавленным грузом ответственности за произошедшее. Казалось, они молили о том, чтобы все это поскорее закончилось. Их глаза, обычно полные жизни и энергии, сейчас были тусклыми и пустыми, устремленными в пол, словно надеясь найти там ответы на свои невысказанные вопросы.

— Ну хорошо! Почему Ной Брэдли подарил вам виллу и свою фамилию? — вдруг неожиданно спросил офицер. Ной тут же подскочил, но офицер жестом указал ему на стул и посмотрел внимательно на меня, ожидая моего ответа.

— Ной — художник! — улыбнулась я детективу, обмахиваясь платочком. — Он красивый и умный. Говорит цитатами и знает классиков. Ему не понравилась моя фамилия Диарова. Он сказал, что только какие-то кочевники носят такие фамилии. Вы не знаете, кто это такие, офицер? — спросила я его, и он впервые улыбнулся мне. Я сразу отметила, что улыбка делала его настоящим, живым и ещё более симпатичным. Саша нервно задёргал ногой, не поднимая головы.

— Так вот, Ной мне сказал, что они варвары, бегают по полям с мечами и стрелами, скачут на конях и всё такое, и предложил свою красивую фамилию. А что такого? Почему нельзя? — вгляделась я с вопросом в глаза офицера, пронизывая его подсознание как иголками, усиливая давление, пытаясь пробиться сквозь его броню профессионализма. И сразу же почувствовала от него что-то похожее на замешательство. Небольшая тень сомнения промелькнула в его глазах, несмотря на все его усилия удержать маску. Я почувствовала, как его внутренняя уверенность слегка поколебалась под моим напором. Он был удивлен моей настойчивостью, тем, как я пыталась заставить его увидеть ситуацию с моей точки зрения. Вместе с замешательством я уловила

слабый отголосок симпатии. Это короткое мгновение связи дало мне небольшое преимущество, вселяя надежду, что я смогу склонить его на свою сторону.

— Почему, можно! — с иронией в глазах ответил офицер. — А вилла? Муж знал об этом?

— Да, мужу понравилось, что Ной подарил мне виллу. Это было так, — сделала я паузу, — однажды Ной подобрал меня на улице, мокрую и холодную, когда к мужу приехал китаец, и он меня оставил одну на берегу океана с солдатом, — натянула я платье на колени. Саша обхватил голову руками и смотрел в пол. Я продолжила.

— Ной меня накормил моти, укутал в плед и предоставил ночлег, чтобы я не ночевала в картонной коробке под мостом. Офицер, я вам рассказываю всякие интимные подробности, и мне немного стыдно! — прижала я платочек к груди. Ной с Сашей едва сдерживали улыбки, постоянно переглядываясь между собой.

— Ничего, продолжайте! — с нетерпением ответил детектив, и в его глазах заиграл интерес ко мне.

— Хорошо! — все оживились, слушая меня. Я услышала, как мужчины тяжело задышали. — Потом мы немного попрыгали на его большой кровати в спальне под музыку, — остановилась я, и на Ноя напал нервный кашель, который он никак не мог утихомирить, пока не попил воды. Все ждали, когда Ной успокоится. Саша почти смеялся, продолжая смотреть в пол. Я продолжила.

— Потом Ной начал меня мыть в душе от морской воды. Моё тело всё было в песке, ракушках, и кожа прилипала к его пальцам, — покусывая губы, рассказывала я и поглядывала на детектива. — Моя кожа была солёная на вкус, как сказал мне Ной, когда облизывал мои плечи и шею. В волосах запуталась морская капуста и всякий мусор. Ной намыливал моё тело мылом, гелем, ещё чем-то вкусным и сладким, кажется, кленовым сиропом, потом он взял мягкую жёлтую мочалку и начал водить по телу так тщательно, что ему сложно было сразу...

— Достаточно! Я уже понял! — широко улыбнулся офицер. — Что по поводу виллы? — откашлялся он, впившись глазами в мои ноги.

— Ной подарил мне её, когда я родила детей и была в ужасном моральном состоянии. Я не знаю почему, — сдувая прядь волос с лица, я продолжила. — Я всё время плакала, понимаете? — вытирала я платочком несуществующие слёзы. — Он меня просто пожалел и всё! Мне негде было жить с детьми на берегу океана, кроме его виллы, а муж снимал всё время сараюшку со сквозняками, как сказал Ной. А сейчас уже Ной изменяет мне с другими женщинами, и они пишут ему любовные открытки. Я прочитала эти открытки и долго плакала, потому что они его все любят и хотят прямо сейчас, понимаете? Он тоже в лодке прижимал к себе какую-то рыжую женщину. Она такая страшная, офицер, это просто ужасно! — закатила я глаза, обмахиваясь платочком, и про-

должила:

— У неё безобразная фигура гусеницы, а он в неё влюбился! Представляете? Можно воды, офицер? — офицер тут же подскочил, подав мне стакан воды. Я выпила стакан залпом, поглядывая одним глазом на офицера. У Ноя вновь открылся нервный кашель, который он едва успокоил, выпив ещё воды. Я дождалась, когда Ной усядется, и посмотрела на него. Он хлопал растерянными глазами, и я продолжила:

— Потом Ной эту гусеницу гладил руками по худым бёдрам и поил коктейлем. Я это всё видела и чуть не упала в обморок, если бы не Кристиан, который меня выручил, как друг, и поселил в свою квартирку за городом. Моего мужа и Ноя, их обоих, надо тоже посадить в тюрьму, офицер! — всхлипнула я. — Им место только в тюрьме, потому что они меня сильно обижают своими изменами. Я им уже дарила подарки, цветы и признавалась в любви, но они мне всё равно изменяют. Я не знаю, что мне делать, офицер! Я не знаю, почему так происходит. Вот вы, офицер, вы изменяете своей жене, как они? Почему все мужчины изменяют, вот объясните мне? Вот видите фонарь у моего мужа под глазом? Это он подрался с Ноем из-за подарков, которые прислали им женщины со всей Америки! Это же невозможно так жить! Я напишу на них новое заявление! — приподнялась я с кресла.

— Не надо писать новое заявление! Садитесь и рассказывайте дальше! — с улыбкой сказал детектив. Я продолжила, натянув платье на колени.

— А теперь у меня есть Иво, с которым я танцую в клубе до утра. Он мне всегда покупает эклеры и возит в своё кафе пить кофе. Мы с ним как подружки, понимаете? Мне не хватает моих испанских подруг, а Иво... он такой добрый и щедрый, он меня понимает, и у него голубые глаза цветом неба. Он хочет увезти меня на Байкал, в дикую тайгу, к медведям и тиграм, где мы будем собирать грибы и бруснику! — мы переглянулись с Иво, и он снова покраснел, как рак.

— Ещё у меня есть Мэтью, которого я сперва решила посадить в тюрьму, а теперь хочу освободить! Вы мне поможете, офицер? Помогите мне. Вы же всё можете! — провела я языком по губам. — Мэт исправился уже. Он мне купил красивое платье с камушками. А вчера он мне сказал, что купит ещё одно от Валентино, такое зелёненькое, с вырезом по ноге и маленькими вставочками по лифу, воланчиками и серебристыми пуговичками на бретельках с буфами. Платье очень красивое и модное. Мэтью мне вчера даже показал картинку из журнала мод, но пока он сидит в тюрьме, то не сможет его купить, понимаете? Он не виноват! Может быть, есть какие-нибудь исправительные работы вместо тюрьмы? Он мог бы подметать метлой вокруг моей виллы. Так можно сейчас?

— Нет, но мы подумаем! — громко засмеялся офицер. Мужчины сдерживали смех, но молчали. Мэтью посмотрел на меня с безумным восторгом в глазах. — А вот тот молодой человек, тоже ваш друг? — продолжил офицер, показывая

на Кристиана.

— Да, он работал посудомойкой на корабле. Я его увидела и пожалела, когда я там загорала. Кристиан носил грязные тарелки и складывал стулья. Он страдал от побоев своего хозяина и был весь побитый. Хозяин хлестал его по спине плёткой, как в рабстве, заставлял носить чёрный фартук, ставил на колени и хотел оторвать ему голову, представляете? Это ужасно просто! Я его пожалела, и он согласился быть со мной рядом, просто так, бесплатно. Он мне напоминает маленькую беспомощную рыбку в стеклянном аквариуме, которая хочет плавать в открытом океане! — замолчала я, окидывая всех взглядом. Ной едва сдерживал смех рукой. Саша, опустив голову вниз, тоже тихо содрогался от смеха. Мэтью поднял голову, любуясь мной. Кристиан продолжал смотреть в стену, но уже с улыбкой на лице.

— То есть, он живёт у вас? — уточнил офицер.

— Да! На первом этаже, в своей комнате. Теперь он абсолютно свободен! Он не моет тарелки. А что? Нельзя? — натянула я в десятый раз край платья, тщательно пряча ноги от назойливых глаз детектива.

— Да нет, можно! Так что с Мэтью К.? Вы договорились? — сурово глянул он на меня.

— Да, мы договорились! Он мне купит моти, и мы сходим в кино. Я его тоже накормлю эклерами с орешками, и он мне сразу купит зелёное платье. Мы друзья, офицер! Отпустите его, пожалуйста. Он сейчас милый зайка! Он исправился! —

заулыбалась я детективу.

— Ной Б., Марина Алексеевна на самом деле ваша любовница? — обратился он так неожиданно к Ною, что тот вздрогнул как от пощёчины, но собрался с мыслями и ответил:

— Офицер, — начал он медленно, словно обдумывая каждое слово, — ваш вопрос... он оскорбляет не только меня, но и самую суть человеческих отношений. Вы спрашиваете о Марине Алексеевне... Она не просто женщина в моей жизни. Она моя жена. Понимаете? Моя жена. — Ной усмехнулся и продолжил: — Как писал Шекспир: «Любовь — это не подвластная времени буря, которую ничто не может угастить». И моя любовь к Марине именно такая. Вы называете её любовницей? Что ж, возможно, вы не знакомы с истинным значением этого слова. Марина — та, кому я посвятил свою жизнь, кому я подарил не только фамилию, но и сердце, и да, виллу. Как сказал Бальзак, «За каждой большой удачей стоит женщина». И Марина моя величайшая удача! — выдохнул Ной и добавил: — Вы, должно быть, смотрите на мир через призму своих подозрений. Но поверьте, не все можно измерить деньгами или статусом. Есть вещи, которые гораздо ценнее: любовь, верность, уважение. И Марина для меня — воплощение всего этого. Так что, отвечая на ваш вопрос, я скажу прямо: нет, Марина Алексеевна не моя любовница! Она моя жена, моя любовь, моя вселенная! И я не позволю никому, даже вам, запятнать её имя своими гряз-

ными домыслами, — закончил Ной, и я показала ему кулак за спиной.

— Хорошо! Я понял! — улыбнулся детектив, уже изрядно подустав от нашей сумасшедшей компании.

— Так, ещё вопрос к Иво Р.! Вы знали Мэтью К.? И почему вы поехали с Мариной Алексеевной в своё кафе? Вы предупредили об этом Мэтью К.? — обратился он к Иво. Тот пожал плечами, глядя на Мэтью:

— Мэтью? Ну да, знаком. По бизнесу пересекались, ничего личного. А что до Марины Алексеевны... Да, поехали в моё кафе. У нас сделка по лесу, там свои нюансы. Короче, немного отметили, как водится. Мэтью? Не, ему не сообщал. С какой стати? У нас с ним не настолько близкие отношения, чтобы я отчитывался, с кем и куда еду. Да и не думаю, что ему это интересно было бы, — ответил Иво, немного успокоившись, разглядывая меня в кресле.

— Хорошо! Так, Кристиан А., какие у вас отношения с Мариной Алексеевной и на кого вы сейчас работаете? — перешёл офицер к Кристиану. Он тут же выпрямился, отвечая четко и по делу:

— С Мариной Алексеевной у меня рабочие отношения. Я работаю на неё и в её подчинении. Моя задача — сопровождение и охрана. Личное? Да, пару раз мы были в молодёжном клубе, танцевали. Но это не выходит за рамки рабочих отношений и обычного времяпровождения после работы, — спокойно и сдержанно ответил он, не вызывая никаких по-

дозрений.

— Так! Теперь муж — Александр Диаров, — посмотрел офицер в бумаги, переводя взгляд на Сашу. — Как вы прокомментируете слова вашей жены?

Саша усмехнулся, слегка расслабленно откинувшись на спинку стула.

— Ну, что тут комментировать? — отвечал он, поигрывая зажигалкой в руке. — Жена сказала — значит, так оно и есть! Мы с Мариной вообще как два сапога пара, с детства вместе, всё друг про друга знаем. Конечно, немного устали друг от друга, что уж тут скрывать. Это как любимую пластинку заслушать до дыр — вроде и нравится, но хочется чего-то новенького. Но развод? Ха! Этого она от меня не дожждётся. Симпатии, капризы... это всё ерунда. Марина — моя жена, и никуда она уже от меня не денется. Пусть развлекается, если ей так хочется, пока я присматриваю за семейным очагом. Знал, на ком женился, в конце концов. Красивых женщин ревнуют или охраняют, а моя мне нравится и этим, и тем, так что я уверен, что она всегда вернется.

— Теперь вы спокойны, Марина Алексеевна? Ваш муж прав? — с лукавым взглядом посмотрел офицер на меня.

— Да, я спокойна! Он всегда был болваном, офицер! Наверное, его не надо сажать в тюрьму, если я для него просто пластинка! Мне надо было его ещё в детстве отравить каким-нибудь кокосовым молоком, и всё! Понимаете? Мне опять хочется плакать почему-то... — всхлипнула я, опустив

глаза, натягивая платье на колени.

— Так, ну ладно. И наконец, Мэтью К. Вы попросили прощения у потерпевшей? Договорились с ней? Не будете её преследовать и покушаться на её свободу? — дерзко спросил он у Мэтью. Тот нахмурился, как будто эта просьба причиняла ему физическую боль. Поколебавшись, глубоко вздохнул и, пересиливая себя, произнес:

— Офицер, похоже, я был неправ. Мои чувства к Марине... сильны, возможно, слишком сильны! Я заинтересовался ею давно и хотел установить контакт, но я перешел черту, признаю это. Я приношу свои извинения... Марине, за то, что поставил ее в такое положение, и вам — за причиненные неудобства. Я был ослеплен своими чувствами и повел себя недостойно. Я обещаю больше не докучать Марине и не нарушать ее покой. Надеюсь, этого достаточно, чтобы закончить этот конфликт? Однако я не отрекаюсь от своих чувств. Они останутся со мной. Мне дорога эта женщина, и, если когда-нибудь жизнь распорядится иначе, я не смогу себе этого простить, поэтому я просто буду вести себя достойно!

Офицер, чье лицо до этого было непроницаемым, едва заметно кивнул. В его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание, возможно, даже сочувствие, но он быстро вернул себе прежнее выражение. Он достал из шкафа блокнот и что-то записал, после чего оторвал листок и протянул Мэтью.

— Подпишите, пожалуйста. Это стандартная форма отказа от дальнейших преследований. В случае повторных жалоб

со стороны Марины Алексеевны, вам будет сложно избежать более серьезных последствий, — сурово взглянул он Мэтью в глаза. Мэтью взял листок, пробежал глазами текст и, не колеблясь, поставил свою подпись. Он словно освобождался от тяжелого груза, хотя боль внутри него никуда не делась. Он отдал подписанный документ офицеру и облегченно вздохнул.

— Все? Я могу идти? — переспросил Мэтью.

— Да, мистер Мэтью К., — офицер взглянул на документ. — Мистер К., можете идти, но помните о своих обещаниях и о том, что мы будем следить за ситуацией! — пожал он руку Мэтью и переключился на меня. — Марина Алексеевна, может быть, вам не надо заводить так много друзей, которые конфликтуют между собой до судебных разбирательств?

— Хорошо, офицер! Я их всех прогоню! Они мне все надоели до чёртиков! — проговорила я, комкая платочек в руках и украдкой поглядывая на офицера. — Я теперь буду совершенно одна, хотя бы эти дни..., — томно протянула я, рассчитывая на его реакцию. Офицер, молодой мужчина с аккуратной стрижкой и прямым, уверенным взглядом, слегка покраснел от моего въедливого взгляда. Его губы тронула сдержанная, многообещающая улыбка. Он слегка покачал головой: его мимика выражала нескрываемую симпатию и легкое смущение. В его глазах читался интерес.

— Я позвоню и узнаю, как вы живёте эти дни! — с лёгкой улыбкой ответил детектив. Мужчины тихо слушали на-

ши неоднозначные намёки друг другу.

— Да, я отвечу вам, офицер! Я буду ждать! — улыбнулась я ему, давая понять, что готова к общению вне стен участка.

Выйдя на стоянку после допроса, мужчины оказались в замешательстве, ожидая моего выбора — отправиться с кем-либо из них домой. Саша и Ной, засунув руки в карманы, замерли поблизости. Иво с явной грустью следил за происходящим, не решаясь предложить свою помощь. Кристиан ожидал меня в BMW, поглядывая на всех. Лишь Мэтью проявил инициативу и отвёл меня за руку в сторону, привлекая внимание мужчин.

— Мариночка! Я твой должник! — поцеловал он мне ладони рук при всех, посмотрев на меня влюблёнными глазами. — Я завтра улетаю в Эдмонтон за сыном. Я его привезу! Можно я тебе буду писать или звонить, чтобы держать в курсе?

— Конечно, Мэтью! Я завтра займусь детской, как мы с тобой договорились. Я встречу вас. Буду ждать! — тихо ответила я ему.

— Я люблю тебя! — сказал он и быстро удалился к своим телохранителям, ни с кем больше не общаясь.

В знак обоюдной поддержки, мы с Кристианом сели в «бэ-ху», крепко сжав ладони друг друга. Напряжение в участке кончилось. Припарковавшись в тихом переулке, мы вновь вцепились друг в друга в долгожданном поцелуе, как это неизменно происходило с Кристианом во времена моих са-

мых тяжелых испытаний.

Уже поздно вечером прибыл «сюрприз» от неизвестного анонима: бордовый Daihatsu Copen, маленький родстер, представляющий собой двухместный кабриолет с жестким убирающимся верхом.

«Не Мартин, но не хуже! Я буду ждать! Люблю!» — прочитала я, и поняла от кого.

«Иво, ты сумасшедший!» — улыбнулась я, целуя открытку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БРАТЬЯ

— Марина, это очень благородно! Очень! Восхищён! Узнаю Лёшку! Целую руки! — позвонил мне Борис, когда я написала ему про Мэтью и его сына, предупредив, что пока это тайна, и я хотела бы кое о чём с ним посоветоваться. — Я пришлю тебе двух дизайнеров и подскажу, как лучше обустроить детскую для мальчиков!

— Папочка, но Сашенька ещё маленький, поэтому сын Мэтью пока будет жить один в этой детской. Ты когда сможешь приехать и решить этот вопрос? Мэтью, конечно, всё оплатит!

— Я ближе к вечеру собирался к Аллочке и заодно созвонюсь с дизайнерами. Мы успеем к приезду мальчика. Я тоже хочу с ним подружиться, ну и осмотреть его. Может быть,

нужен детский врач?

— Нет, пока, наверное, не надо его пугать. И так много чужих людей сразу. Мэтью говорит, что он всё время плачет. Я сама не знаю, как он меня примет. Приезжай, и мы потом поговорим. Хорошо?

— Хорошо, Мариночка! У меня есть на примете хороший детский психолог. Я проконсультируюсь с ним. А что мать мальчика? Там всё очень плохо?

— Да, пожизненное, хотя я точно не знаю. Так рассказал Мэтью. И свидания не разрешены. Никого к ней не пускают, и скоро её куда-то должны перевезти. Я точно не знаю о ней ничего. Никто ничего не может сделать, ты понял, о чём я. Ребёнок уже почти год как сирота. Отчим отказался от него, оставив ребёнка у подруги матери. И подруга решила его отдать отцу, вернее, самого Мэтью службы поставили перед фактом, доказав его отцовство: «Либо забирай его, либо в приют!» Честно говоря, я в недоумении: зачем провели ДНК без ведома Мэтью? Похоже, тут не шантаж, а просто давят на родство. Видимо, так захотела сама мать или её адвокат, просто пожалели мальчика. Всё очень запутанно как-то, но Мэтью сейчас поехал за ним в Канаду.

— Понял! Мариночка, я всегда буду тебе помогать. Мы справимся, доченька! Лёшка всё видит с небес, я не сомневаюсь! Он гордится тобой, как и я! — с дрожью в голосе ответил Борис и отключился.

Целый день я готовилась к встрече с сыном Мэтью: уби-

рала, переставляла с Кристианом мебель, приводила в порядок гардеробную, комнаты на вилле, кухню и гостиную. Генеральная уборка шла полным ходом, и все крутились, занимаясь наведением порядка. Мне нужно было ещё приобрести детскую мебель, игрушки и одежду для пятилетнего мальчика, которого я ещё не видела. Кристиан ждал доставку с мебелью, одеждой и продуктами. Я обговаривала детское меню в столовой с поварами и Глашей, которая руководила питанием на вилле, делая акцент на меню для подростка. Меня не совсем поняли, но не отказались всё об этом узнать и готовить что-то вкусное и полезное.

— Мариночка, любовь моя! — позвонил Ной, — ты меня совсем забыла. Ты меня уже не любишь? Ты обиделась из-за подарков? Я обещаю, что больше никаких доставок! Это испанец подставил меня и показал тебе эти пошлые тексты! Я не такой и не понимаю, когда и почему они все полюбили меня. Я всегда был с тобой рядом! Прости меня, скотину! Мариночка, я....! Я опять умираю без тебя и твоих ласк! Можно к тебе?

— Нет, Ной! Я занимаюсь уборкой виллы. У меня генеральная уборка перед летним периодом. Накопилось много пыли. Я распоряжаюсь и бегаю тут как ненормальная. Ной, не придумывай! Я почти не обижаюсь на тебя, но мне неприятно! Это честно! И я ревную, потому что, как дура, всё ещё люблю тебя! На что мне обижаться? Мне приходится терпеть и страдать, узнавая о тебе всё больше подробностей твоей

жизни! Мы с тобой потом поговорим и всё обсудим, хорошо? Потом я позвоню тебе! — отключилась я, поглядывая в окно, где весь день на яхту Ноя перетаскивали его «художественную мастерскую». Музыка Дана Балана громко орала на всё побережье, и он решил, что будет рисовать на яхте, рядом со мной, потому что одному в своих резиденциях в мегаполисе ему совсем не хотелось, и его не посещало вдохновение. Начиналось лето, и его тянуло на воздух, к воде, ко мне и к своим племянникам, к которым он привыкал и начинал любить. Он прилетал на вертолёте, как волшебник, с пакетами чего-нибудь вкусного и необычного, прихватив с собой игрушки для моих детей и, в целом, чтобы, как он говорил, «быть всегда рядом и под рукой».

— Я просто хочу быть всегда рядом и под рукой, — звонил он мне по несколько раз в день и улыбался своей очаровательной улыбкой, протягивая пакеты с экзотическими фруктами и восточными сладостями Кристиану, когда я смотрела из окна. — Знаю, работа выматывает, а здесь... здесь словно глоток свежего воздуха. Да и, признаться, мысль о том, что я могу увидеть тебя хотя бы на пару минут, помогает мне справляться с самыми сложными задачами, — махал он мне в окно.

Казалось, этот мужчина никогда не таил на меня злость, обиду или месть. Он просто любил, и, конечно, ревновал, отгоняя от себя каждый раз Кристиана пинком, чтобы тот не подслушивал, о чём он говорит мне по телефону. Кри-

стиан смеялся и уходил, забирая у него пакеты. Мне всегда казалось, что Ноя все любили какой-то особенной любовью. Его невозможно было не любить. От него исходила такая мощная волна позитивной энергии, что сопротивляться его обаянию было просто невозможно. Его привлекательность складывалась из множества деталей: безупречная внешность, статная фигура, крепкое телосложение. А его улыбка была настолько ослепительной, что буквально сносила с ног. Стоило ему лишь обратить на тебя внимание, как ты мгновенно оказывался в другом измерении, готовый принять любые его вызовы. Его влияние распространялось не только на женщин, которые буквально теряли голову от него, но и на мужчин. Он мог кричать, ругаться и даже драться с ними, но те воспринимали это как должное, как заслуженное наказание за свои проступки. Телохранители испытывали к нему своеобразное уважение и симпатию. Они работали на него, слушались беспрекословно, и никто не увольнялся, зная его слабости и капризы. Порой они даже инсценировали свою вину, чтобы получить от него пинки и подзатыльники, тем самым успокаивая его, а затем посмеивались над ним. Ной всегда исправно платил, а иногда и спасал своих людей в беде, помогая их семьям и детям. Казалось, он был добросердечным самаритянином или человеком мира!

— Не пойми неправильно, — продолжил Ной, — работа важна, но что значат все эти сделки и проекты, если рядом нет самого важного человека? Я летаю туда-сюда, как безум-

ный, чтобы успеть сделать все дела и при этом не потерять ни минуты с тобой и с нашими детьми. Ведь время — самый ценный ресурс, и я хочу тратить его на то, что действительно имеет значение! Марина, любимая, на яхте я хочу рисовать океан! Все эти волны, свет, небо — это просто взрыв красок! И конечно же, я хочу запечатлеть тебя. Ты — моё вдохновение, и без тебя мои картины не будут полными! Хочу, чтобы у нас были общие воспоминания, запечатленные на холсте. Здесь, рядом с тобой, я вижу мир иначе, и это вдохновение бьёт ключом, требуя воплощения в красках. Там, в апартаментах, я вижу лишь тьму и никаких фрагментов. Одни плохие воспоминания. Я хочу рисовать саму жизнь, Марина, и эту жизнь — с тобой! Выставка осенью, а мне нужны новые творения!

Его племянники и мои дети автоматически стали его детьми, а родного их отца Сашу он не брал в расчёт, считая его неспособным любить своих детей из-за отсутствия отцовских инстинктов:

— Я его не виню, конечно, — грустно произнес Ной, глядя на меня в подзорную трубу на своей яхте и переговариваясь со мной по телефону. — Но ему просто не дано это, понимаешь? Он сам еще нуждается в заботе. Испанец как перекасти-поле, куда ветер дунет, туда и катится. Ему не хватает стержня, серьезности. Он просто не понимает всей ответственности, — добавил он, вздохнув. — Он как будто не осознает, что дети — это не игрушки, это живые люди, ко-

которые нуждаются в любви, внимании и руководстве. Ну что с него взять? Я всегда буду рядом, подстрахую. Я их люблю! Ты же видишь, как он относится к детям, — Ной вздохнул. — Испанец, конечно, ещё тот чёрт, но иногда мне кажется, что он просто не понимает, что значит быть отцом. Он как будто живет в своем мире. Ему не хватает какой-то чуткости. Именно поэтому я и стараюсь быть рядом. Кто-то же должен заботиться о них по-настоящему. Я не хочу критиковать его, — продолжал он, понизив голос, — но просто посмотри, как он хотя бы играет с ними. Все как-то... поверхностно. Как будто он отбывает повинность. Дети же чувствуют это. И я не могу просто стоять в стороне и смотреть. Я бы вообще не подпускал его к ним. Они чувствуют его плохие стороны. Он им ничего не даст! — с неприязнью в голосе продолжал Ной отзываться о своём брате, делясь своими мыслями вслух со мной по телефону, а я слушала и улыбалась.

С Ноем можно было говорить сутками напролёт, и он не уставал, чего не скажешь о его сводном брате — «русском испанце». Саша, казалось, ревновал ко всем подряд, отчего ещё больше злился, отсидживаясь дома с фингалом под глазом. Он редко звонил или писал и предпочитал лишь наблюдать со стороны, изображая капризного ребёнка. Мама Алла бегала к нему в гостевой дом и ставила компрессы, разрываясь между внуками и «старшим» ребёнком, которому скоро сорок лет.

— Мамочка! Зачем ты ему ставишь компрессы? Они не

помогут, само всё пройдёт! — каждый раз говорила я ей, видя её суету и стопку рецептов, вырезанных из женских журналов с лечением синяков.

— Марина! Он споткнулся и упал где-то с высоты! Вдруг так и останется! Это же глаз! Там же сосуды! — сетовала мама, а я не понимала, как Ной умудрился ему поставить фингал, тыкая пальцем в лоб, когда ругал за доставку на яхте. Саша решил взять реванш и отдохнуть перед «деловой» поездкой в Россию, отдыхая либо у себя, либо рядом с нами, либо с Ноем, помогая ему перетаскивать мастерскую. Бизнес он вёл дистанционно с Артуром из-за синяка под глазом, стесняясь поехать в офис. Он не утруждал себя абсолютно ничем, жил для себя и жизнью своих детей. Только они вызывали у него улыбку и игривое настроение. Со мной он был настороже, не зная, что я опять выкину, и старался не конфликтовать, держась в стороне.

— Ну, ты и выдала в участке! Я чуть со стыда не сгорел! — звонил он мне с очередной лекцией. — Позорище! Опозорила меня перед мужиками! Как ты могла? Когда это я тебе изменял, и кто мне штаны расстёгивал? Ну-ка, напомним? Когда это я тебя бросал на берегу океана мокрую? Про каких-то кочевников наплела! Ной на самом деле так считает про нашу фамилию? Диаров — настоящая русская фамилия, если ты не знаешь, не то, что у твоего Ноя — какая-то гагаузская, почти «батончик баунти»! Напридумывала опять про прыжки на кровати в спальне Ноя! Или ты на самом деле то-

гда прыгала с ним? Ты что, и там уже успела попрыгать? Когда? Удивительно, когда ты всё успеваешь? Кто тебе Daihatsu Сорен подарил? Ты будешь теперь одна на ней ездить? Как? Ты понимаешь, что это опасно в городе! Я опять предельно удивлён твоему новому подарку! Когда ты всё успеваешь? Ты и с этим уже спала? Кто он? Каждый день что-то новое у тебя! Я лишь наблюдаю и делаю выводы! Развод всё равно не получишь, так и передай своим любовникам! Сколько их уже у тебя? Пальцев на двух руках не хва....

— Отстань от меня! Что ты хочешь? Тебе разве плохо сидится на яхте Ноя сутками напролёт и купаться в моём бассейне? Ты мне ни одного цветочка за год не подарил, если что! Муж называется! Ты неадекватный? Лечи глаз, а лучше голову! Не зли меня! Мне некогда возиться с тобой! Я отмываю виллу после тебя!

С Сашей, казалось, всё было сложно. Нас объединяли вместе лишь дети. Любовь, привязанность, желание куда-то благополучно улетучились, и остались только долг, обязательства в виде штампа о браке, родители и дети. Мне было непонятно, любила я его или нет, но в любом случае он был для меня теперь уже близким родственником и отцом моих малышей.

ФИЛИПП

— Марина, приехал детектив из участка с документами. Он ждёт в машине. Выйди к нему! — ближе к вечеру сооб-

щи! Кристиан. Я увидела в окно белый седан с проблесковым маячком на крыше. Офицер в голубой рубашке оставался в салоне автомобиля. К нему подбежал Крис и предупредил, что я скоро выйду.

«О боже, что ещё?» — прихорашивалась я у зеркала, — «Женатый, симпатичный и нужный, если я вдруг что-то опять натворю!» — посмеялась я про себя. Я была немного уставшей от наведения порядка на вилле, и у меня не было настроения с кем-либо встречаться. Я не планировала встречу на сегодня, поэтому надела с обеда до безобразия откровенный короткий белый топик, который едва закрывал грудь, и джинсовые ультракороткие шортики, зная, что, кроме нас с мамой, не было никого в доме из посторонних. Кристиана я не учитывала. Он был моим самым дорогим «мимишкой», поэтому я его не стеснялась и как могла баловала, целуя каждый раз, как своего плюшевого мишку в детстве, проходя мимо. После того, как Саша назвал его при всех «ручной рыбкой», я ещё больше приблизила его к себе, но никто, кроме Артура, не мог предположить из мужчин, что я готовлю его быть моим управляющим в Испании, а возможно, и в Нью-Йорке, имея в собственности свой фитнес-центр.

«Ладно, так выйду! Подпишу ему и вернусь! Странно, почему детектив заранее не позвонил?» — размышляла я, спускаясь вниз. На улице было настоящее лето. Меня окутало свежим тёплым воздухом и лёгкой прохладой ветерка с океана, отчего сразу захотелось позагорать, поваляться на

песочке или потрогать воду в океане. Осмотревшись по сторонам, увидела, что Ной уже уткнулся в подозрную трубу, наблюдая за мной и за офицером в машине, а Саша неожиданно подъехал как можно ближе к вилле и сидел в салоне, наблюдая за всеми.

«Все в сборе! О боже! Никакой личной жизни и свободы!» — посмеялась я и направилась к офицеру в машину, покручивая бёдрами и выпрямив спину, зная, что на грудь и бёдра у мужчин самое пристальное внимание. К тому же, меня из мужчин никто не видел почти сутки и не знал, чем я занимаюсь и как выгляжу. Пучок волос на голове сразу слегка разлетелся от ветра, но я не придавала значения прядям, которые закрывали лицо и часть груди.

Офицер выключил мерцание мигалки, когда я открыла дверь салона. Ещё подходя к машине, я уже увидела в его глазах недоумение и растерянность от моего вида. Он не ожидал, что я выйду к нему не в чёрном платье, а почти обнажённая. Я потянула дверь на себя, и в тот момент, когда наши взгляды встретились, я увидела в его глазах целую гамму эмоций: от удивления до откровенного смущения. Он был предельно напряжён. Я села внутрь, и воздух наполнился резким, дешёвым ароматом парфюма. Детектив, казалось, полностью потерял дар речи. Его взгляд заметался, точно пытаюсь найти выход из сложившейся ситуации, а щеки приобрели лёгкий румянец. Он что-то невнятно пробормотал, протягивая мне какие-то бумаги, и выглядел при этом

настолько обескураженным, будто сам был виновником какого-то происшествия, а не просто исполнителем своих служебных обязанностей. Он был одет не в форму, а в обычную голубую рубашку с галстуком, на руке виднелись часы. Какие именно, в его растерянном состоянии было сложно разобрать.

— Вот, — передал он мне какие-то бумаги в руки, — я привёз. Тут... здесь. И... посмотрите, — наконец он что-то сказал внятное. Я улыбнулась и стала читать бумаги, не понимая, почему я читаю рекламу какого-то торгового центра, а не свои протоколы.

— Это что? Реклама нового торгового центра? — засмеялась я, понимая, что это лишь повод для общения. Офицер ещё больше растерялся и опустил глаза, но не мог смотреть вниз, потому что его глаза упёрлись в мои голые ноги и грудь.

— Марина Аааа... ле..! Я — Филипп! — отчётливо сказал офицер и впился в мои глаза.

— Так что у вас, Филипп, на самом деле случилось? — повернулась я к нему лицом, скрестив ноги и покручивая прядь волос на пальчике. Он сидел весь красный и смотрел в одну точку на панель салона. — Вы же не рекламу мне привезли показать?

— Марина, от тебя исходит такой невероятный аромат! — произнёс он, переходя уже со мной на «ты».

— Спасибо, Филипп! — улыбнулась я, разглядывая его профиль.

«Знал бы ты, сколько стоит этот парфюм! Небось, весь твой годовой доход!» — посмеялась я про себя, продолжая изучать его.

— Как ты проводишь время? Никто не обижает? Если что, вот мой номер телефона. Это мой личный номер. Я сразу тебе отвечу, — протянул он мне визитку.

— А жена? — улыбнулась я.

— У тебя же тоже мужа! — улыбаясь, посмотрел он по зеркалам. — Я бы очень хотел с тобой встретиться... и купить тебе моти!

— Хорошо, Филипп! Звони или лучше пиши! Сейчас я немного занята. Мне нужно обустроить быт детей получше. У меня почти ремонт.

— А как нам встретиться? У тебя всюду охрана! — посмотрел он в окна.

— Да, мне сложно выбраться! Ну, придумай что-нибудь, Филипп, ты же детектив! Только не пугай всех своей формой и мигалками, хорошо? Включи фантазию! Пока! — сжала я его руку, отдавая бумаги, и засмеялась, выходя из салона.

ВЕРДИКТ

Я вышла из машины офицера Филиппа и сразу потянулась к летнему солнышку. Погода была шикарной. Подняв руки вверх, к солнцу, и покручивая бёдрами, я отправилась на яхту к Ною посмотреть, как он «развернул» свою мастерскую, зная, что он разглядывает меня во все свои подзорные трубы

и бинокли, а офицер — в зеркало заднего вида. Ветер окончательно растрепал мои волосы. Я шла, подняв руки вверх и шупая пальцами тёплые лучи солнца. Невдалеке сидел в машине Саша. Он шире открыл двери салона и с интересом разглядывал меня, потягивая сигару. Я ещё больше потянулась кверху, видя, что меня все разглядывают. Топик ещё больше задрался, прикрывая лишь соски и обнажая нижнюю часть груди.

Ной не вытерпел, увидев меня почти голую в подозрную трубу, и выскочил на пирс, встав на четвереньки в своих рваных джинсах и ободранной майке, которая держалась на одном плече, и пополз ко мне навстречу: сперва по деревянному пирсу, потом по песку, остановившись у моих ног и лёг, обнимая ступни ног, впиваясь в них губами.

— О боже, Ной! Что ты тут устраиваешь? — смеялась я. — Вставай, ты опять весь грязный! — не могла я остановиться от смеха.

— Я скотина! — проскулил он.

— Я знаю, Ной! Вставай, пошли, покажешь, что ты там нарисовал. Ты что, подглядываешь за мной всё время? Я разрешила это делать, Ной? — нагнулась я и поцеловала его в волосы, приглаживая их. — Ты весь в песке! Иди, я тебя поцелую в мои пухлёныши! — потянулась я к нему, целуя в губы. Ной сразу ожил и засиял красивой улыбкой.

— Давай я донесу тебя до яхты! — сразу поднял он меня, не дождавшись разрешения.

— Неси! — разрешила я ему и обняла за шею, покусывая его плечи.

Саша вышел из машины и направился к нам, докуривая сигару и держа руку в кармане.

— Чего тебе? — крикнул Ной, обращаясь к нему со мной на руках. Тот остановился. Ной сразу расставил приоритеты, дав понять ему, что я уже только его, если он несёт меня на руках к себе. К тому же, ещё не отъехал седан офицера, который тоже продолжал наблюдать за нашей семейной сценой.

— Ной, пусть идёт. Мне есть что вам обоим сказать. Неси меня на диванчик, Ной, мой хороший! — сказала я, целуя его в шею. Я продолжала любить Ноя и, казалось, именно к нему у меня были самые сильные чувства. Он меня любил любую, никогда не обижался, всё мне прощал, баловал, и мы с ним никогда не ругались, как с Сашей. Если раньше он меня ревновал только к Саше, то сейчас уже к каждому столбу в округе. Он меня боготворил и любил довольно сильно, трепетно и преданно. Это я чувствовала, хотя периодически морально наказывала его, чтобы сильно не расслаблялся.

— Ладно, моя любовь! Как скажешь! Как же они мне все надоели, особенно твой испанец! Почему я тогда его не убил? — не унимался Ной, оглядываясь на Сашу и целуя мою грудь на ходу, которая выскользнула из топики из-за неудобной позы в руках Ноя. Он задрожал, злясь на Сашу, который телепался сзади.

Мы сидели с Сашей в кают-компании яхты на диване и

рассматривали две картины Ноя, которые он привез из города. Ной суетился, бегал по каюте, расставляя картины на мобильные мольберты, и ждал нашей оценки, присаживаясь то ко мне на диван, то с другой стороны, приобнимая за плечи.

«Удивительно, но мы втроём также сидели в самый первый раз в этой же кают-компании и ругались с Сашей, а сейчас мы сидим втроём на диване и рассматриваем картины Ноя. Удивительная штука жизнь!» — усмехнулась я, сидя между двумя братьями. Они оба держали мои руки в своих ладонях, поочерёдно поглаживая мне ноги.

— Закат, по-моему, замечательный, Ной! Очень красиво! Ты угадал! Это шедевр, Ной! Мне нравится вода! Ты идеально передал волну! Она как настоящая! — чмокнула я его в щёчку. — А вилла? Где ты меня там увидел? Когда? Это я вообще? — удивилась я.

— Нет, не увидел, я представлял! — ответил задумчиво Ной.

— О боже, голую? Где ты видел, чтобы я голая подходила к обзорному окну, Ной? Не вздумай эту картину показать на выставке! Закат вполне подходит. Мне нравится! — заулыбалась я.

— Ты не голая! Ты не понимаешь! — ответил серьёзный Ной. Я слегка покраснела, не зная, как реагировать на его слова.

— Представлял? И что же ты представлял? — спросила я с лёгкой усмешкой, пытаясь скрыть смущение. Ной посмотрел

рел на меня в ответ с таким серьёзным выражением лица, будто решал сложнейшую математическую задачу.

— Знаешь, это сложно объяснить словами... Скорее, ощущение, — начал он, потом немного замолчал, подбирая слова. — Представь себе девушку, стоящую у окна виллы, залитой лунным светом. В её глазах целая вселенная, полная тайн и огня, как у Блока: «О, весна без конца и без края — без конца и без края мечта!» В ней есть какая-то недосказанность, как будто она знает нечто важное, что скрыто от других. И при этом — невероятная хрупкость, как цветок, пробивающийся сквозь асфальт. В ней одновременно видится бунтарка и нежная барышня! — он сделал паузу, как будто давая мне время переварить его слова. — И ещё... знаешь, это чувство, когда смотришь на картину и понимаешь, что художник вложил в неё частичку своей души? Вот и в ней я вижу какую-то... душу. Настоящую, живую. *«Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии»*. Кажется, что за внешней оболочкой кроется нечто большее, глубокое и ценное, ты должна понять!

Я слушала его, замороженная. Никогда бы не подумала, что он увидит меня такой.

— Ты... описываешь кого-то, кого я совсем не знаю, — прошептала я, чувствуя, как внутри меня что-то начинает закипать. — Это не я, я не такая! Уже не такая, Ной! Ты говоришь о душе, но тут фигура и плоть! — я попыталась отвести взгляд, но глаза Ноя были прикованы ко мне. Его сло-

ва тронули меня до глубины души, но в то же время пугали своей точностью. — Ты видишь лишь то, что хочешь видеть, — добавила я, пытаюсь скрыть растущее волнение. — Вилла, лунный свет, романтика... Это красивая картинка, но она не имеет ничего общего с реальностью! Я не живу в лунных лучах, Ной, я живу в этом мире, где важны связи и умение выживать, — продолжила я, стараясь звучать убедительно даже для самой себя.

— И эта фигура, и эта плоть — это моё оружие! Это то, что позволяет мне добиваться своего. Я научилась пользоваться тем, что у меня есть. А душа... душа давно спрятана глубоко, Ной. Замурована бетонной стеной цинизма и разочарования. Она не сияет в лунном свете, она тлеет где-то в тёмном углу, забытая и ненужная. Если бы я была страшной и бесформенной, вы бы даже не взглянули на меня. Мужчины любят только глазами, и всё! Душой вы не умеете любить, так зачем рисовать бездушные и эфемерные, Ной? Так что забудь об этой девушке у окна. Её больше нет. Грудь, талия, бёдра — ты бы хоть трусы мне нарисовал, Ной! Ты такой же извращенец, как и наш всеми любимый Санечка! Хватит мне коленки поглаживать! Устроились тут! — захохотала я со злостью в голосе, возвращаясь в реальность. — Что это вы опять задумали, зайчики мои?

— Зачем к тебе приезжал офицер? Опять по поводу Мэтью? — спросил Саша.

— Ага, сейчас я вам сразу и рассказала! — посмеялась я

над ними.

— Что это вы меня прижали с двух сторон? — хлопнула я их по рукам, продолжая смеяться. Они хитро переглянулись между собой. Я встала и демонстративно потянулась перед ними, оголяя часть груди. Они оба разглядывали меня с откровенным вождением в глазах снизу вверх. — Хотите меня так же, как «проходную» Свету, сразу вдвоём или поочерёдно? — засмеялась я, подмигивая им обоим, щёлкнув язычком. Они замерли. Улыбки тут же пропали с их лиц.

— Чего? Тебе Мэтью рассказал? — со злостью в голосе спросил Саша.

— Причём тут Мэтью? Она на вашей афтер-пати через всех прошла за один раз и даже по второму кругу. И не только с вами двумя, как оказалось. Об этом все знают и чуть ли в газетах не написали. Это тебе такую вечеринку Мэтью предлагал? Да, Ной? Только меня пустить по кругу и по очереди? Да? — подмигнула я ему. — Так хорошо отдохнули, что ребёнка Свете сделали. Кто отец её ребёнка? Ты, Ной? — посмеялась я над братьями, которые сразу опустили головы.

— Нет, Мариночка! Нет! Не я, — испугался Ной.

— Ты проверил? ДНК сделал?

— Да, это не я. Я не знаю, кто его отец! — он переглянулся с Сашей.

— Неужели! — посмеялась я. — Достаточно того, что ты тоже участвовал в групповухе, Ной. Не ожидала! Никак бы не подумала! Фу, я ещё спала с вами после этого! Ваши клас-

сики, цитаты, изобразительное искусство, Шекспиры и вакханалии с девочками под виски. Вы сложные индивидуумы с больными головами, мальчики! Знаете, как это называется у психиатров? — уже разозлясь, продолжала я.

— Саша, это тот мальчик, с которым ты играл в отеле под акацией, а потом сонного унёс в номер? Со Светланой вы потом в номере его долго укладывали спать, почти четыре часа, а я сидела, ждала тебя в беседке и умывалась слезами, пока ты натрахаешься с ней. Помнишь, мой котик? Ты тогда так изощрённо любил надо мной издеваться. Забыл? — провела я пальчиками по его лицу. — Этот ребёнок от неизвестного отца? И ты даже жениться собирался на ней? Платье ей, небось, свадебное купил? Как ты любишь в помойных ямах полоскаться, просто хлебом не корми, Са..не..ч..ка! — передразнила я его и ткнула ему в лоб пальцем, как это всё время делал с ним Ной. — А потом быстренько на мне подженился, чтобы скандалчик замять, не так ли, милый? Всё в твоём духе абыюзера! — говорила я ему, нагнувшись к его лицу.

— Да, этот ребёнок. Я тебе рассказывал, что по ДНК я не его отец! — ответил со злостью Саша. Ной сразу побледнел, понимая, что я не просто так это им всё рассказываю после встречи с офицером. У мужчин загуляли желваки.

— Мне Филипп всё рассказал про вас и ваше прошлое! — отчеканила я, глядя на них.

— Кто такой Филипп? — спросил Ной.

— Филипп — офицер полиции! Сын Мэтью будет жить

со мной и моими детьми. Мэтью будет навещать его, когда посчитает нужным. Я так решила! — ответила я резким тоном и отправилась на виллу. Мужчины замерли в ступоре, молча провожая меня глазами.

Я была ужасно зла и никак не могла прийти в себя после раута, скандала с Мэтью в кафе, его истории о прошлых вакханалиях мужчин и посещения полиции. Если раньше я лежала пластом пару суток в беспамятстве, вся в слезах и соплях, то сейчас я держала всё в себе: злость, отчаяние, обида никак не покидали меня. Мне было обидно, что мои любимые и самые дорогие для меня мужчины могли вот так жить до меня, а сейчас я, которая не знала ничего об этом, решаю их проблемы и вытаскиваю обоих из их же помойной ямы.

Keansburg

— Марина, мы приедем к тебе завтра вечером. Ты как? Как себя чувствуешь? — поздно вечером позвонил Мэтью.

— Нормально, Мэтью. Как мальчик? — разволновалась я, ожидая от него весь день новостей.

— Плохо! Плачет всё время и боится меня. Сидит в сторонке, не разговаривает и отвернулся от меня. Не хочет подходить ко мне и ничего не ест. Я ему купил конфет и машинку. Он даже не смотрит на меня. Бросил все подарки на пол и плачет. Мне от этого не по себе, Марина! Я скучаю без твоего слова и тепла! Ты нам обоим нужна! Всё чертовски плохо и больно, Марина! На душе противно и тяжело! Ты,

наверное, поймёшь меня!

— Мэтью, я жду вас и целую! — ответила я, а у самой ком подступал к горлу от слов Мэтью и дрожал голос. Я представила этого несчастного никому не нужного мальчика, и мне становилось не по себе, вспоминая себя, когда я так же забивалась от всех в угол и плакала без папы.

Придя немного в себя, я написала Иво, поблагодарив за неожиданный подарок:

«Иво, привет! Хотела еще раз поблагодарить тебя за машину. Это невероятно и неожиданно! Я до сих пор в шоке. Спасибо огромное!»

«Привет! Не за что, рад, что тебе понравился мой подарочек!))))) Как она тебе? Уже успела прокатиться?)))))»

«Да, немного покаталась около виллы. Просто восторг! Она такая послушная. Спасибо, Иво!»

* * *

Ещё утром Кристиан выгнал машину Иво из гаража и пригнал к воротам. Мы с ним договорились прокатиться вдоль океана и обкатать родстер. Я же планировала использовать этот маленький бордовый спорткар только для поездок по Кинсбургу, с детьми или в одиночестве, но никак не в мегаполисе.

Keansburg — небольшой прибрежный городок в Нью-Джерси, расположенный всего в сорока трёх километрах от восьмимиллионного Нью-Йорка, казался затерянным во

времени. Это идиллическое место, где дома утопают в зелени, а воздух пропитан запахом соли и моря. Он расположен на берегу Раритан-Бей, прямо напротив Статен-Айленда. Этот рай на Земле, омываемый водами Атлантического океана, всегда манит сюда туристов со всего мира, предлагая умиротворение вдали от городской суеты, поэтому мне вполне хватало этой гармонии, о которой я всегда мечтала: подальше от мегаполиса, где — морская вода, небо, солнце и много зелени.

Выйдя из виллы, я увидела, как телохранители Ноя окружили машину, рассматривая это чудо техники. Их двухметровые фигуры почти полностью скрывали её. Они посмеивались между собой, явно не понимая, как на такой крохе можно ездить.

— Ну, собрались кони! — бросила я им в спины. — Чего ржём, ребята? Дайте я прокачусь! Ренат, держи меня! Куда тут ногу засовывать? Кристиан, покажи мне, как тут что? Надеюсь, тут сиденья удобные? Тут есть кнопки какие-нибудь и зеркальце? — хохотала я вместе с телохранителями. — Что вы ржёте? Вы ничего не понимаете! Это Daihatsu Copen! Это чисто японская магия, не для вас, жеребцов!

— Марина, она просто шикардос! — восхитился Ренат, открывая дверцу салона. — Видела, как крыша складывается? Это же чисто лакшери! Вот думаю, наверняка, жёсткая подвеска, потряхивать будет на неровностях!

— Точно! — поддержал Миклош, забыв о своей стесни-

тельности. — И цвет такой... сочный! Сразу видно, что владелица — яркая личность! Только для нашей Марины такую! Да, она супер! — рассматривал машину влюблённый Миклош, заглядывая в салон. — Переднеприводная? Марина, она только для тебя подходит! Для твоих форм! — проворкотал Миклош, забыв о субординации и едва взглянув на меня, краснея как рак.

— Миклош, зайчик, её и сделали для таких, как я! — рассмеялась я, разглядывая панель управления и руль. Парни похлопали Миклоша по плечам, услышав, что я его назвала «зайчиком».

— Вот видите! А вы смеётесь! Эта крошка даст фору любому вашему кроссоверу! Главное ведь не размер, а умение ею пользоваться, верно, мальчики? — улыбнулась я парням.

— Бесспорно, Марина! — заверил Ренат. — Этот спорткар создан для тебя! Стильный! Багажного отделения совсем нет! Как без багажника?

— Ренат, я же не буду вдоль океана возить в багажнике пулемёты и бронежилеты, как вы! Я буду возить лишь маленькую дамскую сумочку! — лукаво посмотрела я на них. — Ну что, мальчики, прокатить кого-нибудь? Только влезет кто-то один! — засмеялась я. Парни переглянулись, но тут же отступили, понимая, что это скорее риторический вопрос.

— Кристиан, где ты, мой мальчик? — радостно махнула я ему. — Мы прокатимся, а вам всем я привезу брызги океана! — заливисто рассмеялась я. Парни, с шумом хлопая Кри-

стиана по спине, провожали нас улюлюканьем, когда я сорвалась с места, вдавив педаль газа. Обернувшись, я увидела Ноя. Он стоял на пирсе и улыбался своей шикарной улыбкой, засунув руки в карманы брюк, когда его охранники, хоча на всё побережье над «игрушечной» машинкой, которая была им чуть выше колен, окружили меня в машине.

Я гнала со всей скорости по прибрежной трассе и вспоминала фильм «Курьер», где героиня грезила о поездке вдоль океана на милой машинке, с красным шарфиком, развевающимся на ветру, и собачкой рядом. Моя картина была совсем другой, но не менее импозантной: вместо шарфика — были мои волосы, летящие во все стороны, а рядом мой красавец — Кристиан, внешность которого создала нейросеть. Он подстраховывал меня, обучая езде на этом шикарном, трёхметровом родстере, попутно убирая мои волосы со своего лица.

Выехав на береговую трассу, я сбросила скорость, наслаждаясь видом. Мой маленький спорткар легко скользил по дороге. Я чувствовала себя свободной и беззаботной, будто снова вернулась в юность. Солнце играло на крыше автомобиля, отражаясь в морской воде. Мы проезжали мимо небольших парков и пристаней, где местные жители рыбачили или просто отдыхали на лавочках, любуясь пейзажем. В воздухе витал запах жареной рыбы — наверняка, кто-то из местных готовил улов на гриле. Солнце слепило, и океан, словно зеркало, дарил великолепные краски, создавая неве-

роятной красоты зрелище. Легкий бриз, напоенный солью и ароматом неведомых цветов, ласкал кожу, принося с собой ощущение безмятежности и свободы. Я остановила машину на обочине, чтобы в полной мере ощутить этот момент. Тишина, нарушаемая лишь шумом волн, обволакивала, даря покой. Мой маленький, но дерзкий спорткар стал идеальным спутником в этой короткой передышке от хаоса.

Мы с Кристианом вышли из салона и бросились со всех ног к океану. Я бросилась ему на шею, обхватив спину ногами. Он подхватил меня, закружил, а я смеялась, раскинув руки в стороны. Непослушные волосы развевались от движения и легкого ветерка. Мы смеялись как дети, абсолютно счастливые, и завершили нашу идиллию привычным долгим поцелуем — поцелуем свободы и молодости.

— Всё, мой мальчик, поехали! — отстранилась я от него, завершая поцелуй и прыгнув на песок. — У нас генеральная уборка! Надо всё успеть! Скоро доставка! Поехали обратно! Всегда надо спешить и всё успеть! Такая жизнь, Крис!

* * *

«Не стоит благодарности. Надеюсь, она будет приносить тебе только радость. А можно я тебе позвоню? Хотелось бы услышать твое мнение о машине, да и просто поболтать. Если у тебя сейчас есть время, конечно))))))»

«Сейчас... да, в принципе, можно. Да, звони!»

С Иво мы проболтали почти полчаса, обсуждая все ново-

сти и подробности в участке. Он живо интересовался Сашей и Ноем, боясь, что они меня снова обидели, но я его переубедила в обратном. Иво немного успокоился, пребывая под впечатлением от диалога с офицером полиции и всей ситуации в целом. После долгого разговора, в конце которого Иво, кажется, окончательно успокоился, он немного замялся.

— Слушай, раз уж мы так хорошо поболтали, и я так рад, что ты оценила машину — может, отметим это как-нибудь? Знаю тут один ресторанчик с прекрасным видом. Он тебе точно понравится. Приглашаю тебя на ужин в качестве благодарности за то, что ты терпишь мои звонки и переживания. Что скажешь? В ближайшие дни у тебя есть время? Просто отдохнём и поболтаем, ладно? Без всяких там приставаний. Я всё-таки хочу добраться у тебя во рту до этого кусочка эклера с клубникой, который ты чуть не проглотила, — засмеялся он.

Я задумалась, перебирая в голове миллион «но»: с одной стороны, этот ужин выглядел как благодарность и возможность развеяться, с другой — я не хотела давать Иво ложных надежд и усложнять и без того запутанную ситуацию.

— Иво, спасибо за приглашение, — сказала я, стараясь звучать дружелюбно, но твердо. — Мне действительно приятно. Но сейчас, понимаешь, у меня очень напряжённый период. Нужно разобраться с кое-какими делами. Я потом тебе всё расскажу. Всё очень сложно. Предельно сложно и не по телефону. Давай пока отложим ужин, хорошо? Как толь-

ко всё устаканится, обязательно тебе сообщу. Просто сейчас очень сложные события, связанные с Мэтью, и мне надо ему помочь. Мне надо всё привести в порядок и себя тоже. Я ещё не могу прийти в себя, если честно. Я тебе позвоню, как приеду в город, хорошо?

— Понял! Договорились! Я знал, что не всё так будет просто. Буду ждать, но помни, что я тебе сказал. Я всегда рядом и заберу тебя в любой самый сложный момент! Люблю! — ответил Иво голосом, который дрогнул в телефоне, и отключился.

Иво мне казался каким-то большим приключением в моей жизни. Меня к нему по-прежнему тянуло, и я тонула в его голубых глазах, но последние дни обрушились на меня лавиной обстоятельств, словно лишив возможности дышать полной грудью, расслабиться и отдаться этому чувству. Я вспоминала наши страстные поцелуи, его голос, ласковое тепло его рук. Особенно ярко вставала перед глазами сцена, где я, лежа рядом с ним, дразнила его, а он, полный терпения и надежды, ждал. И он продолжал ждать и любить, зная, что я живу с другими мужчинами. Это было удивительно и непонятно для меня!

«Я приеду к тебе, Иво!» — написала я ему и уснула, мечтая о нём.

ВОЛНЕНИЕ

Весь следующий день я не находила себе места. Казалось,

всё было готово к встрече Мэтью с сыном, но мне было очень беспокойно, отчего я злилась и дёргала остальных. Все меня понимали и даже успокаивали.

— Мариночка! Всё будет хорошо! Мы встретим мальчика, и он к нам привыкнет! — говорила мама Алла, перебирая новые детские вещи сына Мэтью у него в детской.

Детская мальчика была обустроена благодаря Борису и Ною буквально за сутки. Ной воспринял новость о сыне Мэтью вполне спокойно и с пониманием, в отличие от Саши, который что-то фыркал себе под нос, продолжал возмущаться и лишь наблюдал за беготнёй вокруг виллы, суетой мамы Аллы, громкими разговорами Ноя по телефону, который помогал с доставкой Кристиану, тут же оплачивая всё сам.

Как ни странно, но Ной быстро нашёл общий язык с Мэтью, словно забыв про конфликт и угрозы друг другу. Видимо, Ной сразу понял очевидные намерения Мэтью, или они сразу созвонились после разговора в полиции, найдя общий компромисс. Мужская дружба всегда казалась мне удивительной: вот они ругаются, даже дерутся, а уже через минуту — снова неразлучные приятели. Женские же ссоры, напротив, имеют обыкновение разрастаться в затяжные войны и непримиримую вражду, причём до гробовой доски. И история Мэтью и Ноя была тому ярким подтверждением. Они стали часто созваниваться между собой и договариваться уже как друзья:

— Мэт, я оплатил! — кричал Ной на всё побережье по

телефону. — Да, ладно! Потом сочтёмся! Детскую площадку? Я тоже уже думал над этим для своих детей! Конечно, построим! Как сын? Здоров?

Саша сознательно дистанцировался от всего, игнорируя подготовку к прибытию нового жильца на виллу. Его состояние было обусловлено шоком от известия о Светлане, её сыне и родстве с Мэтью. Дополнительное беспокойство вызывала перспектива совместного проживания сына Мэтью с его детьми. Однако истинным источником его мучений стала собственная компрометирующая ситуация: он ранее был в отношениях с матерью Мити, женщиной, приговорённой к пожизненному заключению, на которой он когда-то даже собирался жениться. Об этом знали все, кроме мамы Аллы, которую оберегали от этих слухов. В совокупности эти факторы терзали Сашу, погружая его в глубокое моральное страдание и подавленность. Всё это обрушилось на Сашу, терзая и мучая его. Он смотрел на меня глазами провинившегося школьника и уже не знал, как ко мне подступиться. Мне казалось, что история о его прошлом уже окончательно поставила жирный крест на моих чувствах к нему. Я жалела, но в то же время понимала, что, если бы не Саша, я бы не встретила Ноя, которого любила больше всех мужчин. В роли «обволакивающего абыюзера» Саше было некомфортно, но предстоящая поездка в Россию делала его спокойнее. Казалось, он давно хотел уехать от всех нас, лишь дождавшись, когда заживёт синяк под глазом.

Ной по-прежнему считал себя главным в нашей большой семье, поэтому к Саше относился с ревностной иронией, считая его лишним, как и его отца, который теперь довольно часто крутился рядом с виллой, любуясь на своего старшего сына — Ноя.

— Собственно, ничего удивительного! — говорил со мной Ной по телефону, ожидая доставку на улице. — Испанец и его отец никогда и не были частью нашей семьи, и, кажется, не стремятся ею стать. Испанец, конечно, может быть полезным человеком, но вклад в семью — это не про него. Всё, как всегда, мы сами! Мариночка, любовь моя, что ещё надо сделать? Ты только не волнуйся, мы встретим Мэтью и его сына достойно!

— Ной, я не знаю почему, но я сильно переживаю. У меня в груди всё печёт от волнения и хочется плакать, понимаешь? — говорила я ему, когда он зашёл с коробкой в обновлённую детскую комнату, обняв меня.

— Я встану за твоей спиной и буду тебя поддерживать! Я всегда твоя опора, Марина! Вся эта ситуация — это мой грех, который я никогда не отмою! Я провалился тогда в пропасть и теперь расплачиваюсь. Я понимаю, как тебе было больно слышать о нашем развороте на той вечеринке, поэтому я до сих пор несу свой крест и хочу исправиться. Я просто не успел тебе рассказать всех своих тайн, всегда что-то случается, а теперь я страдаю, вот и всё! Я сам виноват! Так мне и надо!

— Ной, не вспоминай! Меня до сих пор мутит, когда я представляю, что вы вытворяли по очереди с ней на том вечере по несколько раз. Мне плохо, понимаешь? В моей голове теперь стоят картинки, как ты с ней... я не могу говорить, мне противно! — объясняла я, почти всхлипывая ему в грудь. — Я не знаю, смогу ли я тебе это простить, Ной! Это ужасно и мерзко! И теперь я не представляю, сколько женщин у тебя было до меня! Зачем я так мучаюсь теперь?! Лучше бы я осталась в Испании и не знала тебя! Зачем я тебя встретила?

Ной опять упал на колени, целуя мои руки и опустив голову.

— Il vaut mieux souffrir en innocence, mourir sans péché, que de racheter ses crimes par des larmes qui ne lavent rien! Пожалуйста, дай мне шанс доказать, что я изменился, не говори, что лучше бы ты меня не встречала. Я верю, что наша встреча была предначертана судьбой. Я не могу представить свою жизнь без тебя! (франц: Лучше страдать невиновным, умереть без греха, чем искупать свои преступления слезами, которые ничего не смывают!)

Детская, подготовленная с такой любовью и спешкой, выглядела как воплощение мечты для пятилетнего мальчика. Стены были выкрашены в мягкий, успокаивающий оттенок светло-голубого, по которому были разбросаны забавные наклейки в виде динозавров и машинок. Вдоль одной стены тянулся широкий стеллаж, заполненный яркими книгами с

картинками и разнообразными игрушками. Здесь были конструкторы всех мастей, от классических кубиков до сложных наборов с шестеренками и болтиками. Рядом стояла коллекция машинок, от маленьких гоночных болидов до массивных грузовиков и экскаваторов. В углу примостился плюшевый мишка, у которого от постоянных объятий залоснился нос. Это был мой мишка, которого я привезла из дома мамы.

В центре комнаты стоял небольшой круглый столик и два разноцветных стульчика, словно приглашая к рисованию и лепке. На столе красовалась коробка с карандашами, фломастерами и баночки с ярким пластилином. Рядом лежали альбомы для рисования с чистыми, белыми страницами, ожидающими, когда их заполнят детские фантазии. У окна стояла удобная кровать, застеленная мягким пледом с изображением героев мультфильмов. Над кроватью висел ночник в форме месяца, который, вероятно, будет мягко освещать комнату ночью, прогоняя страх темноты. Рядом с кроватью — небольшой коврик с изображением карты мира, чтобы ребёнок мог мечтать о далеких путешествиях.

Взрослый кот Ной уже облюбовал детскую кроватку и спал, уткнувшись носом в подушку. В комнате чувствовалась забота и тепло, но в то же время ощущалась легкая пустота, как будто чего-то не хватает. Не хватало смеха, беготни и тех маленьких, незаметных деталей, которые появляются, когда в комнате живет ребенок. Комната ждала своего хозяина, ждала, когда малыш вдохнет в неё жизнь.

После шести вечера мне написал Мэтью, что они уже подъезжают и будут у меня через час. Я сразу растерялась и не знала, что мне надеть на себя, что-нибудь простое и скромное. Я перевернула весь свой гардероб в поисках чего-нибудь простого. К моему счастью, среди блестящих платьев и откровенных сарафанов я нашла простое бежевое прямое платье с тех давних времен, когда я бегала за Сашей, и очень обрадовалась, что буду скромницей хотя бы сегодня.

Я причесалась, скрепила волосы в простой хвост и не наносила никакой косметики, боясь напугать ребёнка яркой одеждой, парфюмом и распущенными волосами. Все вокруг, видя мой скромный вид, тоже оделись просто, и даже Кристиан спрятал свои длинные волосы под кепку, а оголённое тело — под спортивный костюм, застегнув молнию до подбородка.

— Ной, — позвонила я ему, — быстро иди сюда, я тебя нормально одену. Через двадцать минут приедет Мэтью! Он уже написал!

Ной тут же примчался, надев новую синюю рубашку с коротким рукавом и новые джинсы.

— Любовь моя, ты успокойся! Ты вся на нервах! — он потянул ко мне руки.

— Ой, Ной, не трогай меня! Мне не до поцелуйчиков! — отстранилась я от него, рассматривая себя в зеркало. — Меня всю трясёт, Ной!

Все уже были готовы к встрече. Саша с отцом при полном

параде в костюмах с галстуками уже гуляли у ворот виллы с Кирой и Сашенькой, держа их на руках. Мама Алла испекла свои фирменные булочки и пироги с мясом. Борис помогал ей на кухне, надев красный фартук, и смеялся от счастья, наблюдая за выпечкой в печке, чтобы ничего не подгорело.

Мы с Ноем уже спустились вниз и стояли у ворот, ожидая кортеж Мэтью. Вечером ветер с океана стих, и стояла спокойная летняя погода. Я никогда в жизни так не волновалась, как перед приездом Мэтью с сыном. Это было не просто волнение, это был страх, помноженный на надежду. Свидания с мужчинами и рауты меня так не напрягали, как эта встреча — самая важная, которая может изменить всю мою жизнь и жизнь маленького мальчика. И это пугало больше всего. Я несла новую ответственность за маленького человечка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МИТЯ

Я была вся на нервах, переминалась с ноги на ногу, всматриваясь вдаль по подъездной дороге. Наконец мы увидели машины. Они подъезжали всё ближе и ближе, несясь на большой скорости. Впереди величественно плыл черный Hummer Мэтью, казалось, способный сокрушить любое препятствие на своем пути. Высоченные колеса сверкали хромом, а затемненные стекла зловеще скрывали пассажиров. Он казался не просто автомобилем, а настоящим танком,

символом силы и неприступности. За Hummer, словно послушные псы, следовали три черных внедорожника. Их тонированные стекла были непроницаемы. Я стояла, крепко сжимая руку Ноя, который находился позади меня. С ним рядом мне было гораздо спокойнее.

Hummer медленно остановился, и в тот же миг мир вокруг будто замер в напряжённом ожидании. Секунды, пока дверь салона не распахнулась, растянулись в вечность. Наконец дверь широко распахнулась, и из неё шагнул Мэтью — величественный, но с тенью усталости на лице. Его взгляд скользнул по толпе, полон решимости и скрытой тревоги. Он был одет в черную кожаную куртку, отполированные кожаные брюки, облегающие его сильные ноги, и высокие массивные ботинки на шнуровке, подчеркивающие его внушительный рост. Даже под ярким солнцем его лицо сохраняло суровое выражение. Он быстрым взглядом оглянул всю нашу толпу, поймал мои глаза и едва улыбнулся.

Внутри салона промелькнула маленькая фигурка. Мэтью, словно пушинку, плавно вынул Митю из салона. Мальчик был одет в серый спортивный костюмчик. Он выглядел растерянным и напуганным, но с любопытством осматривался по сторонам. В его глазах стояли слёзы, но он не плакал, а с интересом смотрел на нас. Я вспомнила себя, которую в двенадцать лет также привезли к маме Алле, а у меня уже, казалось, кончились все слёзы, но они всё равно текли или стояли в глазах, и я всего и всех боялась, лишь прижимала

к себе голубого плюшевого мишку.

Мэтью опустил Митю на землю. Мальчик и правда был ему чуть выше колена. Контраст между огромным, властным Мэтью и маленьким, хрупким Митей был поразительным. Мэтью взял Митю за руку. Они стояли и смотрели на нас. Митя смотрел сразу на всех, не зная, что ему делать, поглядывая вверх на Мэтью, потом снова на всех нас. Он стоял в эпицентре внимания, растерянно переводя взгляд с одного лица на другое. Он явно не понимал, что ему делать, куда идти. Глазенки, полные слёз, непонимания и детской тревоги, то и дело взлетали вверх, ища в Мэтью подсказку, защиту, опору. Увидев его, я не смогла больше сдерживать себя. Сердце болезненно сжалось, а в груди поднялась волна нежности, сочувствия и любви к нему. Я инстинктивно опустилась на корточки. Мои руки сами потянулись к нему:

— Митя, иди ко мне! Иди, мой хороший! Митенька! — едва сдерживая слёзы, позвала я его. Митя сперва замер, внимательно и долго всматриваясь в мои глаза. Мой голос дрожал, срываясь от переполнявших меня эмоций. Слёзы подступили к горлу, обжигая своим жаром, и я едва сдерживала их, чтобы не напугать мальчика. Они стояли в глазах, готовые хлынуть потоком, но я держалась, стараясь казаться спокойной и приветливой.

Митя, казалось, замер во времени. Вся его маленькая фигурка напряглась, в глазах отразилось смятение. Он медленно, очень медленно стал рассматривать меня, всматриваясь

в каждую черточку моего лица, словно пытаюсь вспомнить, узнать, понять — кто я? Секунды растянулись в мучительную вечность. А потом... в его глазах что-то изменилось. Там вспыхнула искорка узнавания, робкая надежда. И вдруг он сорвался с места. Маленькие ножки понесли его ко мне, словно он бежал навстречу самому себе, к родному теплу и безоговорочной любви. Мои слёзы наконец-то прорвались, катясь по щекам, но это были слёзы радости, слёзы облегчения.

— Мама! Мамочка моя! — обнял меня ребёнок, а я уже не смогла сдержать слёз. Они меня душили, не давая дышать, и обжигали горло. Митя вцепился в меня крошечными ручками, словно боясь, что я вот-вот исчезну. Мы с Митей громко плакали. Тут же заплакала Кира, услышав мой плач и увидев мои слёзы на руках у Саши. Следом за Кирой, услышав плач сестры, заплакал и Сашенька на руках у отца. Хрупкий детский мир рухнул, и ему было непонятно, почему все вокруг плачут, но инстинктивное чувство единения заставило заплакать и его.

В глазах мужчин читалась буря: смесь облегчения, вины, и нежности, которую они прятали глубоко внутри. Они склонили головы, не в силах выдержать этот поток обнажённых чувств. Каждый из них знал, какой ценой мне досталось это воссоединение, и их сердца сжимались от жалости и восхищения. Они словно замерли, чувствуя себя неловко в этой женской стихии, готовые поддержать, но не знающие, как это

сделать. Мама Алла подошла ближе, поглаживая меня одной рукой по спине, а другой — нежно успокаивая плачущую Кирочку у Саши на руках. Её лицо тоже было залито слезами. Она тихо шептала слова утешения и любви. Впервые за всю жизнь я увидела слёзы в глазах отца, который успокаивал маму Аллу, положив ей руку на плечо.

Митя с детской непосредственностью и абсолютной верой вдруг посмотрел на Ноя, протянул пальчик и с восторгом спросил:

— Это мой папа? Папа! Ты мой папа? — протянул он ручки к Ною. Ной замер, не зная, как ему быть, но не растерялся и взял мальчика на руки, обнимая его. Взгляд Ноя метнулся к Мэтью, и в этом взгляде читалось непонимание того, как выйти из этой неожиданной и сложной ситуации. Он боялся последствий, боялся причинить боль мальчику, боялся реакции Мэтью. В его объятиях, когда он прижимал к себе Митю, читалась неуверенность и непреодолимое желание защитить Митю. Он обнимал ребёнка, словно пытаясь уберечь его от чего-то, хотя сам не знал, от чего именно. В этом объятии была и его доля вины, и осознание ответственности, которая внезапно на него свалилась. Эмоции Ноя в этот момент были сложным переплетением удивления, нежности, растерянности, страха и чувства ответственности, смешанного с глубокой человеческой реакцией на детскую любовь. Глаза Саши, полные испуга и растерянности, метались от Ноя к Мэтью, затем к Мите. Саша вглядывался в лицо ребенка, точно пы-

таясь разглядеть в нем отголоски матери, надеясь найти знакомые черты.

В этот момент мы были единой семьей, объединенной горем, радостью и безграничной любовью. Понимая, что именно я всех собрала вместе, слёзы ещё сильнее накрыли меня. Саша прижал меня к себе, держа Кирочку на руках, успокаивал и поцеловал в макушку. Борис подошёл ко мне и уткнулся лицом в мою спину, которая тоже немного подрагивала от его слёз.

Сцена была достаточно трогательная, но Борис взял инициативу на себя и пригласил всех в гостиную на ужин, держа меня за плечи. Ной был немного растерян, видя, что Митя принял его за своего отца и не собирается отпускать. Митя так и держал Ноя за шею, когда мы поднялись наверх, показывая мальчику его комнату, где на кровати уже сидел белый кот.

Кот Ной был самым умным из всех нас. Он понимал, что суета и перестановка в детской была не просто так. Он тоже ждал нового жильца, постоянно крутясь под ногами в комнате. Пока мы все бегали, суетились и ждали Митю, кот Ной уже давно заселился в комнату мальчика, решив первым полюбить его. Поэтому спал на его кроватке, ожидая нового хозяина. Митя сразу протянул ручки к коту. Ной взял кота второй рукой, и уже два Ноя обнимались вместе с Митей. Ной с Митей спустились вниз в гостиную, чтобы ближе познакомиться со всеми, а мы с Мэтью уединились, закрывшись в

детской, чтобы разобрать документы на ребёнка и обговорить все нюансы без свидетелей.

ДВА ПРОРИЩАТЕЛЯ

— Мэтью, как ты оделся? Ты весь в коже и хочешь, чтобы ребёнок тебя не боялся? Ты сумасшедший, Мэтью, понимаешь? — ругала я его, держа за руку.

— Я думал так, наоборот, по-простому как-то! Не хотел деловой стиль, галстук! — он улыбнулся, вновь рассматривая себя.

— О боже, Мэт! Это только для женщин твой прикид, а дети боятся, таких как ты. Это мне нравится, когда ты весь такой сексуальный в коже, но тут надо думать, куда такое надевать! Тут дети, бабушки, нянечки — они не понимают твоего дерзкого звериного стиля! — провела я пальчиком по его шраму на подбородке. Он тут же перехватил мою руку и прижал к своей щеке, смотря на меня влюблёнными глазами с томной поволокой.

— На виллу в Испании ты можешь поехать с детьми и Митей в любое время, — начал Мэтью разговор, уткнувшись в мою ладонь. — Я вас отправлю, если ты захочешь этим летом, — продолжал он целовать моё запястье. — Там сейчас небольшой ремонт, но я слежу за всем. Если вы соберётесь поехать, я закажу чартер, — он прижал мою руку к своей груди и продолжал говорить, наклонившись надо мной.

— Документы Мити — здесь, в этой папке, но Борис хо-

чет забрать его медицинскую карту, поэтому он тебе отдаст позже, когда внесёт данные после осмотра у своего детского врача. Он звонил мне, потом в социальную службу CPS и взял полностью на себя оформление Мити. Если что, Митя включён в программу Child Health Plus и CHIP, но я куплю ему платную детскую страховку, если это возможно. В папке ты всё найдёшь. Мне сказали, что мы уже опоздали с pre-kindergarten, там с 4-х лет начинается обучение. Не знаю, как тут быть? Наверстаёт ли он? Но у него особый случай, как мне сказал психолог службы, ему можно дистанционно или учитель на дому. Как тут нам быть, Марина? Давай как-нибудь решим, когда ты приедешь ко мне? — продолжал говорить Мэтью и обнюхивать мои волосы.

— Теперь фитнес. Марина, я могу пока помогать тебе с ним. Он твой и на тебя, это не розыгрыш, — улыбнулся он, заглядывая мне в глаза, — но пока ты с Митей, я буду присматривать за ним. Все доходы уже поступают на твой корпоративный счёт. Вот чеки, — показал он мне внушительную папку со всеми документами, — уже поступили первые перечисления за продажу абонементов, персональные тренировки, дополнительные услуги, СПА. Я затарил центр всем необходимым под завязку. Хватит на полгода вперёд, это точно! Вот, посмотри, здесь всё зафиксировано. Ты можешь сама что-нибудь придумать своё, скажешь мне — я всё оплачу. Более того, я дал рекламу о том, что ты владелица центра, и теперь там аншлаг с абонементом и тренировками. Управ-

ляющий не справляется, ждёт распоряжений, но я приехал и возьму всё на себя. Все хотят увидеть тебя в центре. Ты можешь переименовать его, назвать, к примеру «Мара», тогда число посетителей увеличится в разы. Может быть, там корпоратив организовать с элитой, праздник, концерт, подключи своих или моих рекламщиков. Сейчас там очереди — все услуги по записи расписаны на месяцы вперёд. Давай подумаем потом вместе, что доработать, если заедешь ко мне в офис? Всё, как ты решишь! — рассказывал Мэтью, продолжая щекой проводить по моим волосам и прижимать руку к своей груди.

— Вот ещё, Марина, это твоя квартира в Верхнем Ист-Сайде! Я переписал её на тебя! Ты уже можешь там жить хоть сейчас. Она небольшая — всего 250 кв. м, но уютная. Там всё есть: продукты, одежда, всё для быта. Вот фото: четыре спальни, крытый бассейн, общий сад, рядом река и школа. Если ты будешь в городе, можешь туда приезжать, жить, ночевать — как хочешь. Вот электронные ключи, и о тебе уже все знают на ресепшене. Я им сказал и показал тебя. Что ещё я забыл?

— Мэтью, ты уверен? Ты делаешь дорогие подарки. Мне как-то не по себе! Это дорогая квартира! И как я объясню твои подарки Ною? — засмушалась я.

— Скажи, что это квартира для Мити, если он придерётся, — улыбнулся серьёзный Мэтью, снова вцепившись губами в мою руку. — Да, ещё! Если нужны телохранители, то

скажи, я пришла. Когда мы с тобой поговорим совсем одни? — пристально посмотрел Мэтью мне в глаза, пытаясь проникнуть внутрь меня. Его глаза цвета грозового неба буравили меня, словно искали ответы в глубине моего подсознания. Несмотря на то, что мы оба обладали даром, редким умением ясновидения, сейчас мы старались не использовать его напрямую. Но даже без активного применения сила Мэтью, сила пророка, ощущалась каждой клеточкой моего тела, играя с моими подсознательными страхами и желаниями. От этого становилось немного не по себе, будто я находилась под пристальным, всевидящим оком. Но любопытство и внезапно возникшая симпатия к этому сильному и загадочному человеку были куда сильнее. Мэтью был личностью, внушающей трепет одним своим присутствием, человеком, способным одним взглядом прочесть чужие мысли. И мне, как равной ему в даре, это было одновременно пугающе и невероятно интересно.

«О боже, какой мужчина! Я скоро чокнусь рядом с ним! Почему меня снова начинает пробивать дрожь? Что творится со мной в его присутствии? Почему я становлюсь пластилином рядом с ним? Он же тоже мой пластилин, а я его скульптор! Боже мой, какое животное, какой самец, невероятно просто! Неудивительно, что он один. Женщины его просто боятся, как огня, и бегут от греха подальше, или он сам их выкидывает, как использованный шлак. Я же тоже буду этим шлаком, как пить дать! Зачем мне это всё, о господи!

Вот дура! Такой прижмёт, и крикнуть не успеешь. Помню, Саша так и говорил: *„Сама прибежишь к нему и просить будешь, хоть на десять минут где-нибудь в кустах...“* Господи, что же у него там под одеждой, что он там так тщательно прячет? Даже верхнюю пуговицу на рубашке не дал растегнуть — чуть по рукам не отшлёпал!» — хаотично гуляли мои мысли в голове, пока я слушала Мэтью и ощущала его тепло и дыхание так близко.

— Мэтью, а свадебное платье, которое ты подарил? Оно зачем? — решила я задать ему провокационный вопрос прямо в лоб, проводя пальцем по его щеке и шраму.

«Идиотка, зачем ты играешь с огнём? Не закрывай его портал, иначе ничего не узнаешь или, наоборот, узнаешь то, чего тебе лучше не знать!» — раздирало меня любопытство. Мэтью замер, глядя на меня тяжёлым, глубоким, пронизывающим до мозга костей взглядом, от которого у меня зашевелились волосы на голове, понимая, что ему надо что-то ответить, но в то же время мы оба понимали, что ему не придётся увидеть меня своей женой в этом платье.

— Марина, если ты хоть раз наденешь его просто так, покажешься мне... я буду самым счастливым человеком в этом грешном мире! — он замялся, обдумывая свои слова. — Я всегда мечтал прокатить свою любимую девушку в свадебном платье на байке или, знаешь, на Хаммере, чтобы она высунулась из люка, а фата... развевалась на ветру, как знамя нашей любви! Прокатимся, Марина, когда приедешь? Пожа-

луйста! Мне бы очень хотелось! Позволь мне осуществить эту безумную мечту! — он говорил это с неловкой улыбкой, сквозь предельную застенчивость, и его мечта, такая юношеская, такая простая и трогательная, вызвала у меня улыбку.

«Ох уж эти мальчики-миллиардеры! Их причуды бывают порой настолько трогательными, что хочется их защитить от этого циничного мира. Он что, не может взять любую девку, нарядить её в платье и катать по Штатам с фатой на голове? Ха!» — посмеялась я про себя. — *«С ума сойти! Порой хочется уберечь этих мальчиков и их чистые, наивные мечты от грязи и расчёта. Хочется пожалеть, ведь за безграничными возможностями часто скрывается глубокое одиночество и драма. Хочется хоть на мгновение заглянуть в их душу и понять, что на самом деле стоит за этой показной уверенностью и понтами. Хочется верить, что их экстравагантные мечты — это не просто блажь, а шанс изменить что-либо во благо. Ну или обнять, сказать им, что всё будет хорошо и всё возможно! Или, в конце концов, просто отшлёпать как следует и поставить в угол на гречку, вот и всё!»* — засмеялась я.

— Мэтью, я сообщу тебе, когда приеду в Верхний Ист-Сайд. Наверное, прокатимся. Мне, в общем, не сложно! Почему нет? Я надену твоё платье! — поймала я его пронизательный взгляд. — Сейчас надо, чтобы Митя привык ко всем. Я пока буду с ним, хорошо? — обняла я Мэтью, пряча глаза, чтобы опять, не дай бог, не ввести его в транс.

Он прижал меня с таким трепетом к себе, что я растерялась. Он был невероятно сильным, когда обнимал меня. Казалось, его мощные плечи сомкнулись обручем, и он нагнулся надо мной, обнимая за талию. Его глаза не отрывались от моих, в них читалась вся гамма чувств: любовь, забота, лёгкая грусть, но и предвкушение будущих встреч. Он прикоснулся ко мне губами, и я ответила ему, вновь почувствовав рубец от шрама. Его губы двигались на моих, нежно лаская и заставляя отзываться с новой силой. Я углубила поцелуй, наслаждаясь каждой секундой близости. Он отвечал с той же страстью, переплетая свои пальцы с моими. Поцелуй становился всё более горячим, но в нём не было напора или грубости. Только желание быть ближе, чувствовать друг друга, раствориться в объятиях. Я почувствовала, как мои щёки залились румянцем, а в животе разлилось тёплое, приятное чувство. Мне показалось, что я проглотила часть его энергии, получая необычный мощный заряд. Отрываясь от поцелуя, я открыла глаза и увидела его смотрящим на меня с нежностью и обожанием. Он, несомненно, вдохнул и также получил часть моей силы, видя его телесное облегчение. Он тяжело выдохнул и провёл пальцем по моей щеке. Его глаза выражали все те чувства, которые он не мог выразить словами. В этот момент я поняла, что наши отношения перешли на новый уровень. Мы становились ближе, открывались друг другу и позволяли себе быть уязвимыми. Шрам на его губе, который раньше казался недостатком, теперь стал символом

нашей связи, напоминанием о том, что мы увлеклись друг другом. Он вновь прижал меня к себе так сильно, что я сразу почувствовала каждое движение его груди, живота и паха. Он тут же отстранился:

— Да! Надо остановиться! Я боюсь напугать тебя! — вдруг сказал Мэтью, пряча глаза.

— Чем, Мэтью? Шрамом на подбородке? — усмехнулась я.

— Есть ещё шрамы. Они изуродовали всё моё тело, и я продолжаю восстанавливаться, испытывая сильную боль. Мне предстоит ещё одна операция. Ладно, об этом позже. Пошли, не будем заставлять всех ждать. Твой поцелуй — лучшее моё лекарство, Мара! Мне сразу стало легче!

«Шрамы после аварии, о которых говорил Саша! Ну, возможно, хотя... и что? Нашёл, чем напугать!» — заулыбалась я.

Мы зашли с Мэтью в гостиную, где все уже сидели, ожидая нас. Я демонстративно держала папку с документами в руках, чтобы ни у кого не возникло подозрений по поводу нашего внезапного уединения. Ной по-прежнему держал на руках Митю, которого слегка потряхивал на коленке, а тот никак не хотел его отпускать. Это было удивительно для всех нас, но многие понимали ребёнка, особенно отец Саши и Борис, которые не могли нарадоваться присутствию Ноя рядом за общим столом, продолжая так же любоваться им. Я положила файлы с дарственной на резиденцию в центре Нью-

Йорка перед Сашей, чтобы он немного успокоился, если начнёт придирааться. Он действительно глянул на документ, щурясь, но в руки не брал. Его желваки буквально прорывали кожу от ревности, злости и непонимания.

— Митенька, дай ручку и сядешь со мной! — позвала я мальчика. Он охотно прыгнул с рук Ноя и прижался ко мне. Я обняла его, пригладила волосики и поцеловала в щёчку. Мэтью сел рядом с нами, но Митя сразу убежал опять к Нюю, испугавшись Мэтью. Все улыбались, наблюдая за необычными реакциями Мити, и молчали, поглядывая на Мэтью, которому было и стыдно, и неуютно со всеми нами.

Ной сразу почувствовал себя «отцом года» и снова посадил Митю к себе. Я подсела к Мэтью ближе и сжала под столом его руку, поддерживая его хотя бы дружески. Это заметил Саша и ехидно поглядывал на меня и Ноя. Саша всегда примерял на себя все пикантные ситуации, потому что сам был отъявленным соблазнителем и ловеласом, не упуская каждый раз возможность пошалить с женщинами под столом. Разговор за столом никак не клеился. Все пребывали в замешательстве от череды неприятных событий последних дней и не знали, как реагировать и что говорить. В гостиной стояло абсолютное напряжение, и лишь глаза присутствующих бегали из стороны в сторону в поисках ответа на свои вопросы. Начал, как всегда, отец:

— Ну что ж..., — откашлялся он, — думаю, стоит поднять тост! За... новые начинания? Всё к лучшему в этом луч-

шем из миров! И за то, чтобы все эти невероятные события привели нас к чему-то хорошему.

Все выпили красного вина и продолжали тянуть паузу.

— Па, новые начинания? Звучит интригующе, — с иронией в голосе ответил ему Саша, продолжая поглядывать на наши с Мэтью руки. Вино сразу сделало его смелым и дерзким, — особенно судя по подстольным играм. Поделитесь секретом внезапной симпатии, или это строго между вами? — спросил Саша, уставившись на меня. Я почувствовала, как рука Мэтью тут же дёрнулась от его слов, и он испуганно посмотрел на Ноя с Митей, опустив голову.

— Просто закрой рот! — тихо рявкнула я ему, но с заметным напряжением, посмотрев на него. — Сейчас не время для этого, Саша! И вообще, ничего такого, как тебе кажется, не происходит. Мы просто рады видеть друг друга, и всё!

— Рады видеть друг друга? Это звучит как дипломатичный ответ. Просто дружба — это, конечно, прекрасно, но я вижу, что у кого-то искры летят, — не унимался ревнивый Саша, поглядывая на Ноя.

— Саня, довольно! Ты же видишь, что всем сейчас не до ревности и выяснения отношений. Здесь дети, да и обстановка не самая подходящая. Оставь Марину и Мэтью в покое! — спокойно, но твёрдо вмешался Ной, поглядывая на всех с беспокойством, и продолжал поить соком Митю из кружки. Ной, чувствуя себя настоящим отцом всех детей, враз стал серьёзным и сдержанным на эмоции. Кирочка сидела на ру-

ках у мамы и ложечкой стучала по столу, а отец держал Сашеньку, показывая ему фантик от конфеты. Родители молчали. Борис тоже помалкивал, поглядывая влюблёнными глазами то на маму Аллу, то на Ноя с Митей.

— Защищаешь её, Ной? Между прочим, я просто интересуюсь. Вдруг здесь скоро намечается свадьба, а меня не пригласят! — с вызовом ответил Саша, глядя на Мэтью. Атмосфера ещё больше стала напряжённой и грозила обернуться новым скандалом.

— Пошёл вон! Выйди из-за стола, я сказала! — крикнула я на него так, что мама с отцом вздрогнули, приоткрыв рот от моего натиска и вседозволенности по отношению к их сыну. — И не пугай детей своим фонарём под глазом! Возьми у Глаши тональник, закрась глаз! Хотя бы делом займёшься, а не отдыхом на яхте Ноя и на моей вилле, проводя время в роскоши. Иди почисти бассейн, из которого сутками не вылезает! ;Tal vez tu lengua sucia finalmente encuentre su lugar! ;Te veo al final, querido esposo! ;Me encargaré de TI después! ;Yo me divorciaré de TI, no tú de mí! ;Idiota! — со злостью ответила я ему, зная, что последние фразы мама не поймёт, но услышат те, кто знает испанский.

(исп. Может наконец твой пакостный язык найдёт своё место. Ты я вижу в конец охренел тут, ненаглядный муженёк! Я потом с тобой разберусь! Я сама с тобой разведусь, а не ты со мной! Придурок!)

Саша резко встал из-за стола, громко отодвинув кресло, и

выскочил из виллы, топая ногами. Ной был особенно счастлив, увидев, что я прогнала Сашу. Его глаза улыбались и торжествовали, потому что он тоже немного понимал испанский.

* * *

Через час мы с мамой уложили Киру и Сашеньку спать, а я отвела Митю в его спальню, показывая ему одежду и игрушки. Пока я распоряжалась на кухне по поводу ужина для Мити и его купания, он уснул в своей кроватке в сером костюмчике, обнимая кота. Я не стала его будить, вышла из комнаты и приоткрыла дверь спальни на тот случай, если Митя проснётся ночью и растеряется.

— Доченька, как же ты сейчас будешь? Это же такая ответственность! Дети, и у тебя их уже трое, совсем маленькие! — сокрушалась мама Алла.

— Мамочка, а как ты? Ты же не отдала меня в детдом! Ты забрала к себе. Я не хочу, чтобы Митю увезли службы к неизвестным людям. Мэтью очень просил, и он мне друг. Я обещала ему! Он будет помогать! — приобняла я маму Аллу, наблюдая вместе с ней в окно за мужчинами.

Ной пригласил Мэтью и Бориса на яхту, чтобы «поговорить и всё порешать», как он сам выразился. Отца и Сашу он исключил из этих обсуждений и, по сути, из своей семьи, не пустив их на борт. Я наблюдала из окна, как трое мужчин сидели за столиком, спокойно беседовали, поднимали бока-

лы, смеялись. Казалось, они даже плакали — плечи Бориса в какой-то момент заметно сотрясались, а Мэтью и Ной долго смотрели на палубу, опустив головы. Затем они ещё долго что-то обсуждали и принимали решения втроём.

Зная, что Саша с отцом скоро уезжают в Москву на неопределённый срок, Ной взял на себя всю ответственность и обязательства за всех нас: я была у него на шее с тремя детьми и мамой Аллой, заботу о вилле, бесконечные счета и налоги, мой офис, да ещё и его огромная империя. Мэтью и Борис уехали уже за полночь. Я же не сомкнула глаз всю ночь, думая обо всём этом и не зная, за что хвататься в первую очередь.

Вскоре должен был приехать Райан, брат Ноя, чтобы отметить его день рождения вместе с подругой и их общим сыном, как обмолвился Ной. Райан лучше всех нас знал о наших переменах и проблемах, ежедневно громко переговариваясь с Ноем по телефону на французском на всё побережье. Помощь брата была нужна Ною именно сейчас, когда он стал «отцом» большого семейства, а нам всем хотелось познакомиться с двадцатилетним внебрачным сыном Райана — Ричардом, которого больше всех ждал Борис, желая впервые увидеть своего внука.

ПРОВОДЫ: Кристиан

— Кристиан, ты должен постоянно быть со мной на связи! Ты понял? Я буду переживать! — давала я последние ин-

струкции Кристиану перед его поездкой в Европу. — Ты всё знаешь и всё умеешь! Я дала все адреса и доверенности. Тебя там встретит моя подруга и её муж! Он всегда поможет с документами! — говорила я ему за час до поездки, просматривая его сумку с вещами. — Не забудь про виллу. Там ремонт. Посмотри, как там, и мы с тобой поговорим по скайпу, понял?

— Я всё понял, Маринка Алексеевна! — шутил надо мной Кристиан, сидя в кресле и ожидая Рената, который должен был отвезти его на самолёт в Афины. Мы уединились с Кристианом в его комнате, закрыв дверь, чтобы ещё раз всё обговорить.

— Не смейся, Крис, ты же видишь, я волнуюсь за тебя! У тебя особая миссия, понимаешь? Осенью ты приедешь и займёшься моим фитнесом. Там нужна твоя рука! Иди ко мне, мой мальчик! — протянула я руки и села к нему на колени, обнимая за шею и целуя в глаза, скулы, губы и в квадратный подбородок, поглаживая волосы. Слёзы душили меня при расставании с Кристианом, и я ничего не могла с собой поделать, чтобы не показывать свои эмоции.

— Марина, Маринка! — поймал он мои губы, крепко обнимая. — Марина, я люблю тебя! — впервые признался Кристиан в своих чувствах.

— Крис, зачем ты мне сейчас это говоришь? — рыдала я, уткнувшись ему в грудь. — Как я теперь буду без тебя?

Сердце разрывалось на части, когда я подняла заплакан-

ное лицо к нему. Его глаза, обычно полные весёлой искрящейся энергии, сейчас были затуманены печалью. Я чувствовала, как дрожат его руки, когда он нежно коснулся моего лица. Мы жадно впились друг в друга губами. Этот поцелуй был полон всего, что мы пережили вместе: смеха, приключений, нежности, страсти и, конечно, нашей любви. Я знала, что это последний раз, когда я могу чувствовать его так близко, и это ощущение разрывало меня изнутри. Поцелуй был долгим, мучительным, словно время замедлилось, давая нам возможность насладиться последними минутами вместе. Когда мы наконец оторвались друг от друга, я просто смотрела в его глаза, пытаясь запомнить их навсегда.

— Марина, я сразу сообщу, когда приземлюсь! Я напишу! Ты ведь не всегда можешь ответить! Лучше сама мне звони! — вытирал он мне слёзы большим пальцем руки, приобнимая крепче к себе.

Мы подошли к машине, где нас уже ожидал Ренат в сопровождении двух телохранителей. На людях мы с Крисом держались сдержанно, понимая, что любое проявление чувств будет тут же подвергнуто осуждению. Ной наверняка наблюдал за нашим расставанием в подзорную трубу на яхте. Так же, как и Саша, который, казалось, всё время жил в машине, если Ной его не пускал на яхту. Я смотрела, как Кристиан садится в кроссовер, и слезы вновь навернулись на глаза. Он то и дело оборачивался, вглядываясь в окно, пока машина не скрылась из виду. А я осталась стоять, провожая взглядом

самого дорогого мне человека.

Мы с Артуром по максимуму подготовили Кристиана к поездке в Европу, снабдив инструкциями, валютой, документами, картами, моими доверенностями на право подписи и ключами. Артур должен быть с ним на связи постоянно. Я не могла поехать с ним в Европу, хотя очень хотела, потому что у меня оставались дети, Ной и Саша, которого надо будет через неделю также отправлять в поездку вместе с его отцом, а на мне оставался наш бизнес.

Кристиан сперва планировал навестить мать в Греции, а потом поехать с ней в Барселону по моим делам. Я связалась с подругой, которая управляла моими ресторанами в Барселоне, объяснив, что Кристиан теперь будет её боссом:

— ¿Estás loca? ¡Qué guapo! ¿Todos son así en los Estados Unidos? ¡Ni siquiera puedo hablar con él!

(исп. *Ты с ума сошла? Такой красавчик! Там в Штатах все такие? Я даже не смогу с ним разговаривать!*)

— Estás casada, mi estrella, ¿recuerdas? De hecho, es de Salónica, ¡a tu lado! Era mi guardaespaldas y ahora será gerente en Barcelona. Lo invitaron a una agencia de modelos, ¡pero no lo dejé en ese libertinaje! ¡Ayúdale al principio! ¡Él lo sabe todo y lo resolverá por sí mismo!)

(исп. *Ты замужем, звезда моя, ты не забыла? Вообще-то он из Салоник родом, рядом с тобой! Он был моим телохранителем, а сейчас будет управляющим в Барселоне. Его приглашали в модельное агентство, но я не отдала его в этот*

разврат! Помогите ему на первых порах! Он всё знает и сам разберётся!)

НОАН

Кристиана на самом деле разрывали предложениями модельные и рекламные агентства NCY, но он отказывался, и я тоже, ругаясь с агентами по телефону. Когда в третий раз за неделю мне позвонил представитель агентства, я была уже на грани нервного срыва.

— Марина Алексеевна! Вы поймите! Интересная сцена для рекламы мужских плавок. Есть модель в купальнике того же бренда, что и плавки, которые будут на Кристиане. Нам нужен эффект неожиданности! Представьте: пляж, закат, вода кристально чистая, слегка переливается в лучах заходящего солнца. На переднем плане, на песке, томно лежит модель в стильном купальнике. Музыка нагнетает атмосферу. И вот, он выходит из воды, как Посейдон. Капли стекают по его идеальному торсу. Кристиан замечает модель, подходит к ней с лукавой улыбкой. Потом он должен либо небрежно стряхнуть воду с длинных волос, обрызгав ее, либо галантно подать руку, чтобы помочь подняться, либо просто присесть рядом, начать непринужденный разговор, слегка нагнуться к ней и изобразить поцелуй. В финале оба должны многозначительно посмотреть на логотип бренда на плавках и купальнике, обменяться еще одной лукавой улыбкой и... всё. Ничего сложного! Это будет взрыв, Марина Алексеевна! Взрыв

продаж! — закончил свою тираду агент, а я почувствовала, как у меня начинает дергаться глаз.

— Вы нормальный? Вы там все извращенцы, что ли, собрались? Как вы вообще можете мне предлагать такую порнографию, ещё и в плавках? Фу, гадость какая! Он их никогда не носил! Он носит только свитера с горлом, брюки или комбинезоны. Какие плавки? Какая модель? Он не будет трогать никаких моделей в купальниках! Он вообще не трогает никаких женщин! Мне не нужны ваши грязные порнографические деньги, и Кристиану тоже. О боже, кошмар какой-то! *Imbéciles!* — кричала я в телефон, взбесившись от ревности.

Ничего не оставалось делать, как звать на выручку Ноя, который работал в кают-компании с грудой документов.

— Ной, они его там уничтожат, разорвут и развратят! Там клоака, понимаешь, вакханалия с девками в купальниках! А он совсем молоденький и ничего не понимает! Они испортят ему жизнь! Они предлагают ему сорвать с манекенщицы купальник у всех на глазах, а с него снимут трусы, когда он выйдет из воды! Это же откровенный разврат, Ной! Пусть он лучше едет в Грецию к родным! Ты должен поговорить с администратором агентства, чтобы они не донимали меня звонками. Они не дают мне житья своими уговорами! — плакалась я Ною на яхте, зная, что он лучше меня их поставит на место.

Ной откинулся на спинку кожаного кресла в кают-ком-

паний, и его взгляд стал сразу холодным и непроницаемым. Он несколько секунд молча смотрел на экран ноутбука, где мелькало имя представителя агентства. Затем, глубоко вздохнув, нажал на кнопку вызова. Ной упорно продолжал жить на яхте в ожидании, когда я наконец прощу ему его прошлую жизнь шестилетней давности, до меня. Он терпеливо ждал и надеялся, что я остыну и снова у нас будет любовь и общая постель.

— Слушаю, мистер Брэдли, — прозвучал слащавый голос из динамиков. — Вы принимаете наше предложение относительно Кристиана?

Ной даже не попытался скрыть раздражение в голосе.

— Мистер, или как там вас зовут, слушайте меня внимательно. Вы действительно думаете, что я трачу своё время на пустые разговоры? Вы достали звонками по поводу Кристиана. Я понимаю ваш интерес, но он не продаётся. И вот почему, — Ной сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха. — Во-первых, давайте будем откровенны. Вы предлагаете ему контракт, который, по вашим словам, «откроет ему двери в мир высокой моды или рекламы». Позвольте мне оценить вашу щедрость. Сколько вы готовы платить этому «зелёному» мальчику? Десять тысяч в месяц? Двадцать? Знаете, я заплачу ему больше просто за то, что он рядом и помогает мне с моей работой, — он немного смягчил тон. — Во-вторых, я понимаю, что модельный бизнес может выглядеть привлекательно: блеск, камеры, слава... Я знаю, что скрыва-

ется за этой красивой обёрткой. И я, как человек, которому небезразлична судьба Кристиана, не позволю ему с головой окунуться в эту индустрию. Он ещё молод и не готов к тем искушениям и давлениям, которые вы, несомненно, ему предложите, — Ной снова повысил голос. — В-третьих, Кристиан — не товар. И он решил не становиться вашей «моделью». Его не интересуют ваши «предложения» и «перспективы». И я сделаю всё возможное, чтобы защитить его от тех, кто хочет его использовать. Я надеюсь, что я достаточно ясно выразился. Если вы ещё раз побеспокоите мою жену звонками, я буду вынужден обратиться к своим юристам. Уверен, они смогут убедительно объяснить вам, что такое harassment. Всего хорошего! — закончил Ной ледяным тоном и устало потёр переносицу. — Ты довольна? Я заслужил ночь с тобой? — поймал он меня в объятия, усадив на колени и уткнувшись в грудь.

— Нет, Ной, я ещё помню твой разврат! Я разрываюсь от проблем и детей, но я могу тебя поцеловать или сделать массаж! — обняла я его за шею, надув губки.

— Я только поцелую твою грудь и буду опять медленно умирать, с подозрительной трубой в обнимку, моя любовь! Я долгоиграющий и жду! А массаж! Ну, как тебе сказать, я опять вспыхну и буду мучиться, вот и всё! — не унимался Ной, продолжая ждать и радоваться тому, что я отправляю Кристиана в Европу, поэтому был особенно счастлив не видеть рядом со мной ещё одного мужчину.

* * *

— Кто сейчас будет рядом с тобой? Вот этот вот Джеймс? Он кто? Тоже твоя «ручная рыба»? — с иронией интересовался Ной на следующий день по телефону, когда Кристиан накануне отъезда показывал Джеймсу виллу и её территорию, рассказывая о новой системе охраны.

— Нет, Ной. Он просто друг Кристиана. Он временно. Мы с ним прыгали на батуте в клубе, поэтому я его, скорее всего, возьму своим экономистом в офис. Он хороший, помогал мне, и он сообразительный! — объясняла я Ною, когда парни ходили вокруг виллы, а Ной следил за ними.

— Хороший аргумент, любимая! Я знал, что ты лучше меня разбираешься в людях, прыгая с ними на батуте, а потом они идут к тебе в офис управлять! — хохотал Ной в телефон, и я вместе с ним, понимая, что не могу ему всё объяснить, а тем более тот факт, что Джеймс помогал нам с Кристианом, когда меня искал Ной. Парни целый день разбирались с системой и ходили вокруг виллы, о чём-то эмоционально разговаривая. Я не вмешивалась, зная, что Кристиан лучше меня ему всё объяснит и покажет.

Джеймс приехал с утра пораньше и сразу приступил всё изучать. Это был крепкий парень, казалось, моложе Кристиана, хотя они были одного возраста. Друзья вместе отдыхали в клубе, качались в зале, и, кажется, учились, но Джеймс пошёл дальше, продолжая своё обучение уже на экономи-

ста. Планировалось, что Джеймс будет только охранником на вилле, а сопровождать меня будут охранники Ноя или Мэтью. С этим вопросом я встала просто в тупик, понимая, что вместо Кристиана я уже никого не смогу видеть рядом с собой в салоне «бэхи».

— Пусть Ренат теперь будет с тобой! — предложил Ной, решая вместе со мной «мировую» проблему по телефону.

— Нет, Ной, пусть едет за мной! Я не хочу ездить с ним в машине. Он мне не заменит Кристиана. У Рената злые глаза, хотя он неплохой, наверное. Не хочу с ним!

— Как скажешь, любимая, хотя он тоже в тебя влюблён, как все вокруг. Я видел, как он на тебя смотрит. Так что ты зря так решила! — смеялся Ной, ревнуя меня ко всем. — А Миклош? У него вроде нормальные глаза. Он давно у меня работает! — предложил Ной следующую кандидатуру.

— Ты что, он давно в меня влюблён, Ной! — засмеялась я.

— Почему я об этом не знаю? — продолжал хохотать Ной надо мной.

— Потому что ты мужчина и ничего не замечаешь! Я буду ездить одна, а они пусть едут за мной. Я не хочу, чтобы они ко мне приставали и рассматривали мои ноги!

— А Кристиан приставал?

— Нет, никогда! Он даже не смотрел на меня! Это я к нему приставала, Ной! Потому что у него весёлые глаза. Ты всё равно не поймёшь, понимаешь? — продолжала я смеяться над собой и реакциями Ноя.

— Весёлые глаза, говоришь? Знаешь, Мариночка, с твоим умением находить драгоценности в повседневности, удивительно, что ты еще не выставляешься в Лувре. У большинства людей просто глаза, а у твоего Кристиана — целый карнавал! Понимаю, влюбиться можно. Хорошо, ты хочешь ехать одна, и я это уважаю. Значит, поедешь одна, а Миклош и другие пусть держатся на расстоянии. Я прослежу, чтобы они не переходили границы. Но, Марина, прошу тебя, будь осторожна. Мир полон «весёлых глаз», но не все они честные. И если вдруг веселье в глазах Кристиана померкнет, ты всегда можешь обратиться к моим глазам. Обещаю, в них ты найдешь как минимум надежность и понимание, — усмехнулся он, но уже более сдержанно.

— Да, любимая, я слышал, Мэтью подарил тебе свою «однушку» в Upper East Side, а мои «трёшки» с канделябрами из хрусталя тебя совсем не интересуют в центре Нью-Йорка? Они все твои, пустуют и тоже ждут тебя! Или тебе нужна моя «писюлька» на бумаге? — поинтересовался Ной.

— Ной, не ревнуй! Мне не нужна твоя «писюлька», вернее, очень даже нужна! — захохотала я. — Я же тут с тобой, а не в квартирах Мэтью или твоих апартаментах. Мэтью предложил свою квартиру для Мити, там рядом школа. Мы ещё не знаем, как обучать мальчика, а ты опять придумываешь чёрт знает что, Ной! Не зли меня! Давай ты будешь тут жить на яхте, а я поеду в одну из твоих резиденций или в твой дорогой отель? — улыбалась я, поглядывая в окно на Ноя,

который сидел в кресле на палубе, разговаривая со мной по телефону.

— Ну нет, только через мой личный труп! Я столько перенёс, столько страдал и вот так вот всё бросить? Будем жить в лодке, как ты сказала в полиции! — Ной расхохотался, так громко, что эхо разнеслось по побережью. — И потом... моя яхта — это тебе не «Однажды в Америке», где «лучше плакать в лимузине, чем смеяться в автобусе». Мне с тобой и в лимузине, и в автобусе, и даже в резиновой лодке будет хорошо, душа моя!

— Я вообще не понимаю, зачем тебе одному столько недвижимости, которая пустует? Сдай в аренду!

— Это «бывшей» надо было много всего, как оказалось, для любовников, а теперь всё пустует и пылится! — в его голосе проскользнула горчинка. — Я был слеп! Я не знал, что есть ты! Ты, которой и нафиг это всё не нужно! Ты просто... как сказал один умный человек: «Настоящая женщина не гонится за деньгами, она гонится за мужчиной, у которого они есть!» Шутка, конечно! Ты невероятная, любовь моя! Просто невероятная! Я так тебя люблю и скучаю по твоим ласкам!

— Ной, если мы начали разговор про Мэтью и его «однушку», я сразу тебе скажу, что, как только я провожу Сашу, то поеду в офис и к Мэтью. Мы будем с ним что-то решать с Митей и его обучением. Ещё заедем в фитнес-центр. И потом уже вечером он хочет, чтобы я осуществила его мечту!

— Я уже боюсь даже представить! Что на этот раз? Моп amour! В какие «прекрасные мечтания» Мэтью ты снова ныряешь с головой? — в голосе зазвучало ироничное отчаяние и нетерпение услышать новость.

— Ной, я просто покатаюсь с ним на байке в свадебном платье, которое он мне подарил, и с фатой на голове. Я выйду из люка Хаммера, и мы поедem по центру города. Я буду махать всем руками, а потом ты меня заберёшь, вот и всё! Хорошо, мой котёнок? — смеялась я, понимая абсурдность просьбы и ситуации в целом.

— И это всё, о чем он мечтает? — голос Ноя дрогнул. — Почему мои слова сразу куда-то исчезли, любимая! Почему я сам до этого не додумался, балда?! Как всё просто! Никаких месяцев ожидания в этой надувной лодке! Платье, байк и Хаммер — вот он, ключ к твоему сердцу! Хорошо, любовь моя! Я готов на всё, лишь бы заслужить хоть одну ночь с тобой! Знаешь что? Я заберу тебя не просто так, а прилечу на голубом вертолете и бесплатно покажу кино! — захохотал он на всё побережье. — После его фотосессии ты будешь махать ручкой уже из моего вертолета, а фата будет развеиваться над мегаполисом, как апофеоз праздника мультимиллионеров! Я согласен: *veni, vidi, vici!* Пришел, увидел, победил! Лишь бы заслужить ночь с тобой! Уверяю, когда я прокачу тебя на вертолётe по ночному Нью-Йорку, ты забросишь свои игрушечные машинки и отберёшь у меня мой вертолёт! Тебе понравится! — продолжал хохотать Ной.

— Да, Ной! — заливалась я от смеха. — Я даже готова полететь с тобой на этом страшном вертолёте! Пора привыкать к винтокрылым машинам! А потом, Ной, мы опять с тобой попрыгаем на моей кровати и поиграем в догонялки! Хорошо? Я потом тебя опять помою в душе! Хочешь? — не могла я остановиться от смеха. — Я вообще не понимаю, Ной! Уже давно бы привёл к себе в офис девочку, пока я ничего не знаю и не вижу, и не мучился в ожидании, когда я прощу тебе твою прошлую измену!

— Мариночка! Он умер! Издох, если хочешь! — с придыханием ответил Ной. — Я не знаю, как ты это сделала, моя любовь, но он оживает, только когда видит только тебя! Как феникс из пепла! Мой мозг, кстати, тоже начинает жить, когда ты рядом. Ты меня заколдовала, вот и всё! Я твоя игрушка, я — Голлум, а ты — моё колечко, моя прелесть! Я готов быть кем угодно, лишь бы ты оставалась рядом. Ты моя муза, а я твой бедный Бетховен, оглохший от твоей красоты и обезумевший от любви! Да разве можно променять тебя на какую-то случайную «офисную барышню», когда у меня есть ты — модель для Да Винчи? Да я лучше буду ждать тебя вечность, чем размениваться на подобную мелочь! Ты простишь меня, я знаю, и мы снова будем вместе, как Ромео и Джульетта, только с более счастливым концом! И потом, ты меня прочтёшь и сразу узнаешь, что я тебе изменил, а я уже почти с тобой на финишной прямой. Моя новая измена сразу отбросит меня на веки ожидания. Я же тебя уже выучил

наизусть, и я боюсь надеть глупостей! Ты меня просто сделала, вот и всё!

ПРОВОДЫ: Саша

С Сашей было всё намного сложнее. Всю неделю мы собирали отца в Москву, а Сашу в Китай и Индию. Они оба уезжали на два-три месяца, но мы их провожали так, как будто они уезжали навсегда и в никуда.

— Мамочка, что ты так переживаешь? Они же не насовсем уезжают! Вернутся, никуда не денутся! — успокаивала я её.

Саша провёл со мной двухчасовую лекцию по телефону о том, как мне быть с офисом и что там делать. Я слушала, закатив глаза, зная, что лучше его выслушать, чем не дослушать и перечить.

— Саша, я поняла! Ты улетишь, и я буду в офисе! Я позвоню, или лучше ты напиши, меня достал этот телефон, — пыталась я прервать его.

— Дослушай, я ещё не закончил! Разберись с арендодателем Лопесом! Странно, что у него метры дешевле, чем на этаже ниже! Проверь, кто он! — продолжал рассказывать Саша о делах с бизнесом.

— Хорошо, Саша! Мы с Артуром всё узнаем! — успокаивала я его, зная, что некий «Лопес» — вымышленное лицо, а Ной — хозяин помещения, в котором был наш офис, но он этого до сих пор не знал. Я знала, что Артур со всем

справится даже лучше Саши, а Ной проверит сто раз и даст «втык», если ему что-то не понравится. Артур был «моим» человеком в офисе, и я ему доверяла как себе.

— Иногда его энтузиазм переходит все границы, — отзывался Ной о Саше со мной по телефону. — Слишком много испанца! Это как слишком много икры. Вроде и вкусно, но к концу дня тошнит. Уверен, ему полезно развеяться, поменять обстановку, увидеть мир. А мне... мне полезно от него отдохнуть. Пусть пробует покорить Россию флешками! Всё равно в итоге мне придётся его вытаскивать и устраивать ему жизнь в Москве!

— Нет, Ной! Он решил туда переехать вместе со мной, но я останусь с тобой, потому что я в тебя влюблена, понимаешь? — успокаивала я Ноя по телефону.

На другом конце провода повисла короткая пауза, словно Ной пытался переварить услышанное. Затем его голос, обычно уверенный и ироничный, стал немного мягче и теплее.

— Влюблена, значит? — тихо повторил он, и в его голосе чувствовалось удивление. — Марина, ты знаешь, как нужно выбирать правильные слова, чтобы обезоружить меня! — затем он немного помолчал, и в его голосе снова появились нотки иронии, но она была доброй, почти нежной. Я улыбалась, представляя его лицо.

— Знаешь, я всегда подозревал, что у тебя есть какой-то тайный план. Сначала ты очаровываешь меня «веселыми глазами» Кристиана, а потом признаёшься во всепоглощаю-

щей любви ко мне. У тебя определенно талант к неожиданным поворотам, — он вздохнул и продолжил, уже серьезнее. — Любовь моя, я ценю твои чувства, очень ценю, но ты уверена, что это правильное решение? Ты ведь знаешь, я не самый простой человек, и отношения со мной могут быть... особенными, — он немного помолчал, а я едва сдерживала смех, — но, если ты действительно этого хочешь... Если ты готова остаться и рискнуть всем этим... Что ж, кто я такой, чтобы противиться судьбе? Добро пожаловать в мой мир, Марина. Будет интересно! И, кстати, я надеюсь, ты не против, если я тоже в тебя немного влюблен? Просто немного, чтобы не разрушить всю твою сложную иерархию обожателей!

Отец Саши собирался «восстановить из руин» московскую квартиру и дом за МКАД, которые долгое время сдавались в аренду и нуждались в ремонте. Семья Диаровых окончательно решила переехать в Россию, считая, что внукам необходимы российский менталитет и образование. Так считала и я, так как у нас у всех были русские корни, в том числе у братьев Брэдли — Ноя и Райана.

— Когда он рядом, такое чувство, что за мной следят двадцать четыре на семь. Как будто я до сих пор подросток, который прогуливает школу и курит за гаражами. Свободы будет немного больше! — с иронией в голосе говорил Ной о своем отце.

— Ной, он не следит за тобой! Он любит тебя, потому

что ты его сын. Ты не поймёшь, пока не родишь своего. Ты тоже будешь любоваться своим сыном или дочерью в старости. Он тебя просто любит, а ты злишься!

— Марина, любовь моя, ты слишком идеализируешь этот мир. Он не любит, он инспектирует. Как будто я его самый дорогой, но все еще не до конца отмытый, автомобиль. Он проверяет, не появились ли царапины, и не пора ли снова в покраску, — Ной вздохнул. — Возможно, ты права. Возможно, в его взгляде есть часть отеческой любви, но я не уверен, что понимаю её. Его любовь всегда была похожа на строгий надзор, на постоянную проверку. И я понимаю, почему. У него своя травма, свое видение мира. Но это не значит, что мне от этого легче! Мне непонятны его глаза — они постоянно осуждают, заставляют играть в шахматы и выигрывать у него. Странно! — притих Ной, размышляя дальше. — И нет, я не думаю, что буду умиляться своим детям в старости. Скорее, я буду волноваться, не совершают ли они тех же ошибок, что и я. Возможно, я буду слишком внимателен к их выбору, слишком настойчив в своих советах. Но я постараюсь не быть таким, как мой отец. Я постараюсь дать им свободу выбирать свой путь, даже если он будет отличаться от моего. Я понимаю, что любовь не должна быть клеткой, даже самой золотой, — он немного помолчал и добавил тихо, — тем не менее, я рад, что семья Диаровых переезжает в Россию. Может быть, там они найдут то, что ищут. И может быть, это поможет им понять меня немного лучше. Расстоя-

ние иногда творит чудеса, знаешь ли!

Всё было приготовлено к отъезду мужчин. Их должны были утром увезти в аэропорт, и проводить люди Ноя, как вдруг поздно вечером раздался звонок от Саши. И я опять попала на крючок «русского испанца», забыв о его пристрастии к хитрым уловкам.

— Марина, я паспорт потерял! Он не у тебя? Ты не видела?

— Нет, конечно! Что ему делать у меня? Как ты мог его вообще потерять, если вы утром летите? Ты с ума сошёл, что ли?

— Да, там электронные билеты в паспорте, копии, карты. Там всё! Я аккуратно всё так сложил и не помню, куда положил свой паспорт. Проверь у себя!

— Саша, сейчас ночь! Я должна всю виллу теперь переворачивать? Ты у Ноя смотрел? Ты же с ним всегда. Смотри в машине! Может, в офисе оставил?

— Да я всё обыскал, как служебная овчарка! Ной меня не пускает на яхту. Говорит, нет у него ничего. Впусти меня, я сам поищу на вилле! Может, в детской на столике?

— О боже, Саша! Иди уже ищи! Ты меня просто удивляешь!

Через пять минут я услышала голос Джеймса и грохот, так как Саша искал паспорт. Ещё через пять минут он стоял уже в моей спальне, осматривая всё вокруг.

— В сумках искал, в вещах? — спросила я у него, расчё-

сывая волосы перед зеркалом.

— Сейчас ещё проверю в твоей библиотеке и на кухне! — отправился он шастать по комнатам.

— Что твоему паспорту делать на моей кухне или в бытовом лифте, Саша?

— Мариш, милая, я в шоке! — смотрел он на меня испуганными глазами, стоя за моей спиной. — Куда я мог его сунуть, не представляю? Что же делать-то? Где он?

— Саша, я не знаю где! Ты ещё только в моих трусах его не искал! — улыбнулась я своей шутке.

— О боже! Точно! — заулыбался он широкой улыбкой, а я вдруг сразу поняла, что это его любимый приёмчик. — Дай я поищу, вдруг он там!

— Саша, ты полный придурок! Ты это всё придумал? — повернулась я к нему, хлопая его расчёской по груди. Он обнял меня, прижав к себе так, что я чуть не задохнулась от неожиданности. Его тепло обволакивало меня, и я на мгновение забыла о грусти, связанной с его отъездом.

— Придурок, да! Но я люблю тебя, и очень сильно! — прошептал он мне на ухо, его дыхание щекотало мою шею. Я отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза. В них плескалась нежность и озорство. — Да ладно тебе! — Саша изобразил на лице страдание. — Милая, я буду так скучать! Как же я буду жить без твоих остроумных выходок? Ты будешь сниться мне каждую ночь. Я буду думать о тебе, когда увижу снег и буду лепить снеговиков в Москве. Обещаешь, что

будешь ждать?

— Саша, какой снег? Ты ненормальный! Тебе надо лечить голову, понимаешь? Ты осенью вернёшься, я же знаю! Снеговики и в Штатах прекрасно лепятся, если ты не заметил. У тебя здесь дети, мама и я! Вернёшься как миленький! — обняла я его за шею. Его глаза были полны искренности, и я не смогла сдержать свои чувства. — Обещаю ждать! Но и ты не забывай писать, звонить и рассказывать про то, как ты покоряешь Россию флешками!

Он притянул меня к себе и поцеловал. В этом долгом поцелуе было прощание, обещание вернуться и вся та любовь, которую мы всегда испытывали друг к другу.

— Я привезу тебе самую красивую матрёшку, какую только смогу найти, — пообещал Саша и его глаза блеснули. — И каждый раз, когда ты будешь на неё смотреть, будешь вспоминать этого полного придурка, который тебя очень сильно любит.

— Лучше турбинарию, Саша, из Индии! — и мы снова впились друг в друга поцелуем.

Его руки скользнули по моей спине, прижимая ещё ближе, и я почувствовала, как жар его тела проникает сквозь шёлковый халатик. В глазах его горел огонь, отражая мои собственные желания. Он сильнее наклонился, и на этот раз поцелуй был глубже, требовательнее, словно пытаюсь выжечь из меня все сомнения и страхи. Мои пальцы зарылись в его волосы, отвечая на его страсть с той же силой. Его губы на-

шли дорогу к моей шее, оставляя влажные, горячие следы, от которых по телу пробегали мурашки. Я тихо застонала, когда его руки начали исследовать мои изгибы, пробуждая во мне волну наслаждения. В этот момент не было ничего, кроме нас двоих. Каждый поцелуй, каждое движение казались прощальными, наполненными невысказанной болью и нежностью, которая была слишком сильна, чтобы ее игнорировать. Мы знали, что это не конец, но в эту ночь мы решили забыть об этом, отдавшись друг другу с такой страстью, словно пытались сохранить частичку этого момента навсегда.

Я знала, что буду скучать по его шуткам, по его ласковому теплу, по близости его тела и по безграничной любви, которую он дарил, несмотря на наши разногласия. Отъезд Саши оставлял в моей душе непонятную пустоту, которую, казалось, ничто не сможет заполнить. Но я верила: это лишь временное испытание, и наша любовь окажется сильнее любых расстояний. Правда была ещё и в том, что я продолжала любить его, этого несносного русского испанца, несмотря ни на что. А как его можно было не любить?!

Утро встретило меня одиночеством. Саша и его отец уже уехали, едва забрезжил рассвет, и Ной всё-таки поехал их провожать, несмотря на свои противоречия.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

— Джеймс, ты почему не звонишь и ничего не спрашиваешь? — спросила я, заглядывая в его комнату на первом этаже. — У тебя всё хорошо? Как ты тут устроился? Тебя кормят? И мне нужны твои реквизиты, скинь мне их!

— Марина, Кристиан сказал молчать со всеми и не мешаться под ногами, разговаривать только с тобой, когда ты меня позовёшь! — растерянно смотрел на меня Джеймс. — В целом я устроился, осмотрелся. Кристиан всегда со мной онлайн, и Артур тоже подсказывает. Нас познакомили. Марин, я сам ещё не разобрался, но у тебя много родственников: трое маленьких детей, бабушки, мужчины в чёрных костюмах. А где твой муж, чтобы я понимал? С кем ты сейчас и кого пускать? Они все на меня смотрят, пытаются завести диалог, а я молчу, не знаю, что отвечать. С одним столкнулся около виллы, и он сказал мне в лицо: «Очередной баран подтянулся!». Другой, тот, что на яхту прилетает, даже позвонил с неизвестного номера: «Я наблюдаю за тобой! Только дёрнись, и я тебя сразу закопаю! Сюда смотри! Обернись — видишь меня?» — и помахал кулаком с яхты. Третий у бассейна, в возрасте, спросил, знаю ли я испанский или хотя бы французский, играю ли я в шахматы и есть ли у меня КМС по спорту? Марин, я ничего не понимаю, что им всем отвечать?!

— Джеймс, не обращай ни на кого внимания, слушай только мои распоряжения. Понял? Расспроси у Кристиана, кто есть кто. Я их сама всех путаю! — засмеялась я. —

Джеймс, у них просто такие плоские шутки, но они все добрые! Да, Кристиан прав, ты сейчас только мой и слушаться должен исключительно меня, а не мужчин в чёрных костюмах. Понял? Звони мне, я скажу, кого можно пустить на виллу, а кого нельзя, хорошо? — предупредила я. Джеймс удивлённо вскинул брови и скромно улыбнулся.

После отъезда Саши я почему-то сразу растерялась, как будто потеряла какую-то основу и опору, и не могла собраться с мыслями. В моей голове творился настоящий хаос из идей, планов и новых решений, поэтому я не знала, за что хвататься в первую очередь, и бегала по всей вилле на следующий день после его отъезда, как одержимая. «Что, „папочка“ уехал и забегала? Так тебе и надо! Как же ты сейчас без своего Санечки справишься?» — смеялась и гримасничала я над собой.

Сперва в моих планах был офис и Артур. Я хотела с ним поговорить тет-а-тет, потому что ему накануне звонил Ной и хотел видеть у себя в офисе, поэтому Артур немного растерялся и перезвонил мне:

— Марина, звонил Ной и хочет, чтобы я приехал к нему всё обсудить! А что, собственно, я так и не понял, и он не сказал! Решил уточнить, как мне быть? Что-то мне не по себе, если честно. Вдруг он захочет перекупить меня у тебя или вообще выгонит? А мне бы этого совсем не хотелось...

— Артур, всё хорошо! Я ему говорила, что никому тебя не отдам! Просто, я ему сказала, что ты у меня будешь гене-

ральным, и всё. Он хочет обсудить с тобой перспективы. Подумай над этим, за что можно ещё схватиться, чем его удивить. Покажи ему, что ты не просто исполнитель, а настоящий стратег! Не волнуйся, я приеду завтра на планёрку, и мы поговорим с тобой наедине.

— Слушай, тут Джеймс мне накидал идей. Я даже не ожидал от него. Толковый парень, оказывается. Он предложил, помнишь, мы как-то обсуждали с тобой, что не мешало бы перевести всю нашу инфраструктуру на облачные решения? Это позволит нам, во-первых, сэкономить на серверах и их обслуживании, во-вторых, обеспечит гибкость и масштабируемость. Ещё, говорит, можно рассмотреть внедрение системы автоматизированного анализа данных на основе машинного обучения. Ты что об этом думаешь? Это позволит нам лучше понимать клиентов, оптимизировать процессы и выявлять новые возможности. Я бы хотел ещё акцентировать наше внимание на важности кибербезопасности. Сейчас это ой как нужно! Нам бы не мешало усилить защиту от DDoS-атак и внедрить систему мониторинга сетевой активности. Как ты считаешь? Короче, идей куча, и у Джеймса всё прямо в яблочко!

— Отлично! Вот и покажешь Ною, что ты не просто исполнитель, а видишь возможности для роста и развития моей компании! Ты же можешь ему сказать, что, например, переход на облачные сервисы сэкономит бюджет на пятьдесят процентов в год? Или внедрение аналитики данных позволит

увеличить продажи на все тридцать процентов? Говори конкретными цифрами, Артур! Он любит чёткие, конструктивные факты! Делай акцент на современные аспекты! Завали его цифрами и перспективами! Главное, не показывай, что ты сомневаешься. Он это не любит и сразу тебя вычислит. Он будет тебе красиво улыбаться, переключит твоё внимание на другую, совсем отдалённую тему, может забросать тебя тупыми вопросами, а сам будет всё анализировать и просчитывать, пока ты ищешь ответы и соображаешь, что ему ответить. Будь с ним осторожнее, он ещё та акула! Недаром его реально боятся. Главное — спокойствие, выдержка, уверенность и конкретика. Без работы я тебя не оставлю, не переживай. У тебя есть надёжный тыл в моём лице!

— Ок, я подумаю, что предложить Ною. Джеймс ещё говорил про оптимизацию IT-инфраструктуры под мобильные устройства. Ну, это, мол, сейчас must have. Хорошо! Жду тебя в офисе! Всё же я переживаю... Вдруг Ной что-то заподозрил? Может, ему кто-то слил информацию о наших планах?

— Не паникуй раньше времени, Артур. Ничего он не знает. Обсудим твой визит к Ною завтра. Ты лучше скажи, у тебя есть дети? Я про тебя совсем ничего не знаю!

— Да, две дочери — четырёх и восьми лет, а что?

— Артур, лето и я хочу устроить детский праздник на вилле. Привози своих девочек и жену. Мы поплывём на яхте к дельфинам, и потом будет небольшой пикник в беседках. Ты же знаешь, что у меня сейчас появился Митя. Пусть он по-

дружится с твоими девочками. Я уточню дату и сообщу тебе!

— Спасибо за приглашение, Марина! Конечно, приедем! Замечательная идея!

Наблюдая все дни за Митей, я пришла к выводу, что ребёнку нужна помощь специалиста. Внутри меня росла тревога с каждым днем. Мите всего пять лет, а его поведение меня настораживало: он немного был замкнут, почти не улыбался, избегал зрительного контакта, игрался только с котом Ноем и несмело наблюдал за моими детками.

— Мэтью, привет, это я! — позвонила я Мэтью с просьбой.

— Да, Мариночка! Я очень ждал твоего звонка! Сам не звонил, зная, что ты с детьми. Как вы? Я отправил вам продукты, одежду, предметы быта, постельное бельё, материалы для детской площадки. Всё доставили? — спросил он.

— Да, Мэтью, спасибо! Всё доставили, и уже собирают площадку. Я хотела поговорить с тобой о Мите. Он уже почти привык ко всем нам, играет с моими детьми в их игрушки, пока они не спят. Мы читаем с ним книжки, разукрашиваем, но он плачет по ночам. Я иду к нему и рядом сплю с ним. Он меня не отпускает. Мне приходится забирать его к себе. Наверное, надо поставить детскую кроватку у меня в спальне? Как ты думаешь? Ему неудобно у меня на диванчике в кинозале. Я вот не знаю, как быть? Он просто кричит каждую ночь и зовёт меня. Мы все пугаемся его реакции. Борис считает, что ему нужен логопед-дефектолог и детский

психолог.

— Марин, я растерян! Я даже не знаю и не понимаю ничего с детьми. Я позвоню Борису и расспрошу, но я очень тебе благодарен! Я знал, что ты единственная, кто нам поможет! — растерялся Мэтью, слушая меня.

Ранее я отправила Мэтью два видео с Митей. В первом видео я, с волосами, растрепавшимися от прыжков, держала Митю за ручки, и мы вместе прыгали на моей широкой кровати. Он смешно болтал ножками в воздухе, а я, стараясь не сбиться с ритма, выкрикивала: *«Раз, два, три, четыре, пять, негде зайчику скакать»*.

Всюду ходит волк, волк, он зубами — щелк, щелк!»

Комната наполнялась звонким Митиным смехом, и мое лицо тоже светилось от счастья. Я падала на мягкий матрас, и Митя, повторяя за мной с восторженным криком, падал на подушки. Мы смеялись.

Второе видео: сцена в гостиной на большом пушистом ковре. Вечером прилетел Ной и привёз Мите радиоуправляемую большую машину. Ной катал Митю по гостиной и игрался с ним, широко улыбаясь, изображал страшного и сильного волка. Он ползал за Митей на четвереньках, рычал и делал вид, что хватается его за ногу. Митя заливался смехом, пытаясь убежать от волка, и хватал его за галстук. Потом наваливался на Ноя сверху. Ной, подыгрывая, переворачивался на спину и «сдавался», поднимая руки вверх. Митя радостно хлопал в ладоши, гордо взирал на меня, снимавшую эту

сцену, бросался обнимать и целовать Ноя со словами: «Папа, поиграй со мной ещё!»

— Мэтью, во-первых, мне нужны твои фото в рамочках. Много! Они должны стоять повсюду в его комнате и в гостиной. Он должен привыкать, что ты его отец. Понимаешь, я с ним разговаривала, а он боится тебя и твоего шрама. Я ему объяснила, что ты просто упал и поранился, что это просто рубчик, и он заживёт! Во-вторых, мне не нравится, что он тебя никак не называет. Это ненормально! Я ему объясняю, что ты его папа, но он не понимает. Он уже не помнит тебя. Ему нужно визуально смотреть на тебя, понимаешь? У детей в его возрасте всё сейчас в виде игры. Он должен видеть, трогать и слышать. Сделай свои портреты, хорошо? Ты же посмотрел видео, как мы с Ноем с ним играем! Вот так ты должен играть с Митей, чтобы он тебя полюбил и считал своим отцом. Ты должен приезжать к нам чаще и играть с ним, проводить время, купаться в бассейне. Придумай сам! Научи его плавать или кататься на велосипеде, например! Скоро я устрою детский праздник! Ты обязательно должен быть с ним в этот день. Ты понял?

— Понял! Я всё сделаю! Велосипед? Как я не догадался? Хорошо, Мариночка! Я буду ждать тебя! Ты обещала, помнишь? Ты позвони, а потом при встрече мы всё обсудим! Скучаю. Мне не хватает твоего тепла! Постоянно думаю о тебе, Марина...

Митя оказался смышлёным мальчиком. Приглядевшись к

нему, я заметила знакомые черты Мэтью: суровость во взгляде, форма надбровных дуг, носа и ушей, но больше всего он, конечно, напоминал свою мать, взяв от неё мягкие черты лица. Но что можно разглядеть у ребёнка пяти лет, если только строить свои предположения?

Говорят, мальчики чаще похожи на матерей, но это правило не коснулось моих детей. Кира была такой же миниатюрной куколкой как и я, а Сашенька — абсолютная копия «русского испанца». Кирочка была более активной, подвижной и развитой, как и большинство девочек, которые опережают мальчиков в развитии. Сашенька же, напротив, был немного ленивее сестры. Он много спал и много ел, соответственно, больше весил и был намного выше Киры, почти на полголовы. Пока Кирочка совершенно уверенно ползала и даже сама без поддержки вставала на ножки, Сашенька лишь с трудом ползал за ней, не успевал, отчего громко плакал, протягивая за ней ручки. Тогда Кира, недолго думая, могла «огреть» его погремущей по голове, отчего он плакал ещё сильнее. Все умилялись, наблюдая за их забавными перепалками, и жалели малыша. Казалось, Кира доминировала над Сашенькой: он за ней наблюдал и повторял. Все игрушки, с которыми играла Кира, тут же хватал он и разбрасывал всюду, хватаясь за другими, которыми игралась Кира. Он не мог быть без сестры и без меня, чётко отслеживая наше присутствие. Кира уже вовсю лепетала слоги «ба-ба», «дя-дя», «ма-ма», а Сашенька лишь мычал и слушал Киру.

С появлением Мити дети оживились ещё больше, знакомясь с ним. Сашенька тихо наблюдал со стороны, а Кира, не стесняясь, подползала к Мите, сама вставала на ножки и начинала исследовать его волосы, носик и тыкать пальчиком в глаза. Митя терпеливо сносил её любопытство, понимая, что они ещё малыши, а он старше всех.

— Вся в тебя! — смеялся Саша, ещё до отъезда, присоединяясь к общему веселью. — Ты тоже подходишь ко всем мужчинам, сразу их трогаешь и дубасишь погремушками!

— Конечно! — улыбнулась я, радуясь своим детям. — Я даже рада, что она вся в меня! И я её потом всему научу, как с вами обходиться без погремушек, дубася вас не только по головам!

Вечером позвонил Иво. Звонок был неожиданным, потому что он всё время писал, не получая от меня ответов. Я сильно уставала все эти дни, буквально засыпая на ходу, поэтому не отвечала ему.

— Марина, это я! Ты меня ещё помнишь? — грустным голосом спросил Иво.

— Иво, помню, конечно! Завтра я поеду в офис, перезвоню тебе, и мы посидим у тебя в кафе. Хорошо? Я всё расскажу, а сейчас я просто упала спать от усталости. Извини!

— Да, конечно, я понимаю! Я буду ждать завтра! — отключился Иво, и тут же пришло сообщение от офицера Филиппа. Я очень удивилась, но мне совсем не хотелось отвечать в столь позднее время, поэтому я не ответила ему. Со-

общение было коротким и неуверенным:

«Марина, надеюсь на встречу!»

ВСТРЕЧИ

Я ворвалась в офис, как фурия, тут же собрав вокруг себя весь свой мужской коллектив. Рядом со мной, как тени, маячили Ренат и Миклош — мои новые телохранители. Теперь они неотступно следовали за мной, докладывая боссу о каждом моём шаге. Ной, охваченный страхом потерять меня или упустить из виду, на этот раз выбрал лучших из лучших. Эти двое были самыми опытными, уравновешенными и, без преувеличения, огромными: настоящие «шкафы» два на два. Их суровые, тяжёлые взгляды из-под нахмуренных бровей, мощные руки и квадратные подбородки внушали страх. В их внешности не было ничего привлекательного — скорее, что-то звериное и даже маниакальное.

Охранники Саши перешли к Ною, который отправил их на свои объекты. Мне всегда была непонятна эта страсть мальчиков-миллиардеров к своим многочисленным телохранителям. Они обращались с ними как с шахматными фигурами: перетасовывали, обменивались, коллекционировали, словно игрушечные машинки. При этом они трепетно заботились о внешнем виде своих подопечных, устраивая им «смотрины» в гараже и не забывая отчитывать. Для Ноя это было почти хобби: он любил ходить между рядами охранников, рассматривая их с руками в карманах брюк. Он знал

каждого по имени, в лицо и по семейному статусу. Охранники Ноя и Мэтью также постоянно менялись местами, создавая полный хаос. Я же не запоминали их всех, но меня знали абсолютно все. Ренат и Миклош, хоть и добросовестно меня охраняли, не могли смотреть мне в глаза вообще. Они терялись, краснели и замолкали, что лишь подстегивало мое желание поиздеваться ещё больше над ними в отсутствии Кристиана. «Решили занять место Криса, посмотреть, как у него было сладко со мной? Ха! А сможете ли?» — смеялась я про себя, строя им глазки.

После планёрки приехал взмыленный Артур. Он держал под мышкой кипу папок с файлами, два телефона в руках, боясь всё уронить. Он весь дрожал от волнения и не мог прийти в себя после разговора с Ноем. Я уже знала, о чём они говорили от Ноя, который мне сразу позвонил после встречи.

— Марина! Я на него смотрел, слушал, как заморожённый! Он выдавал одну идею за другой, как будто у него в голове прямо сейчас рождаются эти тренды! Он же как энциклопедия технологий! Выдал мне про интернет будущего, metaverse, про взаимодействие с цифровыми объектами через аватары, про контроль над своими данными, активами и онлайн-идентичностью. Жаль, я его не записал. Интересный малый, интересный! И знаешь, что самое главное? Он не просто перечислял, он горел этим! У него в глазах огонь, когда он про это говорит! Где ты его нашла? Потрясающе! Он просто находка! Он же видит картину будущего, и не про-

сто видит, он может ее нарисовать, разложить по полочкам, объяснить и продать! Марина, это гений! А его хватка... это что-то невероятное. Он уверен, убедителен, точен с цифрами! Потом покажу его Райану! Делаю его своим IT-управляющим, тут без вариантов!

— Ной, я тебе оторву голову, если ты его заберёшь у меня! Он — моё детище! Я его вскормила! Не вздумай! Райану я его тоже не отдам! И не мечтайте! Он ещё и художник! Ты знал об этом? Знаешь, как он рисует! Поговори с ним об этом. У него наверняка есть свои картины.

— Ничего себе! Я понял! Надо расспросить потом! Молодым дарованиям я всегда помогаю! Я не отбираю его, а наоборот, помогаю и раскручиваю тебя, пока нет испанца и пока мне никто не перечит, как он это любил делать, моя любовь! Испанец всё стопорил всегда из-за своей лени и бухла, а сейчас у тебя пошло хоть какое-то движение в твоих делах. Ты представляешь, сколько я сейчас вложу, какие инвестиции готов сделать в тебя, Мариночка? А если Райан ещё подключится?! Несомненно, ты взлетишь! Это будет прорыв! К тебе не только китайцы потянутся, любовь моя! Куда ты сейчас? К Мэтью? Я заберу тебя вечером, как договорились. Целую, меня Япония ждёт!

Артур, тяжело дыша от переполнявших его эмоций, залпом выпил стакан воды и рухнул в своё кресло, спуская галстук и скидывая пиджак.

— Артур, ты теперь не только мой генеральный, ты

управляющий филиала инвестора миллиардера Ноя Брэдли, управляющий его инвестициями, понимаешь? — вполголо-са успокаивала я его, сидя с ним в кабинете один на один. — Это очень круто! Я поздравляю тебя! Ты добился высоких пределов. Работы у тебя теперь прибавится очень много, соответственно, и твоя зарплата в разы будет больше, — поздравила я растерянного Артура.

— Марина! Я...я офигел! Я не думал, что так проскочу высоко! — хлопал глазами взволнованный Артур. — Я его забросал трендами, цифрами! Говорил про метавселенные и Web3, про NFT как новую форму собственности, про блокчейн и децентрализованные финансы. Ной даже не улыбался — он на меня смотрел широко раскрытыми глазами, как на идиота! Я сперва повёлся, растерялся, а потом вспомнил твои наставления и давай его опять глушить! Мне показалось, он просто не мог поверить, что это всё реально. Я ещё про умные дома заговорил, про интернет вещей, про AR и VR гарнитуры нового поколения, про квантовые компьютеры, которые любую задачу решат за секунду, и про новые гибкие дисплеи, и про биометрические сенсоры в каждом гаджете! Ной даже рот открыл, как будто пытался переварить весь этот поток информации. Он прям вайб словил, короче — жёстко загорелся! Ной, конечно, не Алекс! Не знаю, как у тебя с ним, но он монстр ещё тот! Коленки тряслись так нехило! Давно я так потом не обливался, как у него в офисе! Ты знаешь... если бы не тот апельсин, который я от балды

тогда нарисовал тебе! Я думал, что меня сразу вышвырнут... и всё... я! — едва говорил Артур, пряча эмоции. — Спасибо, спасибо тебе!

— Ладно тебе, Артур! Это ты молодец! — уходя, крепко пожала я ему руку и похлопала по плечу. — Обязательно приезжай с девочками на праздник! Да, кстати, Артур, а ты не хочешь смотаться в Испанию с семьёй на мою виллу? Отдохнёшь пару недель, заодно поможешь Кристиану разобраться в моих делах, и мне было бы спокойнее. Лето! Ты без выходных сколько! Давай, подумай! Там ещё ремонт, но ты разберёшься. Я оплачу билеты! Всё включено, Артур!

— Да ладно! Марин, вы меня на лопатки положили сегодня! — засмеялся Артур, до сих пор пребывая в шоке от лучшего дня в его жизни.

— Иво, я подъехала к кафе! Ты где? — не успела я получить ответ, как серебристый Aston Martin Иво, точно метеором ворвался на парковку.

Я едва узнала Иво: обычно сдержанный, серьёзный и элегантный, сейчас он был похож на вулкан, готовый взорваться! Он пулей выскочил из машины, бросив мимолетный взгляд на черный кроссовер, рядом с которым стояли Ренат и Миклош, внимательно следившие за ним. Обычно они его смущали, но сейчас, казалось, он их и не замечал.

Иво буквально летел ко мне, казалось, ноги едва каса-

лись земли. Ренат бросился к нему, сунув руку под пиджак, но я остановила его, показывая рукой. В глазах Иво плясали такие искры, что, казалось, осветили всю парковку. Его лицо было мокрым от пота, щеки горели румянцем, и он тяжело дышал, хватая ртом воздух. Вся его обычная лощеность пропала без следа, оставив только чистую, неподдельную страсть. Открыв дверь машины, он не удержался и рухнул на колени на серый асфальт, прижав мою ладонь к своим губам, и замер. Я почувствовала, как его губы влажно скользнули по коже, и маленькая дрожь пробежала по всему его телу. Он держал мою руку крепко, словно боялся, что я опять исчезну. В его глазах было столько нежности, обожания и неподдельного эмоционального голода, что у меня перехватило дыхание. Казалось, он не мог надышаться моментом нашей встречи.

— Иво, ну что ты, о боже! Ты так соскучился? Вставай, Иво! — засмеялась я. Иво помог мне выйти из салона и замер, разглядывая меня восхищённым взглядом.

Сегодня я была Одеттой, а не Мариной. Винтажные туфельки с металлическими шпильками-гвоздиками двенадцать сантиметров высотой были на мне не просто обувью, а оружием: тонкие, высокие, с металлическим носиком, они добавили мне роста и сделали дерзкой. Синий сарафан: легкий, воздушный, невесомый на теле. Длинный подол мягко струился при ходьбе, два высоких разреза по бедрам, открытая спина с тонкими перекрестными бретельками — насто-

ящий вызов всем мужчинам — это было приглашение прикоснуться ко мне, чтобы поверить в реальность. Высокий хвост, который я давно не делала, придавал образу легкость и игривость. Он открывал лицо, подчеркивая скулы и делая взгляд более открытым. Зная, что сегодня мне придется прокатиться на байке или в Хаммере, и даже в вертолете, я продумала все до мелочей. «Бэха» была доверху завалена моей сменной одеждой, обувью и свадебным платьем Мэтью. Я основательно подготовилась к новым приключениям.

Иво дрожащей рукой обнял меня за открытые плечи, и мы, переговариваясь и смеясь, направились в кафе. Он настоял, чтобы мы сели точно так же, как в тот злополучный день, когда нас настиг Мэтью. Вспоминая все события, мы не могли удержаться от смеха, совершенно не подозревая, что эта встреча станет кульминацией нашей непростой дружбы.

Мы уселись на высокие барные стулья, и Иво, не теряя ни секунды, нагнулся ко мне, осыпая поцелуями мои руки, плечи и шею. Казалось, он разорвал бы меня тут же, если бы не посетители и бармен за стойкой, который тихо улыбался, опустив голову. Его губы были горячими и влажными, он судорожно, закрыв глаза, искал мои губы...

— Иво! Иди сюда! Здесь Лили! — резкий, раздраженный голос прорвался сквозь тишину зала, точно хлыст, ударив по ушам. Иво будто окатили ледяной водой. Он резко обернулся на оклик. На его лице в одно мгновение отразилась целая гамма чувств: испуг, растерянность, смущение. Кожа на ску-

лах враз стала зеленоватой. Напряжение и злость выдавали желваки, нервно игравшие на его щеках. Он метнул на меня отчаянный, полный мольбы взгляд. Вся его самоуверенность, вся та страсть, что мгновение назад переполняла его, словно испарились, оставив только беспомощность.

Видя, что Иво не собирается подходить, к нам направились две девушки. Одна из них, с хищным огоньком в глазах, буквально прожигала меня взглядом. Это была Ивон — сестра Иво. Рядом с ней стояла высокая девушка с короткой молодёжной стрижкой и с таким же неприязненным выражением лица.

— Привет! Почему ты не подходишь к нам? Иво, представь Марине свою невесту, Лили! — выпалила Ивон, буквально выплевывая каждое слово. В ее голосе звучала неприкрытая злость.

— Лили, это Марина, она жена испанца Алекса. Помнишь его? Мы к нему подходили на выставке у Ноя. Он нам ещё рассказывал о своих... о своих увлечениях с жёнами его деловых партнёров! Марина — бывшая любовница Ноя, я тебе рассказывала!

— Да, помню! Мне Алекс тоже очень понравился! Здравствуй, Марина! Вы его жена? Вы правда расстались с Ноем? Да, наверное, ему уже пора наконец жениться! — с натянутой улыбкой произнесла Лили, но в ее глазах сверкали молнии. — Ивон, он тебе больше всех подходит!

— Добрый день! — улыбнулась я подружкам и сразу об-

ратилась к Иво.

— Иво, я поехала по своим делам. Меня ждёт Мэтью. Я тебе говорила. Пока! — я постаралась сохранить спокойствие, но под пристальным взглядом Лили и ее подруги мне стало не по себе. Иво, опомнившись, рванулся было за мной, но Ивон вцепилась в рукав его пиджака, не пуская его. Иво резко дёрнулся и побежал за мной. Я обернулась, увидев его отчаяние в глазах, и ускорила шаги.

— О, нет, Иво! Не иди за мной! — крикнула я ему. — Давай без меня разбирайся со своими подружками! Пока! Лучше — прощай, Иво! — ответила я ему, поставив точку в наших отношениях и даря ироничный воздушный поцелуй. Гнев и разочарование бурлили внутри. Уже на улице я услышала бабский ядовитый смех.

— Иво, пусть идёт! Зачем тебе она, когда у тебя есть твоя Лили! Иво, зачем тебе чужая жена? — громко крикнула мне в след Ивон, смеясь с подружкой.

Садясь в «бэxu», я впервые слышала, каким в гневе был Иво. Он был настолько взбешён всей этой неожиданной ситуацией, что, казалось, готов всё вокруг разнести в щепки. Сквозь открытое окно я слышала поток яростной, отборной ругани, адресованной его сестре. Он кричал так, что, казалось, сорвёт голос. В сердцах он снял галстук, скомкал его в комок, с яростью выбросил на улицу и пнул урну так, что она отлетела в кустарник, как футбольный мяч. Он яростно жестикулировал, выкрикивал что-то в сторону подруг, кото-

рые в страхе быстро убежали от него.

СИТУАЦИЯ

Полуобернувшись к Ренату, я стала изучать его напряженный профиль. У него слегка подёргивалось нижнее веко.

— Ренат, ты давно работаешь у Ноя? — спросила я, пока он вёз нас в «однушку» Мэтью. Сама я в мегаполисе была как слепой котенок, поэтому Ренат сел за руль.

— А... я! Да! Давно! Хм... — пробормотал он в ответ. Ренат, этот невозмутимый шкаф, обычно разносящий охранников командирским рыком, сейчас поник под моим взглядом, щеки залились краской. Он боялся даже голову повернуть, а я разглядывала его, сравнивая с моим Кристианом, по которому сильно скучала.

— Ренат, ты женат? — выпалила я вдруг. Он, казалось, всем телом вжался в руль, лишь бы не смотреть на меня.

— Я был... да... я женат! — пролепетал он голосом ягнёнка, когда мы остановились на светофоре. Его руки слегка дрожали, на лбу появилась испарина, и он быстро заморгал глазами.

— О боже, Ренат! Я такая ужасная, что ты не можешь со мной поговорить, что ли? — расхохоталась я, откинувшись на сиденье, закинув ногу на ногу и играя с кулончиком на шее.

— Нет, наоборот, Марина... да! — выдавил он с трудом. Я открыла окно и продолжала смеяться над его смущением.

В этот момент рядом с нами остановился чёрный Ford F-150. Молодой мужчина за рулем, довольно симпатичный, впился в меня взглядом. Это был мужчина лет тридцати восьми, с короткой стрижкой — полубоксом. Аккуратная небольшая щетина подчеркивала волевой подбородок, а легкая ухмылка делала его еще более притягательным. Я кокетливо надула губки, в ответ он улыбнулся, бросив мимолетный взгляд на побледневшего Рената. Светофор горел зелёным мучительно долго. Мужчина быстро протянул мне в окно визитку. Я невольно отметила массивный золотой перстень на его пальце, с выгравированным гербом или монограммой, добавляющий образу загадочности и намекающий на определенный статус. На визитке было написано: *«Kirill Lara — Саунд-дизайнер. Создание уникальных звуковых ландшафтов и спец-эффектов* Тел: +1310...»

Обе машины сорвались с места, как по команде, и мы какое-то время шли вровень с машиной мужчины. Он, словно мальчишка, умудрялся одной рукой рулить, а другой корчить смешные рожицы, кривляться и показывать нелепые движения, отчего я не могла сдержать смех. Заметив, что я хохочу, он приподнял бровь и подмигнул, а потом достал откуда-то попкорн, подбросил в воздух и поймал ртом. Я помахала ему пальчиками на прощание, и Ренат со скрипом тормозов свернул налево. В этот момент я заметила, как Ренат с силой сжал руль, так что побелели костяшки пальцев. «Кажется, кто-то сильно нервничает!» — пронеслось у меня

в голове.

Мэтью уже поджидал нас, выбежав навстречу синей «бэ-хе», и быстро открыл мне дверь. Завидев меня в открытом, легком сарафане, идеально подобранном под цвет автомобиля, он расцвел искренней улыбкой. В его живой, настоящей радости не было ни капли фальши — это читалось в каждом движении, в блеске глаз и даже в голосе. Он устроил мне не просто встречу, а настоящий мини-праздник.

Его, вернее, теперь уже и мою, квартиру сложно было назвать «однушкой». Скорее, это были роскошные апартаменты, но декор оставлял желать лучшего — вот где чувствовалась рука истинного охотника. Стены украшали чучела диких животных: гордый олень с ветвистыми рогами, голова хищного волка, чучела из головы шакала и лани. Чучела птиц и белок были расставлены по всему периметру гостиной. И ко всему этому «великолепию» Мэтью привязал разноцветные воздушные шарики, наивно полагая, что это добавит романтики.

«Забавно! Он включил романтика, радуясь моему приезду, как ребёнок!» — отметила с улыбкой я.

Мэтью не мог на меня наглядеться. Отходил то в один угол комнаты, то в другой, оценивая меня взглядом с головы до ног. Казалось, он никак не мог поверить в то, что его Мара, та, которую он искал и добивался невероятными усилиями, сейчас рядом с ним. Он боялся даже прикоснуться ко мне. Я не выдержала и первая приобняла его, уткнувшись в грудь.

Он тут же обвинил меня руками, положил голову на мою и тихо застонал, прижимая к себе моё почти обнажённое тело в летнем сарафане.

Квартира мне понравилась. Она не была безликой и холодной, как многие современные апартаменты. В помещении чувствовался характер хозяина. Огромные окна с панорамным видом, дорогая мебель, камин в гостиной — все располагало к комфортной жизни. И пусть декор немного экстравагантный, это вполне можно исправить.

— Мэтью, я сделаю небольшую перестановку и, прости, но чучела животных придется убрать. Дети будут их бояться! — улыбнулась я, стараясь смягчить удар по его охотничьим чувствам.

— Конечно, Мариночка! Я уберу всё! Оставил на тот случай, если тебе понравится!

— Нет, Мэтью, извини, но мне это не нравится! — улыбнулась я, потягивая коктейль с ягодами.

После короткого отдыха, обсудив все важные вопросы, мы отправились в фитнес-клуб. Кастомизированный Hummer Мэтью внутри был настоящей крепостью на колесах. Внутри царила атмосфера роскоши и комфорта. Кожаные сиденья с подогревом, панорамная крыша, продвинутая мультимедийная система с огромным экраном — все говорило о высоком статусе владельца. Это был личный вип-зал на колесах. Между сиденьями располагался холодильник с напитками. Когда мы сели в машину, Мэтью притянул меня к себе. Он

светился от счастья. Я никогда не видела Мэтью таким. Я почувствовала его сильные руки на моей спине и вдохнула его терпкий аромат.

— Скучал безумно! Я считал минуты! — прошептал он мне на ухо. В какой-то момент наши губы встретились. И все это — под пристальным взглядом каменного лица нашего водителя, по совместительству — охранника Мэтью. Казалось, его специально вырезали из камня: ни единого движения, взгляда в зеркало заднего вида, настоящий непробиваемый профессионализм. Мы так долго целовались с Мэтью в салоне, что я не заметила, как остановился Hummer.

В фитнес-центре меня ждала «официальная» часть знакомства с его жизнью. Управляющий, подтянутый мужчина с короткой стрижкой, приветливо улыбнулся, подал мне руку и окинул оценивающим взглядом. Инструкторы-мужчины, конечно, не могли скрыть восхищения. Кто-то пытался делать вид, что рассматривает мои спортивные данные, а не фигуру, кто-то просто откровенно любовался. Один инструктор, совсем молодой парнишка, не мог оторвать глаз от моих металлических шпилек, видимо, не понимая, как я на них передвигаюсь и ещё не разбилась. Мне стало смешно.

Но особенно меня поразили девушки-инструкторы. Они были явно удивлены. Их взгляды были более пристальными, изучающими. Я видела смесь восхищения и некоторой зависти. Они оценивали мой наряд, мою фигуру, мою уверенность, будто решали — соперница я им или «своя». Од-

на из них, высокая блондинка с невероятно развитой мускулатурой, даже слегка прищурилась, будто пытаясь разгадать какой-то секрет. Мэтью, с гордостью и трепетом наблюдал за этими «смотринами», словно представляя меня высшему обществу. По его взгляду было понятно, что он подготовил коллектив к моему приезду. В его глазах читалось: «Только попробуйте что-то вякнуть против или не улыбнуться!»

— Марина Алексеевна Брэдли, ваш новый босс! Всем понятно? Вопросы есть? Всё! Работаем! — кинул Мэтью персоналу центра, громко хлопнув в ладоши.

Мне показали практически весь центр. Он оказался внушительным: два этажа с разнообразным оборудованием, просторными залами, грамотно зонированным пространством от кардиозоны до силовых тренажеров, от свободных весов до функциональных комплексов — казалось, было всё. Мой фитнес-центр в Барселоне был в два раза меньше этого, поэтому я ходила и сравнивала. Посетителей было много, учитывая, что время было обеденное, и даже не вечернее. Почти все тренажеры были заняты, наблюдался дефицит свободных мест и скопление людей на снарядах. На стойке регистрации скопилась небольшая очередь на оформление: две девушки, казалось, не справлялись, одновременно улыбаясь посетителям и отвечая на телефонные звонки.

После формального знакомства с коллективом фитнес-клуба мы присели за столик в небольшом баре, который был частью заведения. Под бокал легкого итальянского вина

я окончательно расслабилась и почувствовала себя «своей». Тогда же Мэтью вручил мне огромную коробку, перевязанную атласной лентой.

— Это эклеры и моти! Ты же любишь! Ну что, покатаемся? — смущенно предложил он, целуя обе мои руки и заглядывая в глаза.

Я невольно улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается по телу не только от вина, но и от его искренней заботы. В этом жесте было столько мальчишеского азарта и одновременно глубокой нежности, что все мои сомнения, терзавшие меня последние дни, окончательно испарились.

— Ты неисправим, — рассмеялась я, осторожно отодвигая коробку в сторону, чтобы освободить место для наших переплетенных пальцев. — Мы только что вышли из зала, где все вокруг помешаны на правильном питании, а ты притащил мне целую гору сахара. Это провокация?

Мэтью лукаво прищурился, и в его глазах заплясали озорные искорки.

— Это не провокация, это стратегия. Я хочу, чтобы у тебя остались силы на то, чтобы догнать меня на гонках. Или ты боишься, что проиграешь? — он поднялся, легко увлекая меня за собой.

— Только чур, без гонок, Мэтью! Ты ненормальный! — смеясь, прошептала я, чувствуя, как сердце начинает биться в унисон с его нетерпеливым ожиданием.

СВАДЕБНАЯ ВЕЧЕРИНКА

И вот, спустя десять минут я уже стояла перед ним в роскошном платье с переливающимися камнями и длинной фатой, закреплённой за высокий хвост и ниспадающей до самого пола. Мэтью ахнул от восторга, не сводя с меня глаз. Затем, подхватив на руки, как невесту, понёс меня в Hummer. Многие, не понимая происходящего, но видя нашу пару и меня в белом, создали живой коридор, хлопая в ладоши с улыбками на лицах. Я смутилась, обняла шею Мэтью и спрятала лицо.

— Сейчас будет весело! — загадочно улыбнулся он.

И вот я, уже стоя в люке его Hummer, чувствовала, как ветер играет с фатой и колышет мое платье, словно облако. Мы мчимся по улицам города, вызывая изумление прохожих. Это безумно, нелепо, но до безумия весело! Я хохочу, а Мэтью, сидящий рядом, сияет от счастья, пожирая меня глазами. Ренат с Миклошем ехали следом на моей «бэхе», а за ними — три чёрных кроссовера с охраной Мэтью. После выпитого вина я немного опьянела, потому что ничего не ела с утра, кроме моти. Мэтью крепко держал меня за бёдра и ноги, пока я, высунувшись из люка, кричала на испанском и освещала прохожих и дома мощным стробоскопом с проекцией зелёных смешных мемов, радуясь, словно маленькая девочка, устраивающая светомузыку на всю округу.

Адреналин бил ключом, но Мэтью надёжно держал меня, обеспечивая хоть какую-то безопасность в этом безумном

трюке. Мои пальцы крепко обхватили корпус мощного стробоскопа. Большой палец то и дело нажимал на кнопку, меняя режимы и скорость мерцания. Свет вырывался из стробоскопа, как из пасти футуристического зверя, и рисовал на ночных улицах причудливые картины. Зеленые мемы, спроецированные стробоскопом, скакали по фасадам домов, танцевали на тротуарах и на лицах изумленных прохожих. Один за другим мемы сменяли друг друга, создавая хаотичную, но завораживающую светомузыку. Лучи стробоскопа то и дело цепляли взгляды. Кто-то из прохожих улыбался, зараженный моим безудержным весельем. Другие, наоборот, хмурились и грозили кулаками, недовольные вторжением света в их ночную тишину. Охранники близлежащих зданий, привлеченные шумом и светом, настороженно наблюдали за нами, но пока не решались что-либо предпринимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.